ПИОНЕР 8

АВГУСТ ● 1977 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об избрании товарища Брежнева Л. И. Председателем Президиума Верховного Совета СССР

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик **постановляет:**

Избрать товарища Брежнева Леонида Ильича Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР
С. НИЯЗБЕКОВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль, 16 июня 1977 г.

ГИМН СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Текст С. МИХАЛКОВА
и Г. ЭЛЬ-РЕГИСТАНА

Музыка А. АЛЕКСАНДРОВА

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

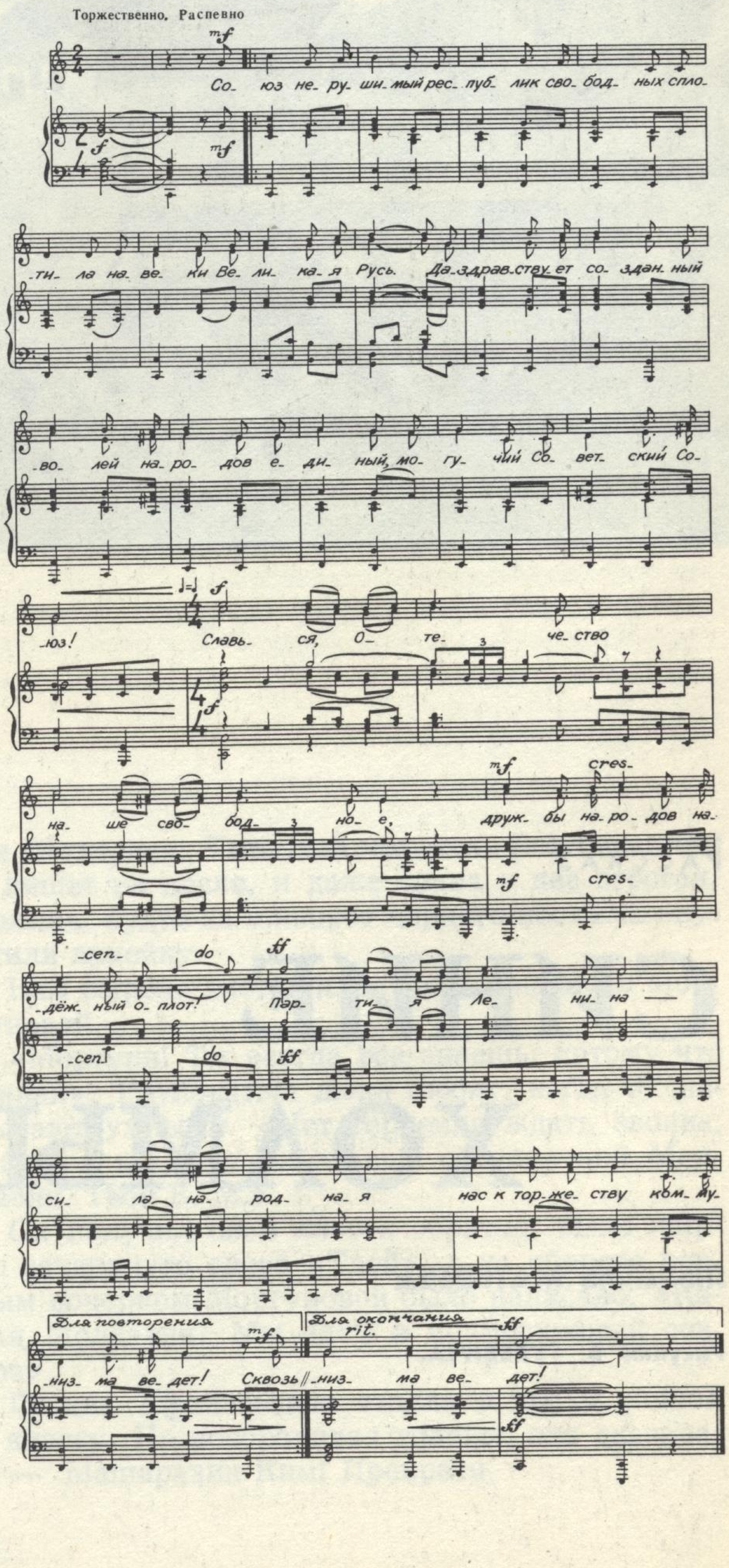
Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
На правое дело он поднял народы,
На труд и на подвиги нас вдохновил!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет!

В победе бессмертных идей коммунизма
Мы видим грядущее нашей страны,
И Красному знамени славной Отчизны
Мы будем всегда беззаветно верны!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет!



Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

АВГУСТ 8

Москва 1977 г.
Издательство «Правда»

РАССКАЗ

СИНИЕ ХОЛМЫ

Людмила **МАТВЕЕВА**

Рисунки **Б. ГУРЕВИЧА.**

На последнем уроке была алгебра. Ким Машарахин получил записку: «В каникулы — Молдавия! Ты меня уважаешь?» Внизу были нарисованы рожица и солнце. Ким пририсовал к рожице ручки-ножки-огуречик и придвинул записку Сереже. Сережа стал читать, а до Кима только тогда дошел смысл записки. Через месяц, когда начнутся летние каникулы, они, восьмой «Б», поедут в Молдавию. Интересно, все поедут? И Наташа? И Лелька Макушина? А Василий? Василий, наверное, не захочет: он индивидуалист. Недавно Ким слышал, как Василий объяснял Полине Васильевне:

— Покажите, пожалуйста, мой участок — я буду мыть пол. Люблю знать границы своей личной ответственности.

Полина Васильевна цыкнула на него:

— Бери тряпку и мой, если дежурный! Умничать теперь каждый умеет. «Границы личной ответственности». Лучше бы историю учил.

Василий вздохнул нарочно громко и стал мыть коридор.

Галина Афанасьевна пишет на доске формулу, а Ким думает. Молдавия — это хорошо. Наверное, там жарко. Они будут ходить купаться. Если останется время после работы. А какая будет работа? Вдруг такая, что и не справишься? Нет, на такую их не пошлют. Самое главное — кто из учителей с ними поедет. Если классная — Эмма Александровна, тогда хорошо. Эмма добрая, это каждый знает. Она сама себя считает очень строгой и непримиримой, ну и пускай считает. Полина Васильевна — тоже ничего: покричит, покомандует, а потом остынет. Только бы не Галина Афанасьевна. С Галиной Афанасьевной и Молдавия — не Молдавия. Тяжелый человек. Вот она стоит и пишет на доске, и даже спина у нее строгая, прямая, будто за шиворот черного костюма опустили линейку.

Ким вырвал листок из тетради и написал Моргуновой.

«Моргуня! Ты всегда все знаешь, потому что умная». Глуповатые люди любят, когда их называют умными. «Нет терпения ждать звонка. Напиши все, что ты знаешь о солнечной Молдавии. Твой К. М.».

Он получил свой листок обратно; было жирно зачеркнуто слово «Твой», а на обороте ровным почерком Моргуновой было написано: «Какая Молдавия? Мы едем в подмосковный совхоз».

Галина Афанасьевна стояла у доски спиной к классу. Не поворачивая головы, она сказала:

— Машарахин Ким! Прекрати.

Голос у Галины Афанасьевны тихий и сухой, и сама она сухая.

Ким обернулся к Инночке. Она комсорг и наверняка все знает. Галина Афанасьевна сильно, толсто подчеркнула формулу и сказала классной доске, не повышая голоса:

— Машарахин! Сколько раз тебе говорить?

Сережка шепнул Киму:

— Периферическое зрение, как у хоккеиста. Спиной видит.

Ким прыснул.

— Выставлю за дверь,— сухо заметила Галина Афанасьевна.

Наконец кончился урок. Галина Афанасьевна, прямая и неприступная, как маркиза, вышла из класса. Все кинулись к Инночке.

— Инка, не тяни! Рассказывай! Едем? Когда? — Ким стоял на столе и сам не заметил, как залез.— Молдавия, Молдавия! Говорят, там у всех девчонок синие глаза.

— Помолчи,— сказала Моргунова.

Наконец, разобрались. На перемене звонили из райкома комсомола Полине Васильевне, а она сказала Инночке: восьмой «Б» поедет в молдавское село Лапушна работать на винограднике. Пока все, больше Инночка сама ничего не знает.

Ким подумал: «А Наташа поедет?» Вслух он спросил:

— Интересно, в каком месяце поспевает виноград?

— В сентябре,— сказала Моргунова.— Не надейся.

Василий дунул Моргуновой в затылок.

— Мы поедем не ради винограда, мы его и не любим, виноград. У нас энтузиазм, мы ребята с огоньком. Моргуня, умоляю, выдай прописную истину.

— Отстань, остряк-самоучка.

— Инна! Инна! Кто из учителей едет? Подождите, не вопите! — Лида Смирновская тянет Инну за передник.— Самое главное, девчонки, кто из учителей едет.

Сережка Куликов хмыкает:

— Девчонки. Мальчишки, конечно, не люди.

— Нет, правда, кто едет из учителей?

Все перестали шуметь. Кто поедет с ними? Действительно, от этого многое зависит. Поедет, не дай бог, Галина Афанасьевна — вот тебе и будет солнечная Молдавия. Она, кроме своей математики, ничего не любит. При ней замораживаются даже самые веселые. Даже Василий теряет под взглядом Галины Афанасьевны чувство юмора.

Леля Макушина говорит:

— Я не еду, я после аппендицита. Но с Галиной Афанасьевной я бы и так не поехала.

— Инна! Кто поедет?

— Не знаю. Как раз сейчас идет педсовет, все решается. Подождем, может быть, скажут.

Уселись на подоконники. Ким стал танцевать, прижав к груди портфель. Нина Волошина достала из парты вязанье и зашевелила губами, считая петли.

Инна сказала:

— Давайте пока список составим. Хотя бы предварительный. Значит, Наташа, Лида Смирновская, Василий. Не орите под руку. Моргунова, как же без Моргуновой? Челноков, ты едешь?

— Не-а. Мы с братом Славкой едем к бабушке в деревню.

— А ты, Генка?

— Еду, пиши.

— Значит, Генка, Витя и Нина Волошина.

— Как же Витя без Нины Волошиной,— сказала Моргунова.

Нина продолжала вязать и считать петли. Витя сказал беззлобно:

— Моргунова, всегда тебе больше всех надо.

— Не ссорьтесь,— сказала Инна.— Как вы с такими характерами поедете в Молдавию?

— А что, в это самое село Лапушна только тихих голубей берут? — спросил Ким.— Тогда из нашего восьмого «Б» поедет только... Кто у нас тихий-то? — Он обвел всех глазами. Василий сложил ладони лодочкой напротив груди.— Сережка пишет стихи, задумчивый парень. Но попробуй тронь — отлетишь. Наташка? Нет, она с характером. Из нашего восьмого «Б» тогда ехать некому. Нет у нас тихих.

— Почему? Есть одна тихоня,— сказал Василий.— Вот, Ленка.

— Правда,— оживилась Моргунова.— Ленка вообще из девятнадцатого века. Тихонькая, скромненькая, меланхоличная. Едешь с нами? Или тебя мама не пустит?

— Пустит,— ответила Лена и покраснела.— Почему же всех пустят, а меня не пустят?

— Потому что приличной девочке не годится пускаться в путешествие без присмотра маменьки,— сказал Василий и прошелся по классу, придерживая двумя пальцами воображаемую воздушную юбку.

— Ну вас,— сказала Лена и отвернулась.

В это время дверь открылась, и в класс вошла Галина Афанасьевна. Она стояла у стола, отгороженная от них непроницаемостью своего лица.

— Педагогический совет решил, что я еду с вами в трудовой лагерь в Молдавскую ССР. Хочу предупредить сразу: главное — дисциплина, дисциплина и еще раз дисциплина. Машарахин, к тебе это тоже относится.

— А я что? — ответил Ким.— Я ничего.

Он стоял посреди класса, прижимая к животу портфель, как грелку.

— До выезда остался один месяц,— продолжала чеканить Галина Афанасьевна.— Это очень мало. Прошу подготовить необходимое снаряжение, список вещей получите у меня в понедельник. Все.

И она вышла, прямо держа свою строгую спину.

— Та-а-ак,— протянул Ким,— дисциплина, дисциплина, дисциплина, дисциплина и еще раз дисциплина.

Василий прошелся по классу, преувеличенно прямо держа спину. Девчонки засмеялись.

В Молдавию они приехали ночью. Такой темной ночи никто из них никогда не видел. Черное, непроницаемое пространство и только крупные звезды, особенно яркие и праздничные.

— Автобус ждет за вокзалом, — сказала Галина Афанасьевна и пошла вперед со своим рюкзаком, не оборачиваясь.

Автобус стоял темный и сонный, шофер спал в кабине, прикрыв лицо кепкой. Он проснулся и несонным веселым голосом спросил:

— Москвичи? Сажайтесь, сейчас поедем.

Они полезли в автобус. Смеялись, заталкивали в дверь круглые рюкзаки. Галина Афанасьевна сидела на переднем сиденье и не смотрела на ребят. Потом спросила:

— Все здесь?

— Машарахин за пивом побежал, — ответил Василий.

— Прекрати глупые остроты, — сказала Галина Афанасьевна и сурово посмотрела почему-то на Кима, а не на Василия.

Автобус урчал и не двигался, потом поехал. И сразу запели девчонки: «Не повторяется, не повторяется, не повторяется такое никогда».

Автобус плавно поворачивал куда-то, а потом снова набирал скорость и мчался в ночь. Спать не хотелось. Ким думал, что он в первый раз едет ночью в неизвестную жизнь. И знал, что другие тоже об этом думают. Василий, перекрывая шум мотора, острит с девчонками. Сережа молча смотрит в окно, за которым ничего не видно, и, наверное, сочиняет стихи. А Наташа тоже отвернулась к окну и поет вместе с Леной, Инночкой, Ниной. Красиво поют девчонки, в Москве так не пели.

— У нас в совхозе любят тех, кто поет, — говорит шофер Георгий. — Кто поет и кто пляшет.

Моргунова спрашивает:

— А правда, что у всех молдавских девчонок синие глаза?

— У нас и парни красивые, — отвечает Георгий.

Все смеются, а Георгий, не поняв, в чем дело, смеется вместе со всеми. Только Галина Афанасьевна остается серьезной. Она смотрит прямо перед собой.

В село Лапушна приехали на рассвете и сразу увидели белые домики в зеленых садах, холмы вокруг, островерхие тополя на дороге. Подбежали ребята, полезли в автобус. Плечистый мальчик схватил самый большой рюкзак, Ленкин.

— Ого! Что у тебя там, камни?

Лена хотела ответить: «Книги», — но не успела. Василий сказал:

— Туфли на платформе, двенадцать пар.

— Меня зовут Иосиф Брынза. Давайте еще что-нибудь понесу для равновесия. — Он повесил на другое плечо еще один рюкзак и пошел к маленьким разноцветным домикам у холма. Все шли за ним. Вышла навстречу седая женщина в длинном пестром платье.

— Учительница Мария Романовна, — сказал Иосиф Киму. — Мария Романовна! Встретили!

Она улыбалась, сразу было видно, что добрая.

— В этих домиках мы живем, наша производственная бригада. Не все еще проснулись, устали вчера. А это ваши домики, там все приготовлено: спальные мешки, даже цветы девочки поставили. А вы наше письмо получили?

— Получили, — ответила Галина Афанасьевна и больше ничего не прибавила.

Девочка с длинными косами шла рядом с Наташей и держалась за ее чемодан. Длинные ресницы прикрывали полщеки.

— Тебя как зовут? — спросила Наташа.

— Настя. Я по-русски не очень хорошо говорю. Я еще только в шестом классе.

— Ну и что ж, научишься, — сказала Наташа. — Меня Наташей зовут, а это Ким, самый высокий. А это Василий, самый веселый. А это Инна, самая главная.

Василий подошел поближе и прибавил:

— Это Наташа, самая черненькая, это Лена, самая беленькая.

Настя захохотала, откин в голову, она смеялась долго. Перестанет и опять.

— А это Настя, — сказал Василий торжественно. — Самая смешливая.

Маленький кудлатый мальчик лет семи подобрался к Киму.

— Эй, московский! Послушай, московский, скажи учительнице, пусть мне банку сгущенки даст. Я полы в домиках мыл, а она меня домой прогоняет. Я не хочу дома, скучно дома, я хочу в бригаде быть. И сгущенку пусть дает.

Мария Романовна погрозила ему пальцем:

— Сырба, отойди, дай людям в себя прийти.

Она добавила что-то по-молдавски. Сырба отошел, но издали подмигивал Киму: «Скажи, скажи». И Ким ему подмигнул: «Скажу, скажу».

— Какой славный, — сказала Наташа и засмеялась.

Ким дал Сырбе конфету «Белочка».

В розовом домике оказалось четыре постели, две внизу, а две над ними, как в купе поезда. Маленькое окно и голубые цветы в белой кружке.

— Чур, я наверху! — крикнул Ким.

— Не впадай в детство, Машарахин, — сказала Галина Афанасьевна своим бесцветным голосом. И опять Ким подумал: «Неужели не могло так случиться, чтобы поехал кто-нибудь другой! Столько в школе учителей. Нет, именно Галину Афанасьевну угораздило отправиться в эту поездку. Не зря мама говорит, что бутерброд всегда падает маслом вниз».

Они оставили рюкзаки и чемоданы в домиках и побежали вниз, к ручью, умываться. Вода прыгала по камням, ручей бормотал что-то бесконечное, спокойное.

— Холодная, — кричали девчонки радостно, — лицо горит!

Они завтракали в длинной столовой под навесом. Пили холодное розоватое молоко, ели рассыпчатую кашу.

— На пшенную похожа, только вкуснее, — сказала Моргунова.

— Мамалыга, — объяснила Настя, — из кукурузы. Это мы варили — я, Иосиф и Сырба. Правда, Сырба?

— Правда, — вскинулся Сырба, его кудрявая голова торчала над миской. — Всем дают за хорошее дежурство банку сгущенки, хочешь с хлебом ешь, хочешь — так. А Сырба не заслужил, Сырба так обойдется.

— Что ты за человек! — засмеялась Мария Романовна.

Она вышла из столовой и скоро вернулась с голубой банкой. Сырба прижал сгущенку к груди, черные глаза сияли.

— Удивительная целеустремленность, — сказала Мария Романовна. Ее седые волосы были розовыми от солнца. И белая кофточка Насти и белый воротник на строгом темном платье Галины Афанасьевны.

— Ночь не спали, и спать не хочется, — сказал Василий и потянулся.

Где-то недалеко заиграла музыка.

— В интернате зарядка началась, — сказал Иосиф. — Вы сейчас отдохните немного, вещи разберите. А я пошел наших будить. У нас горнист в Ростов уехал, теперь в рельс стучим.

Из сиреневого домика слышался голос Моргуновой:

— Девчонки! Где моя войлочная шляпа?

— Где моя большая ложка? — дразнила Моргунову Инна.

— Ага, вот она, шляпа! В резиновом сапоге!

Ким достал из рюкзака футбольный мяч и насос, сидел и не спеша накачивал мячик. А сам смотрел через открытую дверь на дальние синие холмы. Интересно, они и вблизи синие или только издалека? А можно с такого холма съехать на лыжах? Здесь, наверное, и снега не бывает. Вершины холмов круглые и склоны пологие.

Из домика, где жили Наташа, Лена и Нина Волошина, донеслась песня: «Не повторяется, не повторяется, не повторяется такое никогда»...

Ким залез на свою верхнюю полку и слушал, как поют девочки, как смеется звонко и долго Сырба, а Иосиф стучит в рельс, который подвешен на толстой проволоке к корявому суку дуба.

Сережа сидит на пороге домика и что-то пишет в тетрадке, положив ее на колено.

— Стихи? — спросил Ким.

— Так, — ответил Сережа и спрятал тетрадку.

Витя стукнул кулаком подушку и сказал:

— Хорошо, что мы приехали в Молдавию, правда?

Ким лежал молча, на потолке, перед его лицом был сучок в фанере, похожий на смуглое лицо.

— Приехали? — звонко спросил голос за домиками. — А где они? Посмотреть хочется.

Вбежали две девчонки, одна высокая в зеленом платье, с очень черными бровями, другая маленькая, круглолицая. На затылке смешно торчала короткая толстенькая косичка.

— Вот они! Здравствуйте! А мы проспали, хотели вас встречать, а сами проспали. Иосиф сказал: «Разбужу», но наврал, — быстро-быстро говорила девочка с косичкой.

Иосиф подошел и встал рядом. И сразу стало видно, что высокая девочка не такая уж высокая. Иосиф был выше на целую голову.

— Ничего не наврал, — сказал он очень спокойно. — Будил. А ты, Вера, меня ногой лягнула. Да как сильно! Нежное создание так брыкнула, до сих пор нос в лепешку.

Иосиф сморщился. Вера сказала:

— Бедняжка.

Мимо домиков пронесся Сырба. Щеки и майка были перепачканы сгущенкой. Сырба бежал, а над ним кружилась тяжелая рыжая оса.

— Эй, — крикнул ему Василий, — ты подальше от нашей спальни со своей осой! Я их не люблю почему-то.

Иосиф сказал:

— Сегодня на ближнем винограднике работаем, машины не надо. А то нас возят, шофер Георгий приезжает утром, а вечером сюда привозит.

— Шофер Георгий в селе рядом с нами живет, вот его дом, а вот наш, — сказала Вера. Она грызла листочек, потом стала грызть цветок.

Высокая девочка велела:

— Плюнь.

И Вера плюнула, цветок улетел до самой крыши.

Иосиф переждал, пока девчонки кончат болтать пустяки, и продолжал:

— Сейчас наши посуду вымоют и пойдем на работу. Ким, там работа простая, быстро научишься, ты не думай.

— А я и не думаю, — ответил Ким. — Почему ты думаешь, что я думаю?

На винограднике, на солнечном склоне холма, они встали по двое у каждого рядка. Рядом с Кимом работал Иосиф, рядом с Наташей — Вера с короткой косичкой, а Настя оказалась с Леной.

— Мы пахали! — кричал Василий, и все смеялись.

— Смотри сюда, — сказал Иосиф Киму, — подвязываем лозы, вот так.

Он двумя какими-то летучими, почти невидными движениями подвязал длинную ветку к натянутой проволоке. Ким только теперь увидел эту проволоку, она шла между бетонными столбиками, а столбы стояли ровными рядами, далеко, по всему склону.

Иосиф подвязал еще одну лозу, потом еще. А сам говорил:

— Ты тоже делай так, глазами не научишься, ты работай, тогда сумеешь.

Ким приподнял лозу, вырезные листья, похожие на кленовые. Лоза упругая, вырывается из рук. Ким накинул веревочку, стал привязы-

вать, веревка выскользнула, лоза отлетела на землю.

Ким покосился на Иосифа, а он стоял и смотрел в сторону. Что он там разглядывает? Ким поймал лозу и на этот раз привязывал медленно. Вот она и держится на проволоке. Надо только не торопиться, не суетиться.

Вот и вторую привязал, а третью совсем легко.

— Видишь, какой ты способный, — говорит Иосиф, — еще меня обгонишь. Надо мне поторапливаться.

Иосиф работает совсем без напряжения, но он намного обогнал Кима, ушел вперед.

Недалеко работает Наташа, вон она локтем поправляет волосы. Около нее вертится Сырба и смеется.

— Я в Москве жил, — говорит Сырба, — хорошо по-русски говорю? Вот потому, что я в Москве жил. У меня по русскому всегда пять.

— А по остальным? — спрашивает Наташа.

Сырба хохочет. Наташины руки красиво мелькают над зелеными кустами. Жалко, что Киму некогда смотреть.

Становится жарко. Иосиф снял рубашку и привязал ее за рукава вокруг пояса. Ким тоже стащил рубаху и тоже привязал.

— Смотри, не обгори, — говорит Иосиф, — у нас солнце сильное. Вон ты какой белый.

У Иосифа спина коричневая и блестит, как лакированная.

Ким привязывает лозу, Вера с короткой косичкой кричит:

— Иосиф! Ким на бантик завязывает веревку! Ты ему скажи, что можно на узелок!

— Не дразнись, — говорит Иосиф, — ишь, какая вредная.

Ким завязывает, завязывает узлы. Какая веревка непослушная. Будет ли у него когда-нибудь получаться все так же легко, как у Иосифа? Интересно, Генка уже научился? А Василий? Василий, похоже, сачкует. Вон его голос слышен внизу, у ручья. А все-таки Наташа красивее Насти. А эта Вера тоже ничего, глаза синие, вредные.

Зафырчал «газик», стал подниматься по холму зигзагом: то скроется за листьями, то вынырнет.

— Бригадир приехал! — крикнул Иосиф. — Здравствуйте, дядя Нэлу!

У бригадира загорелая лысина, а брови белые, торчат вперед.

— Как идет дело, учительница? — спросил дядя Нэлу. — Нравится наша работа?

Галина Афанасьевна обернулась к нему, посмотрела строго и ответила:

— Нравится.

Ким увидел, что у нее загорел нос, с розовым носом ее лицо не было уже таким непроницаемым.

— Нравится? А вы оставайтесь навсегда, — засмеялся бригадир. Зубы у него белые, крупные. — Молдавия — лучшая земля на планете! Виноград! Такой виноград у нас! А, учительница, оставайся!

Галина Афанасьевна отвернулась и продолжала работать.

Василий крикнул снизу:

— Я согласен! Остаюсь!

— Посмотрю, как работаешь, — отозвался бригадир. — Нам любые не нужны, нам ударники нужны.

Он сел в машину, тяжело втянул ногу в большом сапоге и уехал.

Скоро из лагеря донеслись равномерные удары о рельс. Кто-то бил ровно, неутомимо.

— Обед, — запрыгал Сырба, — обед! Быстро, правда?

— Да, — согласился Ким и почувствовал, что не сможет больше привязать ни одной лозы. Пальцы были как чужие: не гнулись, не слушались.

Они спускаются по извилистой дороге вниз, к лагерю.

Сырба пронесся мимо домиков.

— Ким! У тебя руки устали? — спрашивает Наташа. — У меня устали, просто ужас. Пальцев не чувствую.

— А у меня не устали, — отвечает Ким. — Все в порядке.

После обеда не ходили на виноградник. Играли в футбол, девочки готовились к концерту. На аккордеоне играл шофер Георгий, а Настя и Вера учили Лену танцевать молдавский танец.

Ким не пошел играть в футбол. Он сидел на пороге домика и не мог разогнуться: жгло спину, как будто на нее прилепили горчичники. Сильно болела голова, стучало в висках.

— Ты чего кислый? — спросил Василий. Он бежал мимо, на нем были новые джинсы со светлыми отворотами, новая желтая футболка. — Заболел, что ли? Красный какой-то.

— Нет, я так просто,— сказал Ким и сам не узнал своего голоса. Был он вялый, тихий.

— Галина Афанасьевна, Машарахин заболел! — заорал Василий.

И сейчас же около домика появилась Моргунова.

— Что у тебя, Машарахин? Горло? Голова? У меня в рюкзаке есть пирамидон.

— Отойди,— сказал Наташин голос,— не кричи. Тебе всегда больше всех надо. У меня тоже есть пирамидон.

Ким не видел Наташи, он закрыл глаза и успел подумать: «Почему это я закрываю глаза?» Перед ним плыли зеленые полосы, они шли вверх, вверх, прямо к оранжевому шару, на который нельзя было смотреть, даже закрыв глаза.

Последнее, что он слышал, был голос Галины Афанасьевны:

— Наташа — за врачом! Лена — за Марией Романовной! Не загораживайте ему воздух, ребята!

Дальше Ким не слышал ни голосов, ничего: он провалился в темноту.

Ким пришел в себя в домике. Он лежал на кровати, было светло, тихо. На табуретке сидела Галина Афанасьевна, Ким видел ее сбоку, она смотрела прямо перед собой. Заглянула Мария Романовна.

— Как наш больной?

— Спит. Теперь все хорошо. Вчера был такой ужас. Врач сказал: солнечный удар.

— Это быстро пройдет, не волнуйтесь вы так,— сказала Мария Романовна.— Дети. Они обязательно время от времени болеют, считается, что без этого не растут. У вас свои есть?

— Нет.

Галина Афанасьевна ответила односложно и замолчала. Ким почувствовал, что она не хочет отвечать ни на какие вопросы, и стал бояться, что Мария Романовна спросит еще что-нибудь. Но она не спросила. Тогда Галина Афанасьевна сама сказала:

— И детей не было, и мужа не было, и любви не было. Хотя неправда, любовь была. Была любовь, она продолжалась ровно сутки. Его звали Костя, ему было, как и мне, тринадцать лет. Я ждала его все утро, а он долго не выходил во двор. Я так долго ждала, что любовь кончилась. Знаете, это было настоящее горе.

— А потом война, а? — спросила Мария Романовна тихо.

— А потом война. Я была на фронте, видела много ран, смертей. Но никогда так не пугалась, как вчера. Мальчик Ким Машарахин перегрелся на солнце.

— Вас знобит,— сказала Мария Романовна.— Пойдите полежите немного. Ребята спят, еще рано.

— Посидим вместе,— ответила Галина Афанасьевна.

Ким посмотрел на них сквозь ресницы. Галина Афанасьевна сидела у окна на табуретке. Мария Романовна — на пороге домика. Плечи у Кима почти не болели, в голове стоял легкий веселый звон.

— Галина Афанасьевна,— сказала Мария Романовна тихо,— почему вы с ребятами так суровы? Вы же любите детей?

— Как вам сказать? Мое дело научить их математике, и я честно учу.— Она помолчала.— Меня в них поражает одно: как долго они не становятся взрослыми. Мы в тринадцать были старше, чем они в пятнадцать.

— Не знаю, не знаю. Работают они хорошо. Я человек от земли, проверяю людей в поле. Работают они хорошо.

Они замолчали. Ким закрыл глаза, хотел притвориться спящим, и сам не заметил, как уснул по-настоящему. Проснулся от голоса Моргуновой:

— Здравствуйте, Галина Афанасьевна! Как Машарахин?

Лицо Моргуновой просунулось в дверь, сзади стояла Наташа и смотрела на Кима, улыбалась.

— Ким! Как ты? — спросила Наташа.

— Хорошо,— ответил он.— Мою верхнюю полку пусть никто не занимает.

— Разговаривает,— сказала кому-то Наташа,— живой.

— Только жареный,— пробасил Василий.

Запыхавшийся голос Сырбы говорил:

— Иосиф предупреждал московского — не снимай рубаху. А он нет, он снял, вот почему так получилось.

— Идите завтракать,— сказала Мария Романовна,— пошли, пошли.

Она положила руку на плечо Наташе, и все пошли к столовой.

Только Галина Афанасьевна молча сидела на табуретке и смотрела в окно. За окном рос узкий тополь. Галина Афанасьевна повернулась к Киму.

— Ты почему снял рубашку? Неужели не сообразил, что сгоришь?

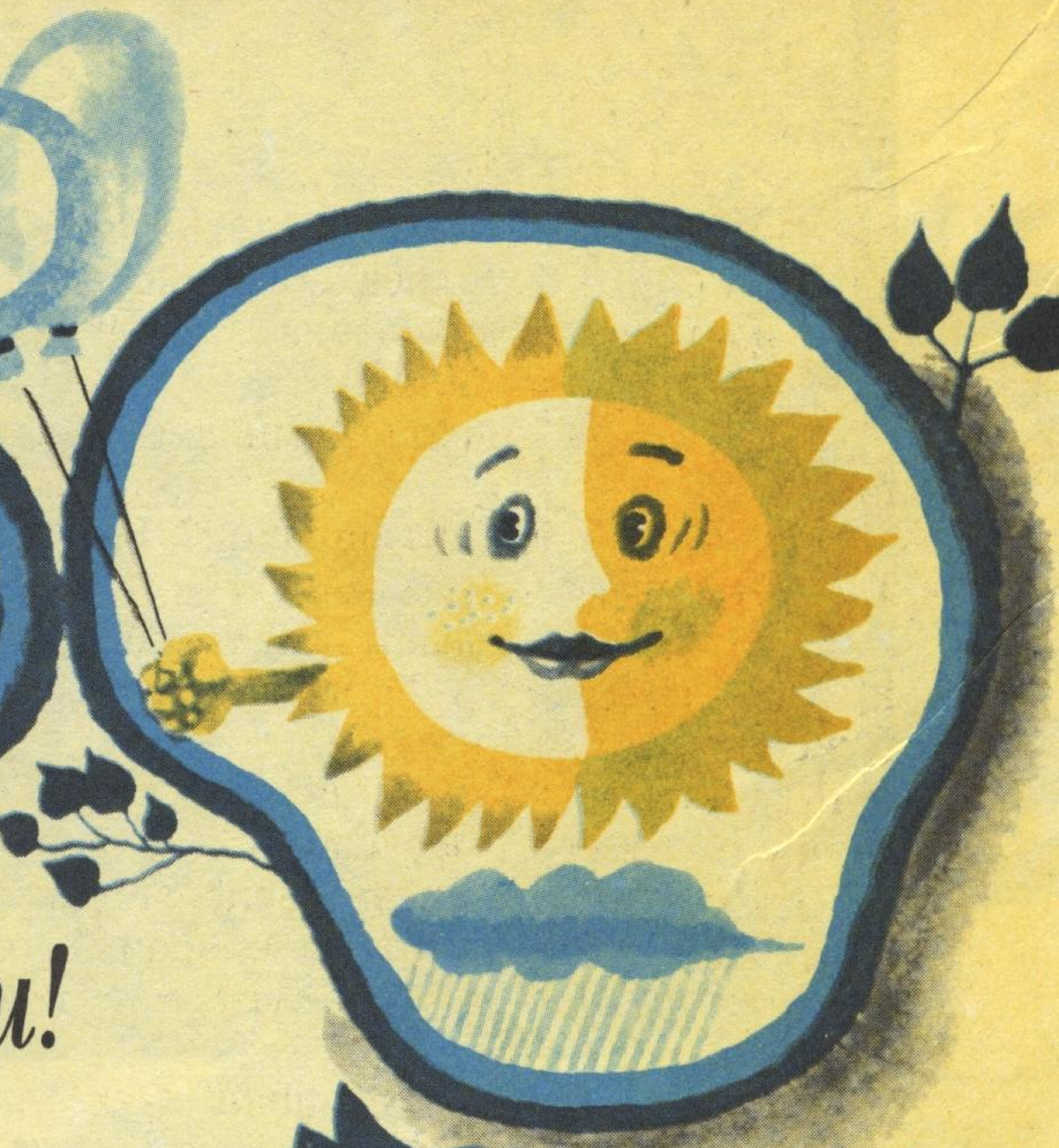
— Я не знал,— ответил Ким.

Лицо у Галины Афанасьевны было замкнутое, как всегда.

— Пойду, принесу тебе лекарство и завтрак.

Она встала и пошла. Ким видел через открытую дверь, как учительница большими шагами пересекает лагерь...

Почему Киму жалко Галину Афанасьевну, он и сам не знает.



Хороши летние денечки!

Прохладой манит речная гладь — купайся, сколько хочешь. А по утрам, когда стелется по ложбинам белесый туман, ты вместе с приятелями идешь на рыбалку. Часами сидишь где-нибудь у тихой заводи и ждешь того радостного мгновения, когда поплавок нырнет под воду.

Сколько чудес в лесу — поспели ягоды, грибы сами просятся в лукошко. «Ау! Ау!» — раздается в притихшем лесу. Это тебя окликают друзья, чтобы отдохнуть в белоснежной березовой роще, послушать, как щебечут птицы.

Поет пионерский горн, скликая ребят на утреннюю линейку. Старший вожатый объявляет: «Сегодня вся дружина идет в подшефный колхоз. Деньги, заработанные на воскреснике, лагерь перешлет в фонд операции «Солидарность».

Вместе со всеми ты убираешь сено, собираешь овощи и фрукты, выступаешь с концертами на полевом стане. И радостно бьется твое сердце от ощущения, что и ты вместе со всеми помогаешь старшим и твои заработанные деньги будут помогать в борьбе за дело мира на земле.

Идет партизанской тропой поисковый пионерский отряд. Когда-то, тридцать с лишним лет назад, здесь трещали автоматные очереди, рвались гранаты. А сейчас — тишина. И только обелиск с красной звездой да заросший травой окоп напоминают тебе о былых боях. Ты кладешь к обелиску скромный букет полевых цветов, а отряд отдает героям пионерский салют.

Бегут летние дни...

Каждый день ты делаешь открытия — большие и малые.

Ты узнал, что около твоего поселка открыли месторождение газа и через несколько лет сюда придут строители нового города. И тебе уже сегодня захотелось строить новый город, управлять могучей техникой. Уже сегодня...

Неожиданно для себя ты вспоминаешь, что через месяц тебя ждет школа. И ты открываешь страницы новеньких учебников, где почти все неизведанное. Бывают такие минуты, когда хочется поторопить лето и поскорее встретиться с друзьями на празднике урожая, на первом уроке, просто во дворе и рассказать обо всем, что произошло с тобой в дни каникул.

Но впереди еще целый месяц отдыха. И твой рассказ будет еще интереснее, если август принесет тебе много встреч с бывалыми людьми, если ты не будешь сидеть сложа руки.

ХОРОШИ ЛЕТНИЕ ДЕНЕЧКИ!

Рисунки А. БОРИСОВА.

И. АВЧИНА,
старший научный сотрудник
ордена Ленина Центрального музея
Революции СССР

ОКТЯБРЬ ШАГАЕТ ПО ПЛАНЕТЕ

250-тысячная демонстрация прошла перед зданием рейхстага в Берлине, где заседал Всегерманский съезд Советов, под лозунгом «Вся власть Советам!».

Баварская Советская республика. Отряд красногвардейцев на улицах Мюнхена.

Бела Кун провозглашает Венгерскую Советскую Республику на митинге в Будапеште.

«Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная рабочими и крестьянами России под руководством Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным, свергла власть капиталистов и помещиков, разбила оковы угнетения и создала Советское государство — государство нового типа, основное орудие защиты революционных завоеваний, строительства социализма и коммунизма» — такими словами начинается проект новой Конституции СССР. Великая Октябрьская социалистическая революция показала **«всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего»,** — писал Владимир Ильич Ленин.

Идеи Октября встретили живой отклик в странах Европы и Азии, у всех угнетенных и порабощенных народов.

И всюду рождались коммунистические партии. Коммунистический Интернационал, созданный в марте 1919 года, возглавил борьбу за освобождение мирового пролетариата.

Так началась новая эпоха всемирной истории. Российский пролетариат сделал в октябре 1917 года первый шаг, и Октябрь зашагал по планете. Его поступь неудержима, как поступь самого времени.

17 января 1918 года финский пролетариат, сформировавший свою Красную гвардию, захватил столицу Финляндии Хельсинки и свергнул власть буржуазии. Революционное правительство национализировало фабрики и заводы, землю дало крестьянам.

В ноябре 1918 года вспыхнула революция в Германии. Сперва восстали военные моряки в Киле. По всей стране образовались Советы рабочих и солдатских депутатов. 9 ноября Берлин был уже в руках восставшего народа. Германия стала республикой. Кайзер Виль-

гельм бежал из страны. Германских рабочих вел на борьбу «Союз Спартака» — боевая революционная организация под руководством Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

13 апреля 1919 года в Германии была создана Баварская Советская республика. Фабрично-заводские комитеты и Солдатский Совет Мюнхена избрали революционное правительство, которое возглавил коммунист Евгений Левине. Правительство Советской Баварии вооружило тридцать тысяч рабочих для защиты республики, приступило к национализации банков, установило на заводах рабочий контроль.

Австро-Венгрия была огромной империей в центре Европы. Австрийская династия Габсбургов с XIII века угнетала венгров, чехов, словаков и югославов. **В октябре 1918 года** народ сверг монархию. Образовались самостоятельные государства: Австрия, Венгрия, Чехословакия и Югославия.

В ноябре 1918 года в Венгрии была создана Коммунистическая партия. Ее основали Бела Кун и Тибор Самуэли. Коммунисты возглавили борьбу венгерского народа и привели его к победе. В Советской Венгрии был введен восьмичасовой рабочий день, ликвидировано помещичье землевладение, введено бесплатное обучение для детей.

В 1920 году по Италии прокатилась волна выступлении рабочих против капиталистов. Итальянские рабочие захватили многие заводы и фабрики и в течение месяца с оружием в руках защищали захваченные предприятия.

В 1920 году монгольский народ восстал против китайских колонизаторов и банд белогвардейца барона Унгерна, бежавшего в Монголию из Советской России. Руководители Монгольской революции Сухэ-Батор и Чойбалсан объединили партизанские отряды в Народную революционную армию. Временное революционное правительство Монголии обратилось за помощью к Советской России. Части Красной Армии и Народная революционная армия Монголии разгромили белогвардейцев и освободили столицу Монголии Ургу (ныне Улан-Батор). Монгольская народная революция победила.

Больше пяти лет горело в Европе пламя революций. Бушевали восстания и национально-освободительные войны в Азии. Так откликнулся мир на Октябрьскую революцию в России.

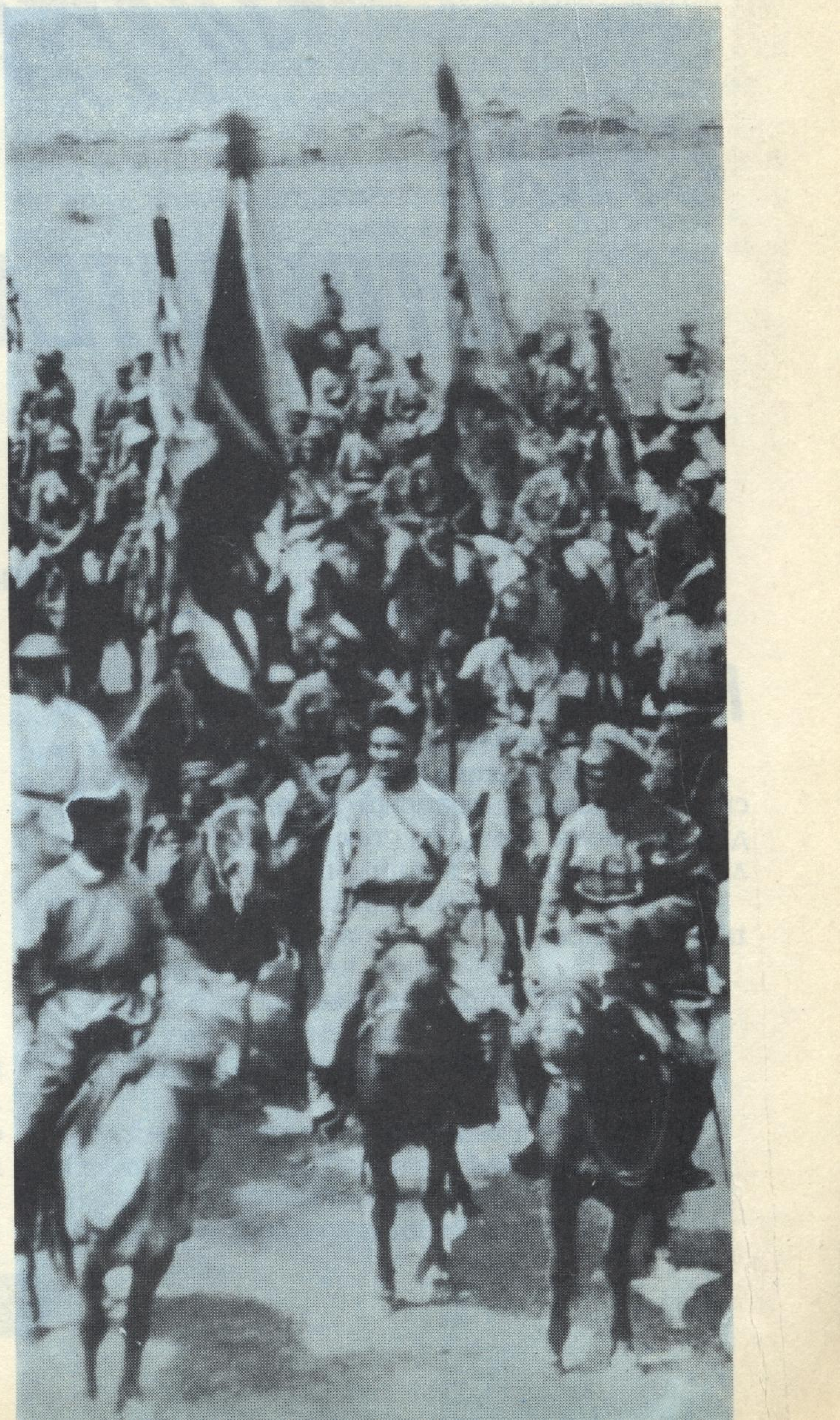
Не все революции победили. Многие революционные правительства не сумели удержать власти и пали под ударами бесчисленных врагов. Но это были незабываемые уроки классовой борьбы.

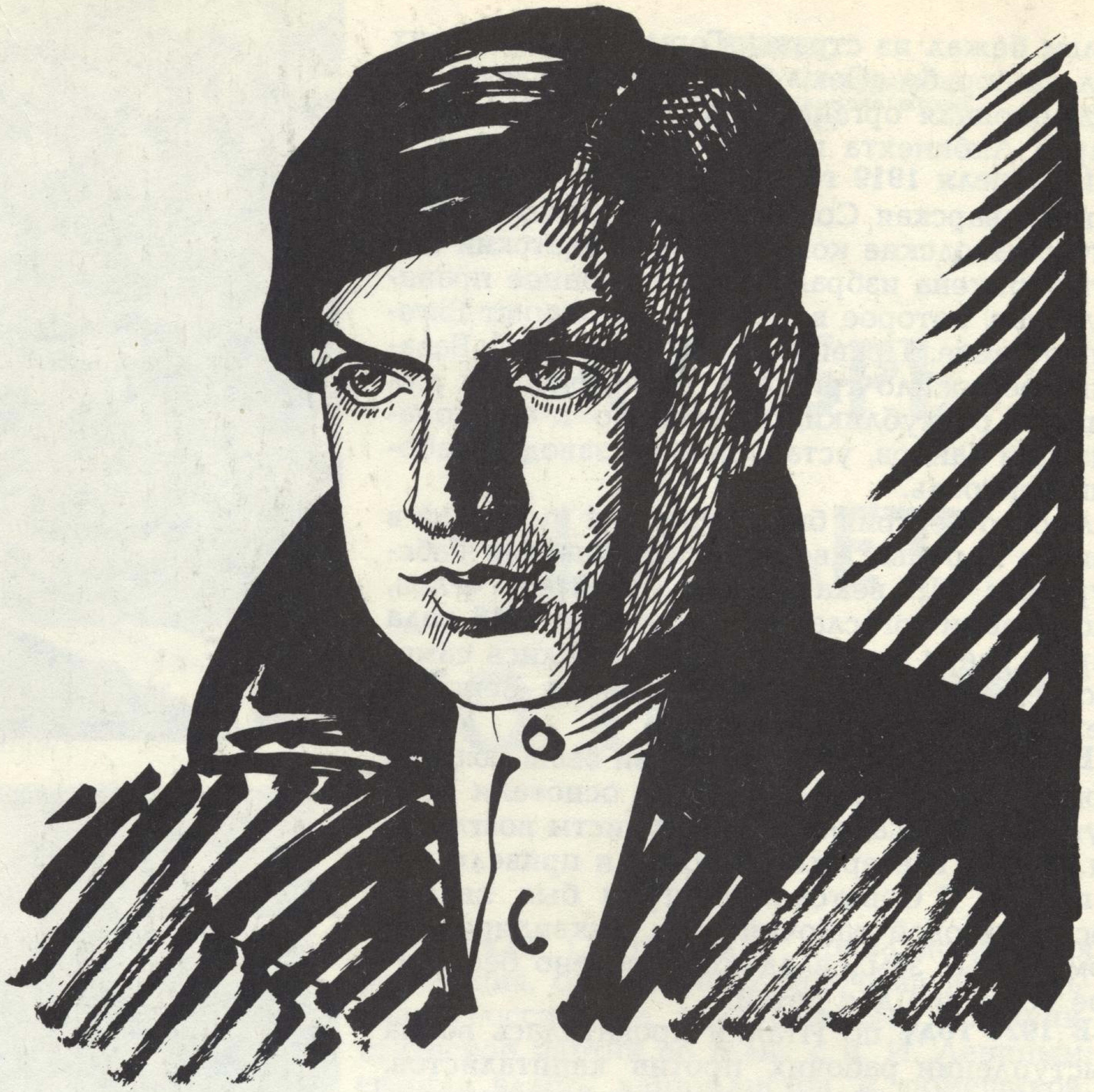
Победа Октября показала **«всему миру пути к социализму»**, писал Владимир Ильич Ленин, и дала убедиться буржуазии всех стран, «что близится конец ее торжества».

Началась **новейшая** эпоха всемирной истории, открывшая новые страницы борьбы и побед.

Итальянские рабочие защищают захваченные предприятия.

Бойцы Красной Армии и Народной революционной армии Монголии в походе.





СТИХИ СТРЕМИТЕЛЬНЫЕ, КАК ТАЧАНКИ

Евгений РЕЙН

Когда Эдуард Багрицкий умер, Красная Армия послала на его похороны почетный конвой — эскадрон кавалеристов.

И никто не удивился этому. Человека штатского, человека, который неделями не выходил из своей комнаты, так замучила его болезнь, хоронили с военными почестями.

Но ведь это Багрицкий написал в «Думе про Опанаса»:

> Жеребец подымет ногу,
> Опустит другую,
> Будто пробует дорогу,
> Дорогу степную.
> А по каменному склону
> Из Попова лога
> Вылетают эскадроны
> Прямо на дорогу...

Это он написал в другом стихотворении:

> На плацу, открытом
> С четырех сторон,
> Бубном и копытом
> Дрогнул эскадрон;
> . . . .
> Чалый иль соловый
> Конь храпит.
> Вьется слово
> Кругом копыт.

Десятки раз описывал Багрицкий сражения гражданской войны. Уже были разбиты белые армии, интервенты и бандиты, а через строфы его стихов все еще мчались тачанки, шли на Колчака сибирские партизаны, уходили на фронт воинские эшелоны, «где мелом нарисована звезда».

Не один Багрицкий, многие советские поэты писали об этом.

Но среди стихов Багрицкого есть и совсем особенные, те, что можно найти только в архивах, среди подлинных документов гражданской войны.

Вот листок, набранный бледным, убористым шрифтом. Наверху призыв: «К ОРУЖИЮ!» Затем текст: «Товарищи, преступление сидеть сложа руки, когда Советская Россия зовет вас на помощь. Все слова лишние. Всякий, кто может носить оружие, пусть берет винтовку и идет с нами на фронт. Кто не с нами, тот против нас!..»

Заканчивается листовка стихами:

Идите, братья, к нам! Тревожен час!
Враги грозят свободе и народу,
Пока огонь свободы не угас,
Идите биться за свободу.

Эту листовку, и прозу и стихи, написал Эдуард Багрицкий в 1919 году, и она распространялась по городам и селам Украины. А час был действительно опасный, грозный и тревожный. Войска Деникина заняли Донбасс и двигались на Москву. Решалась судьба революции.

В эти годы Багрицкий воевал в партизанском отряде, сражался в красноармейских частях. Он был не только поэтом, но и красным бойцом. Он имел личное, биографическое право сказать: «нас водила молодость в сабельный поход...»

Но всего более красной коннице отдал он свое сердце, о коннице он писал всю жизнь. Еще со времен Эллады крылатый конь Пегас считается символом поэзии. Для Багрицкого Пегасом была та самая боевая лошадь, которую он воспевал чуть ли не до последнего дыхания. Одна из последних его строчек такая: «...боевые лошади уносили нас...»

Вот поэтому эскадрон красной кавалерии провожал в последний путь поэта. Вот поэтому конники считали его кавалеристом революции.

Октябрьскую революцию, гражданскую войну Багрицкий воспринял как свое кровное дело. Он работал в милиции, воевал на фронтах, потом сражался в партизанском отряде. Писал листовки, стихи, плакаты для ЮГРОСТы — так называлось южное отделение Российского телеграфного агентства. А в Москве в это же время Окна РОСТА создавал Владимир Маяковский. Оба они сражались за революцию, только на разных фронтах.

О революции и гражданской войне Багрицкий писал всю жизнь. И все-таки, когда называют его имя, то прежде всего вспоминается «Дума про Опанаса» — большая поэма о гражданской войне на Украине.

Что о стихах расскажешь прозой? Только то, о чем они, о каких людях, событиях.

Вот что происходит в «Думе про Опанаса».

Красноармеец Опанас Панько убегает из своего отряда. Не хочет он воевать ни у красных, ни у белых, а хочет заниматься привычным крестьянским трудом, выращивать хлеб. Спасаясь от войны, Опанас забрел в село, захваченное бандой Махно. Невозможно быть мирным человеком в немирное время: Опанас ушел от красных, надеясь уйти от войны, а получилось так, что он ушел от красных и стал воевать против них. Махновцы заставили Опанаса вступить в свою банду. Помните, Багрицкий писал в листовке: «Кто не с нами, тот против нас»? Такая судьба постигла и Опанаса. Поэт заставляет его испытать всю глубину падения, которую влечет за собой измена: к махновцам в плен попадает красный комиссар, бывший командир Опанаса, и Опанас расстреливает его.

Наступает день решающего сражения махновцев с красной конницей. В бою Опанас сталкивается с комбригом Котовским. Котовский ударом кулака сбивает Опанаса с коня...

Махновцы разбиты, Опанаса приводят в штаб красных. Измены ему не прощают...

Вот о чем рассказано в «Думе про Опанаса». Но как рассказано! Попробуйте вслух прочитать поэму. Вы почувствуете, что вас подхватила горячая сила, даже кровь зазвенела в ушах. Ритм поэмы быстрый, дробный, словно конский бег в необозримой украинской степи. Эта степь, земля Украины, стала по воле поэта одушевленной, живой, скорбящей, как мать, на глазах которой погибают ее дети. С нежностью и щемящей любовью обращается к ней Багрицкий:

Тополей седая стая,
Воздух тополиный...
Украина, мать родная,
Песня-Украина!

В «Думе про Опанаса» все время слышится голос самого поэта. Мы чувствуем его волнение, слышим биение его сердца, нам кажется, что ритм поэмы совпадает с нашим дыханием, что мы сами летим вперед в кавалерийской атаке...

И вместе с тем мы отчетливо, будто смотрим кинокартину, видим все, что происходит в поэме. Вот появляется Котовский. Посмотрите, с какой зоркостью описаны и всадник и конь:

Над конем играет шашка
Проливною силой,
Сбита красная фуражка
На бритый затылок.
В лад подрагивают плечи
От конского пляса...

Багрицкий, мастер, художник, находит такие точные детали, благодаря которым сцена отчетливо возникает в нашем воображении.

«Дума про Опанаса» переиздавалась мно-

го раз, ее читали со сцены артисты и ставили театры. Отрывок из поэмы в 1933 году напечатал журнал «Пионер».

Багрицкий был другом и сотрудником нашего журнала. Он переписывался с юными поэтами, присылавшими в журнал свои стихи, принимал ребят у себя дома.

Редактор журнала «Пионер» тех лет Б. Ивантер вспоминал:

«Ни к одному из современных поэтов не ходили дети так часто и много, как к Багрицкому, и никто не говорил с ними так задушевно, как он. Возможно, что о рыбах и птицах он говорил им не меньше, чем о стихах...»

Однажды Багрицкий продиктовал для журнала «Пионер» рассказ о том, как сам стал поэтом:

«Над стихами я работаю очень много: над одним стихотворением два-три месяца. Я хочу отвечать за каждую строчку, мною написанную.

Учусь я все время. Учусь по книгам. Учусь у жизни. Каждый человек, с которым я встречаюсь, для меня представляет определенный интересный материал. Я много ездил по стране, но никогда не был праздным наблюдателем. Ездил я как охотник, ночевал в деревенских избах, в лесах Тамбовской губернии, в Архангельской тундре. Прислушивался к языку...

...Этой зимой я провел с ребятами несколько бесед. Среди них есть очень способные, которые, безусловно, будут писать хорошие стихи. Нужно только побольше читать и побольше видеть. Мне кажется, что ребята боятся классиков... Несмотря на то, что многие из них пишут стихи, они не читали такого гениального произведения, как «Медный всадник» Пушкина. Пришлось им его прочитать. Когда они услышали живое слово о Пушкине, они обрадовались. Они увидели, что это не мертвый поэт, что это — поэт живой...»

Сам Багрицкий думал о Пушкине постоянно, писал о нем стихи, рисовал его портреты. Однажды он обратился к Пушкину так: «Но я благоговейно поднимаю уроненный тобою пистолет...»

В трагической дуэли Пушкина он не мог не заметить оружие, боевое оружие, выпавшее из рук поэта. И в этом сказался особый взгляд Багрицкого на мир, взгляд романтический.

Романтика, о которой сказано столько красивых слов, не поддается простому определению. Что это такое? Может быть, ее нужно почувствовать, прежде чем понять. И вот здесь не обойтись без стихов Эдуарда Багрицкого. Тот, кто откроет его книги, услышит топот конницы, свист птиц, громыхание выстрелов... И горячий, веселый, романтический ветер наполнит легкие мужеством и восторгом.

Эдуард БАГРИЦКИЙ

ДУМА ПРО ОПАНАСА

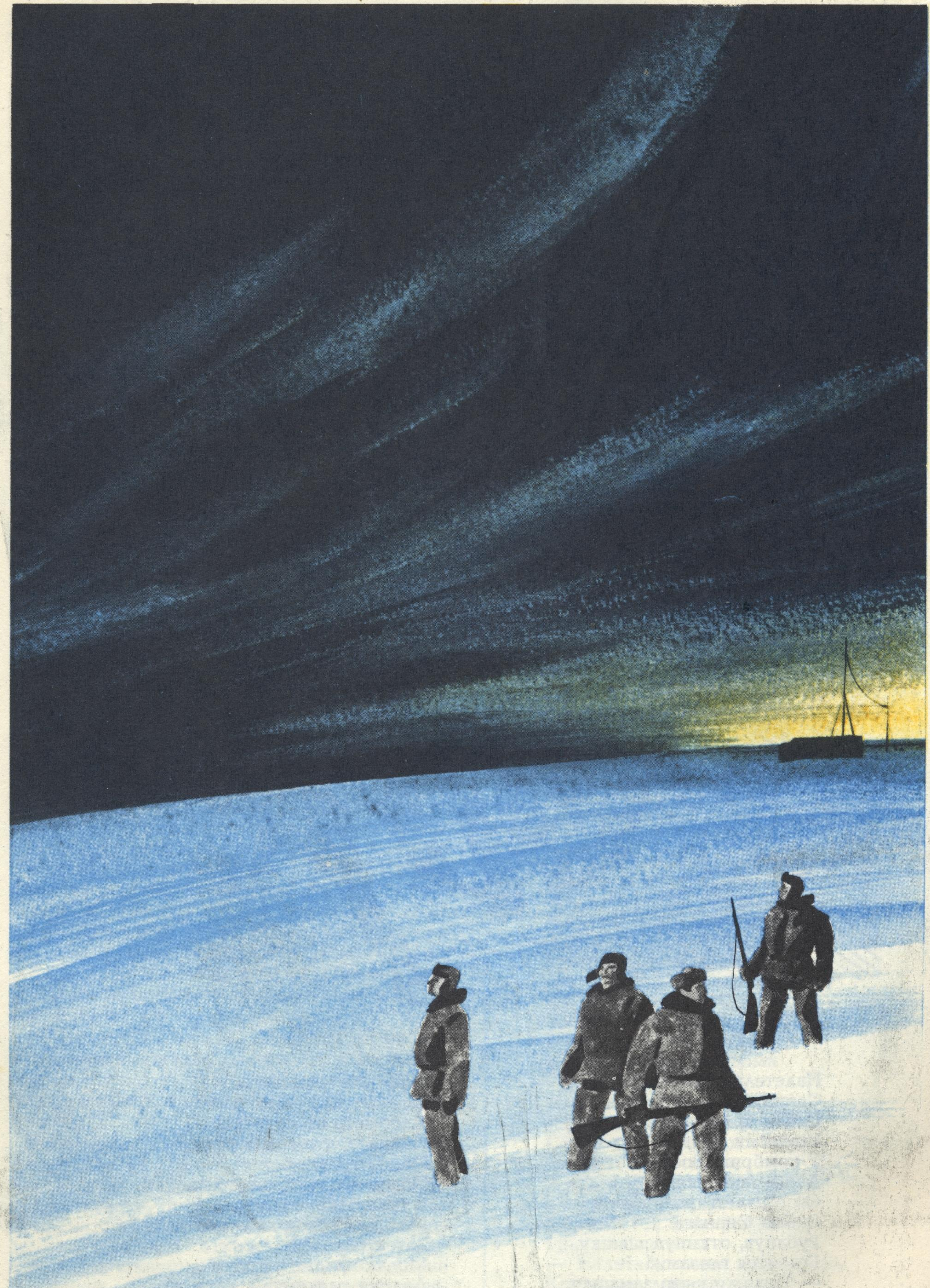
ОТРЫВКИ

Где широкая дорога,
Вольный плес днестровский,
Кличет у Попова лога
Командир Котовский.
Он долину озирает
Командирским взглядом,
Жеребец под ним сверкает
Белым рафинадом.
Жеребец подымет ногу,
Опустит другую,
Будто пробует дорогу,
Дорогу степную.
А по каменному склону
Из Попова лога
Вылетают эскадроны
Прямо на дорогу...
Головами крутят кони,
Хвост по ветру стелют:
За Махной идет погоня
Аккурат неделю...

Ну, и взялися ладони
За сабли кривые,
На дыбы взлетают кони,
Как вихри степные.
Кони стелются в разбеге
С дорогою вровень —
На чумацкие телеги,
На морды воловьи.
Ходит ветер над возами,
Широкий, бойцовский,
Казакует пред бойцами
Григорий Котовский...
Над конем играет шашка
Проливною силой,
Сбита красная фуражка
На бритый затылок.
В лад подрагивают плечи
От конского пляса...
Вырывается навстречу
Гривун Опанаса.
— Налетай, конек мой дикий,
Копытами двигай,
Саблей, пулей или пикой
Добудем комбрига!..—

Налетели и столкнулись,
Сдвинулись конями,
Сабли враз перехлестнулись
Кривыми ручьями...
У комбрига боевая
Душа занялася,
Он с налета разрубает
Саблю Опанаса.
Рубанув, откинул шашку,
Грозится глазами:
— Покажи свою замашку
Теперь кулаками! —
У комбрига мах ядреный,
Тяжелей свинчатки,
Развернулся — и с разгону
Хлобысть по сопатке!..—
Опанасе, что с тобою?
Поник головою...
Повернулся, покачнулся,
В траву сковырнулся...
Глаз над левою скулою
Затек синевою...
Молча падает на спину,
Ладони раскинул...
Опанасе, наша доля
Развеяна в поле!..

Рисунки С. ОСТРОВА.



Рисунки В. ДУДКИНА.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Анатолий ЧЛЕНОВ

В 1937 году, сорок лет назад, четверо советских людей впервые в истории зимовали во льдах Северного полюса. Одним из них был я, начальник нашей дрейфующей полярной станции. Мои товарищи — геофизик Евгений Константинович Федоров, гидробиолог Петр Петрович Ширшов и радист Эрнст Теодорович Кренкель — были молодые, крепкие, надежные люди, которые не боялись тягот полярной жизни. О том, как готовилась наша экспедиция,как мы жили и трудились на льдине,— обо всем этом вы узнаете, прочитав книгу бывшего полярника Анатолия Членова «Особое задание». «Пионер» печатает главы из нее.

...Сорок лет прошло с тех пор. За эти годы многое изменилось. Советские экспедиции и дрейфующие станции в Арктике теперь вовсе не диво. Они оборудованы первоклассной техникой. Но жить и работать в полярных льдах и теперь трудно. Арктика, как и раньше, коварна и опасна. Многие из вас, дорогие ребята, мечтают о подвиге. Но помните, друзья: подвиг совершает лишь тот, кто ГОТОВ к нему. Кто сумел воспитать в себе волю и мужество. Кто умеет отлично выполнять свою работу в самых трудных условиях. Это, по-моему, самое главное! Много прекрасных дорог открывает перед вами Родина, проект новой Конституции СССР. Какую бы профессию вы ни избрали, готовьтесь к ней с детства, с юности. Учитесь, учитесь и учитесь! Только так можно стать специалистом высокого класса, мастером своего дела. Жизнь звала к подвигу все поколения советских людей. Они сражались на фронтах гражданской войны, защищая в огне жестоких сражений молодую Советскую республику. Во время Великой Отечественной войны все встали на защиту Родины и не щадили своей жизни в боях с фашизмом. У вас, у ребят семидесятых годов, непочатый край дел, и пусть каждый из вас скажет себе: без меня не обойдутся, я должен быть там, где труднее всего. Возможно, кто-то из вас захочет стать полярником. Тогда помните: с неумелым, плохо подготовленным человеком Север расправляется жестоко. Хочу пожелать всем читателям большого и доброго пути в жизни! Смелых вам исканий, успешных свершений, дорогие друзья!

И. Д. ПАПАНИН,
дважды Герой Советского Союза, контр-адмирал, доктор географических наук.

НАД ПОЛЮСОМ КРАСНЫЙ ФЛАГ

Перелет на полюс оказался долгим и трудным. Посудите сами: после старта с московского аэродрома прошло два месяца, прежде чем самолеты экспедиции взлетели с острова Рудольфа и взяли прямой курс на полюс. Девятнадцать часов в воздухе и полторы тысячи часов в ожидании погоды. Жестокая пурга, вьюжные полярные ветры, густой ватный туман — вот как встречала Арктика покорителей полюса.

Но теперь наконец все позади.

Удивительная тишина кругом. Люди стоят на самой макушке земного шара. Они молча переглядываются, и вот уже над безмолвными, угрюмыми льдами гремит «Ура!». Все тянутся к Папанину: «Качнем хозяина полюса!» Иван Дмитриевич отбивается:

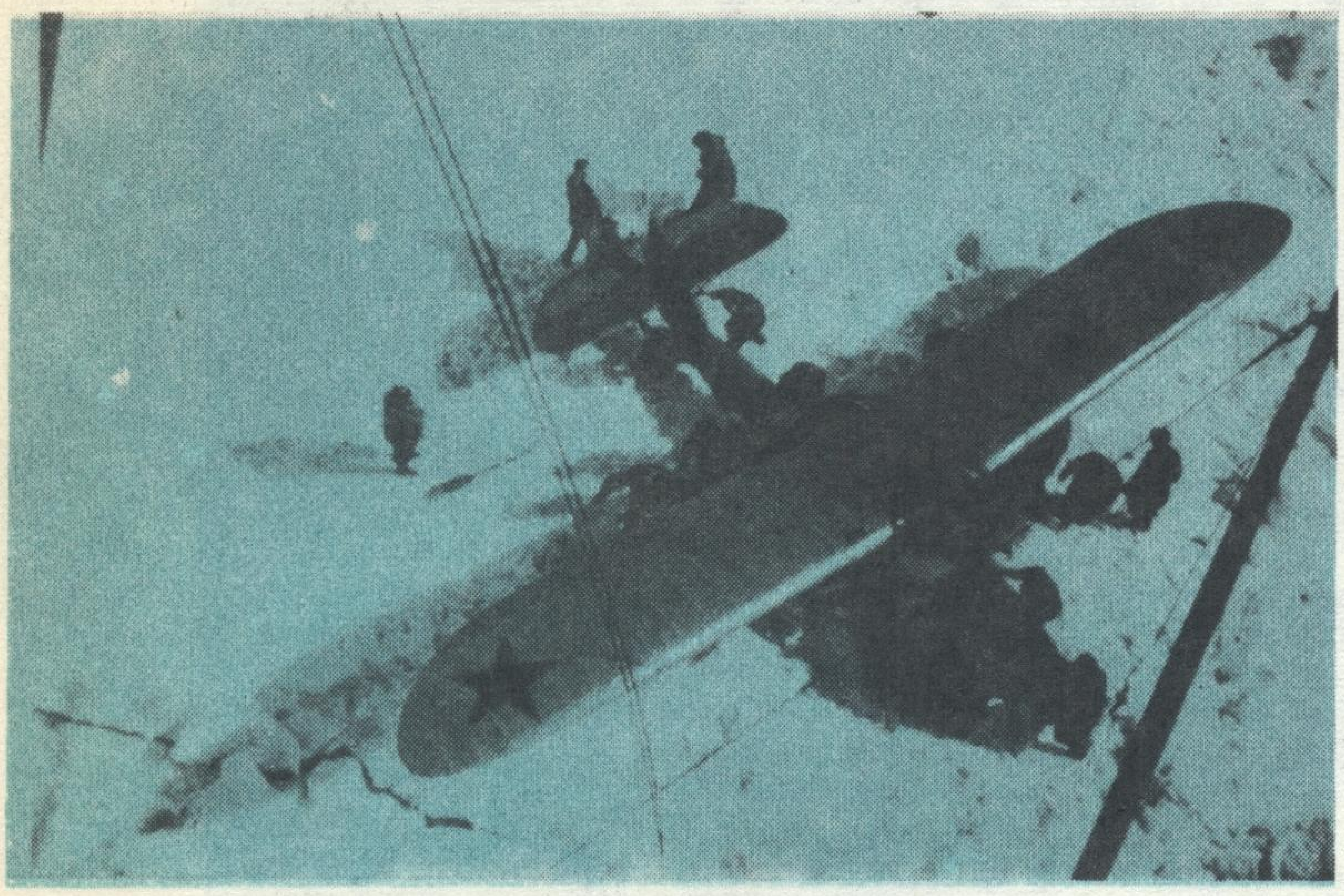
— Я же тяжелый, братки! Уро́ните еще ненароком!

Кренкель, не теряя ни минуты, налаживает связь с Большой Землей, остальные устанавливают приборы, растягивают временные легкие палатки. Лагерь на льду начинает жить.

С острова Рудольфа летит на полюс первая поздравительная радиограмма — партия и пра-

Вот они — герои Арктики:
слева направо
П. Ширшов, Э. Кренкель, Е. Федоров, И. Папанин.

Самолет
благополучно приземлился на льдине.



Папанинцы
обживают
свою льдину.

вительство приветствуют отважных полярников. И тут же на связь выходят ученые. Они торопят, просят скорее дать первую сводку погоды. Эрнст Теодорович Кренкель, выстукивая точки и тире, не без юмора отвечает: «Подождете. Тысячу девятьсот тридцать семь лет нашей эры никто не знал погоды полюса, потерпите еще полчаса!»

Папанинцы не знают ни минуты покоя. Они обходят СВОЮ льдину, выбранную с воздуха. Это огромное ледяное поле, продолговатое, вытянутое с севера на юг. Длина его — километра четыре, ширина — около двух.

— Как думаешь, Петр Петрович, — обращается Папанин к Ширшову, — какая тут толщина льда? Полагаю, не меньше трех метров...

— Ну, Дмитрич, это уж ты хватил! Не больше двух!

— Проверим! — азартно говорит Папанин и берется за пешню — специальный ломик для того, чтобы рубить и колоть лед.

В работу включаются летчики, бортмеханики и даже начальник экспедиции академик Отто Юльевич Шмидт. Меняя друг друга, трудились до седьмого пота несколько часов. Наконец льдину продолбили насквозь. В отверстие хлынула океанская вода. Опустили в прорубь мерную рейку. Ширшов снял отсчет и сказал сконфуженно:

— Твоя правда, Дмитрич. Толщина нашей льдины — три метра десять сантиметров.

— Вот видишь! — смеется Папанин. — Хоть ты у нас и гидролог, морской бог, а со старшими не спорь!

...Двенадцать дней живет и работает дрейфующий лагерь на льдине. Установлена большая палатка — основной жилой дом папанинцев. К ней пристроили снежный тамбур и кухню. Неподалеку — радиорубка. В легких шелковых палатках разместились научные лаборатории. Работает ветряк, надежно обеспечивая рацию электропитанием.

В ледовом городке появились даже улицы — так гордо называли папанинцы промежутки между палатками. Папанин сразу же дал им имена: Советская, Самолетная, Складская...

Часто над ледовым лагерем проносится пурга, палатки заметает снегом. Но это никого не пугает. Дни проходят в непрестанном труде. Постепенно устанавливается ритм регулярных научных исследований, вовремя отправляются на материк сводки погоды. Ширшов берет пробы океанской воды, делает первые наблюдения за течением.

— Что ж, товарищи, — говорит он, — толщину своей льдины мы знаем. А какая же глубина океана под нами?

Готовясь к первому измерению, Петр Ширшов с утра возился с лебедкой. Ее изготовили специально для экспедиции — легкую и прочную. Один недостаток — крутить лебедку предстояло вручную. Спуск специальных приборов на дно океана длился почти три часа. Счетчик показал глубину 4 290 метров.

— Ничего себе! — задумчиво сказал Папанин. — Больше четырех километров воды под нашей льдиной. Подходяще!

Не очень-то весело думать о том, какая страшная толща студеной воды под ногами. По сравнению с ней трехметровый лед кажется ненадежным и хрупким, как яичная скорлупа.

— Исторический у нас сегодня день! — сказал Ширшов. — Ни одному человеку на земле еще не удавалось измерить глубину океана на полюсе. Мы определим температуру воды у самого дна, ее химический состав и многое другое.

— Ладно, деловито сказал Папанин. — Давайте поднимать...

Началась самая трудная часть работы. Больше шести часов, сменяя друг друга, крутили папанинцы рукоятку лебедки. Сбросили меховые куртки: от такой работы и на морозе было жарко. На ладонях вздулись кровавые пузыри. А глубоководные измерения предстояло делать через каждые тридцать километров дрейфа.

— Да, скучать будет некогда. — Ширшов грустно посмотрел на руки. — И никакую работу мы не можем отложить на завтра. Льдина наша дрейфует, движется, и то, что не сделано сегодня, уже не сделаешь никогда.

— Работать будем столько, сколько потребуется, — спокойно сказал опытный радист Кренкель.

— И даже больше! — добавил Папанин.

Вечером, обработав показания приборов, Ширшов рассказал товарищам, о чем поведал ему океан.

— Удивительнейшие сведения! — возбужденно потирая руки, воскликнул Петр Петрович, входя в палатку. — На глубине температура воды выше, чем на поверхности. Вы понимаете, други, что это значит? — Ширшов выдержал таинственную паузу. — Это значит, что Гольфстрим — теплое течение, начинающееся у берегов Мексики, доходит до самого центра Ледовитого океана, до полюса! Это же открытие, да еще какое!

Во время дрейфа папанинцы доказали правильность этого вывода. Было установлено: воды Атлантического океана мощным глубинным течением выносятся к Северному полюсу. Это было очень важно для прогнозирования дрейфа льдов, для обеспечения нормального плавания судов по Северному морскому пути.

Каждый день приносил новые и новые открытия. Летчики поймали пуночку — маленького полярного воробушка. Посмотреть на птицу собралось все население лагеря. Пуночка на льдине, на полюсе — это казалось совершенно невероятным. Папанин прибежал в палатку одним из последних и категорически потребовал:

— Отдайте немедленно нашу птицу!

Летчики не согласились:

— Это наша пуночка! Мы ее поймали!

— Наша, наша! — азартно возражал Иван Дмитриевич. — Мы на полюсе хозяева, значит, и пуночка наша!

В любую погоду вел метеорологические наблюдения Евгений Федоров.

Верный друг зимовщиков пес Веселый вместе с ними делил все трудности.

Ветеран Арктики — ледокол «Красин».

— Нечего тогда распускать птиц по всему полюсу! — обиженно говорили летчики.

Но пуночку отдали. Папанин нежно подышал крошечной птахе в затылок: «Идем, маленькая, покормлю тебя». Птичка наклонила головку, глянула круглым глазом и принялась спокойно клевать с ладони крошки сухарей. Папанин торжествовал:

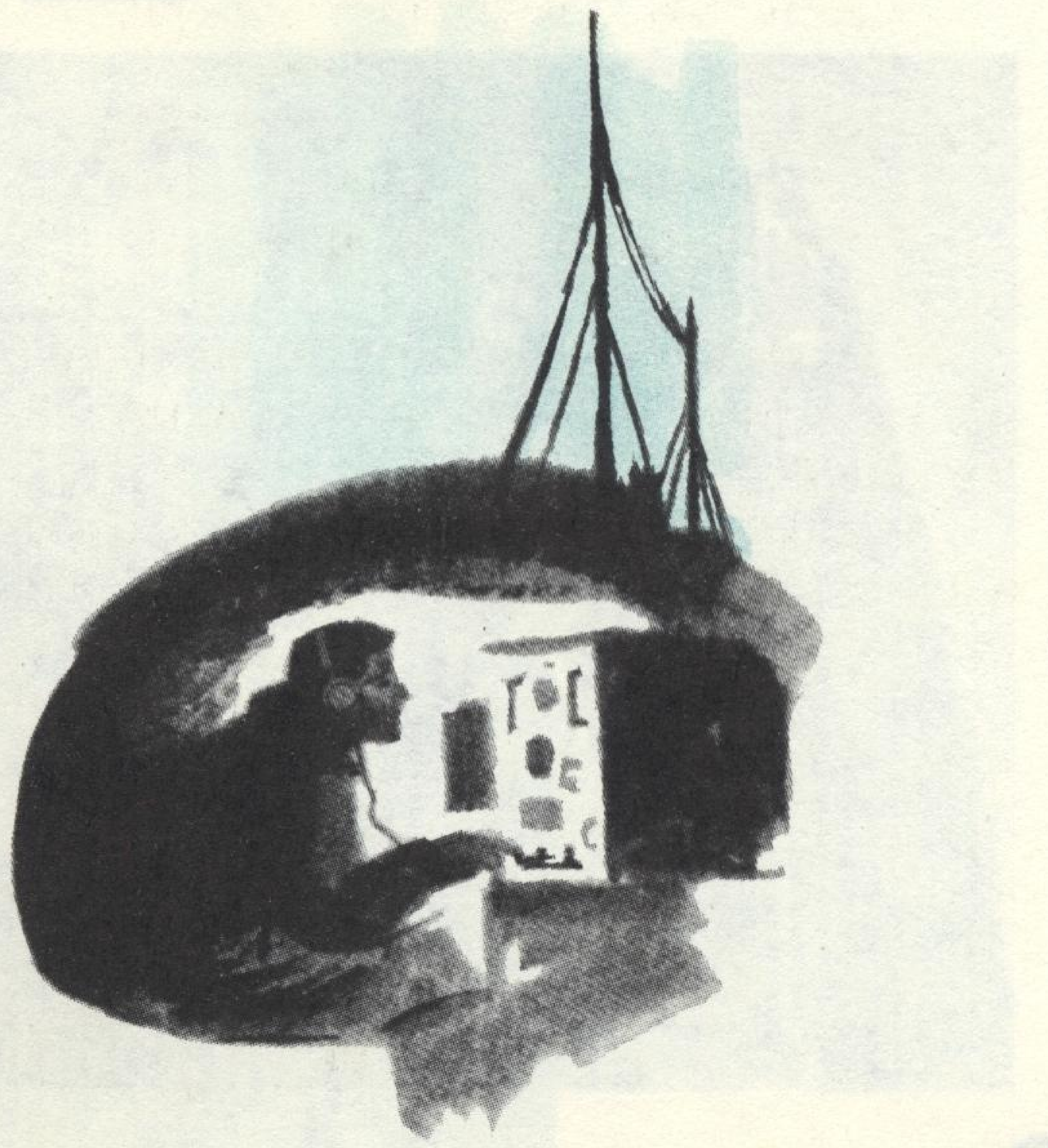
— Настоящих хозяев любая живность признает!

Вокруг пуночки разгорелось немало споров. Летчики считали, что она попала на полюс, нечаянно забившись в кабину самолета еще на острове Рудольфа. Но Ширшов и Федоров были уверены, что пичуга долетела до полярного лагеря сама. Спор продолжался долго. Ведь Нансен, Пири и другие полярные исследователи в один голос утверждали, что на полюсе, в царстве вечных льдов, нет и не может быть жизни. Все разрешилось само собой. Через несколько дней после появления пуночки над льдиной пролетела белокрылая чайка-чистик. Ширшов во время глубоководных измерений поднимал со дна океана мельчайшие живые организмы. Несколько месяцев спустя папанинцы видели даже нерп и белых медведей. Во время дрейфа было доказано со всей очевидностью: на полюсе, в центральной части Северного Ледовитого океана, есть жизнь.

...Собираясь в обратный путь, в Москву, летчики сделали папанинцам подарки: блокноты, книги, мотки проволоки, инструменты. Папанин все с благодарностью принимал. С шутками и смехом торжественно вручили патефон. Смеются летчики, вручая подарки, смеются папанинцы, улыбается в свою роскошную бороду Отто Юльевич Шмидт. Но глаза у всех грустные: скоро прощаться.

И вот этот день наступил. Все собрались перед жилой палаткой. На трибуну, сколоченную из ящиков, поднялся академик Шмидт.

— Сегодня мы прощаемся с полюсом, — говорит он. — Полюс оказался для нас не страшным, а гостеприимным, родным. Словно он веками ждал, чтобы стать советским, словно он нашел настоящих своих хозяев. Мы уверены, что трудная и опасная работа четырех наших товарищей, которые остаются на полюсе, войдет в историю мировой науки... Советскую полярную станцию на дрейфующей льдине объявляю открытой!



Медленно, торжественно поднимается на мачте Государственный флаг СССР. Ветер подхватывает красное полотнище с серпом и молотом. Гремит салют из винтовок и револьверов. На трибуну рядом с Отто Юльевичем поднимается Папанин.

— Дорогие товарищи и друзья, — говорит он взволнованно. — Братки мои дорогие! Будьте спокойны за нас. Задание Родины мы выполним. Так и передайте в Москве. Непременно выполним!

— По машинам! — командует Шмидт...

Белая бесконечная ледяная равнина кругом. Начинает мести поземка. Тишина, глухая тишина Арктики тяжело наваливается на четырех человек, оставшихся на льдине. Прижавшись к ногам Папанина, поскуливает пес Веселый — пятый член зимовки.

— Ничего, братки! — дрогнувшим голосом говорит друзьям Иван Дмитриевич. — Мы не одни. С нами вся страна. О нас помнят, думают, беспокоятся...

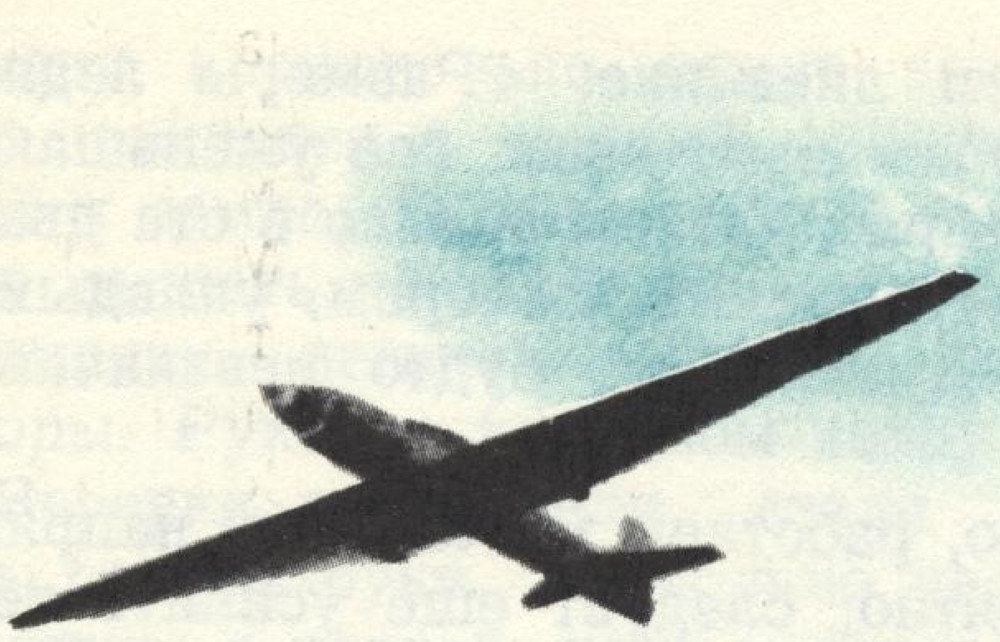
В сердце седого Ледовитого океана полощется на высокой мачте алый флаг Страны Советов. Четыре человека под флагом. Кренкелю пришло время выходить на связь. Теперь только радио связывало папанинцев с Большой Землей.

В жилую палатку сошлись только к ночи. Усталые, забрались в меховые спальные мешки и мгновенно уснули. Термометр в палатке показывал восемь градусов ниже нуля.

А на рассвете Папанин неожиданно, как по тревоге, проснулся. Около палатки отчаянно лаял Веселый. Слышался зловещий глухой скрежет. Казалось, что под надувным настилом палатки с хрустом ломался лед. Иван Дмитриевич разбудил товарищей. Вместе вышли наружу. Голубели вокруг льды, низко нависло над ними тяжелое, серое небо.

Отчетливо слышались глухие удары. Льдина под ногами тревожно вздрагивала. Неожиданно пал густой туман. В трех шагах ничего не было видно. Отходить от палатки в такую погоду нельзя. Полярники занялись работой, часто прислушивались к близкому грохоту льдов. Когда туман рассеялся, осмотрели свою льдину. Вчера еще она тесно смыкалась с соседними ледяными полями. А теперь они отодвинулись. Открылись широкие разводья темной воды. Папанинцы очутились на ледяном острове. А по краю их собственной льдины змеей пробежала глубокая трещина.

— Ничего особенного, — усмехнулся Папанин. — Так... обыкновенная канава. Только во льду.



Шуткой насчет канавы Иван Дмитрич старался скрыть беспокойство. Опытный полярник, он хорошо понимал, какую опасность для станции представляет трещина. Ледяное поле теряет прочность...

Несмотря ни на что, работа на первой дрейфующей шла своим чередом. Вовремя были отправлены на Большую Землю метеосводки. Ширшов возился около проруби — брал очередные анализы морской воды. Федоров, воспользовавшись солнцем, определил координаты льдины и провел серию магнитных наблюдений. Жизнь и работа полярной станции продолжались...

ПОЛЯРНЫЙ ДРЕЙФ

Из Москвы через радиостанцию острова Рудольфа папанинцам передали экстренное сообщение: «Необходимо обеспечить сводками погоды и радиосвязью полет Чкалова через Северный полюс в Америку».

— Видите, братки, — довольно улыбнувшись, сказал Иван Дмитриевич. — Работа нашей дрейфующей станции нужна не только для глубоких научных исследований, но и для сегодняшних, огромной важности дел. Объем метеорологических наблюдений нужно будет увеличить вдвое. А для Эрнста начинается круглосуточная радиовахта.

Больше двух суток длился беспосадочный перелет Валерия Чкалова. У папанинцев была тайная надежда, что, пролетая над полюсом, он, может быть, увидит станцию и сбросит на льдину письма и газеты... Увы... полярникам удалось только услышать гул моторов чкаловского самолета. Низкие, свинцовые облака закрывали небо. Шум моторов становился все тише, самолет уходил дальше на север... Передав сообщение в Москву, Кренкель устало потянулся к спальному мешку. Глаза у него были красные, воспаленные, лицо осунулось. В огромном напряжении, не снимая наушников, не отрывая руки от телеграфного ключа, работал он непрерывно тридцать шесть часов.

А через несколько дней еще одна радиограмма из Москвы: состоится новый рекордный перелет в Америку. Командир экипажа — Герой Советского Союза Михаил Громов. Спортивным комиссаром перелета назначили Евгения Федорова. Он должен был зарегистрировать точное время прохождения самолета над станцией. И опять началась бессменная вахта Эрнста Теодоровича Кренкеля. Когда громовский самолет благополучно приземлился в Америке, папанинцы отправили радиограмму: «Рады, что наши сведения о погоде помогли перелетам славных советских летчиков. На перекрестке всех меридианов светофор открыт. Добро пожаловать!»

...Время на дрейфующей станции летело незаметно. К концу июля погода на полюсе резко изменилась. Шли нескончаемой чередой влажные туманы. Все теплее становилось незакатное арктическое солнце. Под рыхлым снегом скапливалась на льду вода. Однажды хлынул проливной дождь. В Арктике, на Северном полюсе, настоящий ливень! Тяжелый брезент палатки гнулся и дрожал от напора дождя и ветра...

Полярное лето принесло новые трудности. Папанинцы очень страдали от сырости. Одежда была постоянно мокрой, а сушить негде. Иван Дмитриевич озабоченно следил за состоянием льда: ведь талая вода разрушала его. Неподалеку от жилой палатки образовалась бурливая речушка.

— Канал Москва — Полюс! Принимаются заявки на лодочные прогулки! — пошутил Папанин, стараясь скрыть тревогу.

Когда снег на ледяном поле растаял, оказалось, что трещин довольно много. Просто раньше их не было видно. Полярники посовещались и решили ежечасно проверять состояние льдины, чтобы беда не застала их врасплох. Дежурить вызвались Папанин и Кренкель, чтобы не отвлекать товарищей от научной работы.

Постоянное напряжение сказывалось. Полярники сильно похудели, от постоянной сырости и холодной воды у них распухли и болели кисти рук. Иван Дмитриевич, самый старший из зимовщиков, порой хватаясь за грудь, старался, чтобы это не заметили друзья. Все чаще прихватывало сердце. Товарищи старались всячески помочь своему Дмитричу, но он категорически отказывался.

— Нет уж, браточки, — говорил он. — Каждый час извольте использовать для научных наблюдений. Это для нас — главное!

Но, несмотря на трудности, которые принесло полярное лето, папанинцы не теряли бодрости.

— Единственное, что у нас на льдине не промокает, так это наше настроение! — шутил Кренкель.

...Непрерывно и внимательно следили полярники за дрейфом своей льдины. Как только вы-

давалась солнечная погода, Евгений Федоров по солнцу определял координаты станции. Сравнивая эти данные с предыдущими, определяли направление и скорость движения льда. Это позволяло разгадать тайны океанских течений. Станция кочует в океане, движется то на юг, то на запад. Иногда льдина проходит больше двадцати километров в сутки, а бывают дни, когда она почти стоит на месте.

Если скорость дрейфа увеличивается, очень трудно проводить гидрологические наблюдения. Приборы, опущенные в глубину, затягивает тогда под лед. Ширшов смеется:

— Сегодня барометры занесло, и я слышал, как они зацепились за меридиан!

Петр Петрович днюет и ночует у своей гидрологической лебедки. В палатку его приходится тащить чуть не силой. Товарищи помогают ему чем могут. Все понимают, как важно собрать как можно больше научных наблюдений.

Летний полярный день длится чуть ли не круглые сутки. Солнце только опустится к горизонту, прокатится багровым шаром по ледяной равнине — и вот уже снова поднимается в небо. Потому и зовут полярное летнее солнце незакатным.

Только к часу ночи усталые, вконец измотанные собираются папанинцы в жилой палатке. Можно наконец присесть, отдохнуть... Иван Дмитриевич спешит покормить товарищей, разогревает на примусе нехитрый обед. Вошел с кастрюлей, посмотрел, и грустная, добрая улыбка тронула губы. Все спали в той позе и на том месте, где присели. Больших трудов стоило разбудить друзей, заставить раздеться и залезть в спальные мешки. И снова — мгновенный сон... А Папанин собрал мокрую меховую одежду и вынес ее сушить на ночном солнце. Потом разбудил Кренкеля — ему пора было на ночную вахту, — напоил его кофе. Только после этого забрался Иван Дмитриевич в спальный мешок. Завтра ему предстояло, как впрочем и каждый день, вставать в семь утра.

Но поспать не удалось. Полярников разбудил далекий мощный гул. Начиналось очередное сжатие льдов. Сейчас, когда ледяное поле полярного лагеря размывала талая вода, это было особенно опасно. После сжатия льдину в разных местах прорезали трещины, образовались широкие разводья. Что-то неумолимое и коварное есть в повадке ледовых трещин. Они возникают незаметно, извиваясь, бегут по ледяному полю тонкими нитями. Потом медленно, очень медленно края начинают бесшумно расходиться. Трещина становится шире, толще, как черная змея, заглатывающая добычу... И вот уже из свинцово-серой полыньи, злобно шипя, выплескивается вода, слизывая снег.

...Через несколько дней начался жестокий шторм. За стенами палатки свирепо выл ветер. Несколько раз льдину мягко толкнуло. Новая трещина прошла совсем рядом с палаткой. Еще собраннее стали полярники. Но тревога поселилась в ледовом лагере. Папанин в эти дни записал в своем дневнике: «Размеры ледяного поля, на котором мы живем, все уменьшаются. Теперь лагерь расположен только в ста двадцати метрах от трещины». Вечером, укладываясь спать, Иван Дмитриевич будто невзначай заметил:

— Конечно, работаем мы много и напряженно. Но, вероятно, следует еще усилить темпы научных наблюдений. Мы с Эрнстом больше будем помогать. И давайте договоримся: все отчеты немедленно передавать в Москву по радио. Что бы с нами ни случилось, результаты нашей научной работы не должны пропасть...

В эти тревожные дни особенно радостно было папанинцам получать с Большой Земли радиограммы от родных, от знакомых и незнакомых друзей. Как-то Кренкель настроился на московскую волну. Пионеры Коля и Сережа Билибины читали по радио свой стихотворный привет папанинцам:

И мы хотим на полюс, где стужа и мороз,
И мы хотим пощупать земную ось.
Но вот, покамест вырастем,
Все полюсы откроют:
Пройдет десяток лет — и белых пятен нет.
Мы ставим вам условие:
Мы ждать согласны, но
Оставьте нам с Сережей
Хотя б одно пятно.

Полярники долго смеялись, а Папанин предложил отправить ребятам радиограмму с предложением учиться на начальника аэровокзала «Северный полюс». Много радости доставляли полярникам ребячьи радиограммы. Их было немало. Прислали свой горячий привет «Юные Колумбы» из московского журнала «Пионер», приветствовали покорителей полюса читатели «Пионерской правды». А когда папанинцев выбирали в Верховный Совет, героем стихов стал Ширшов. На его родине, в городе Днепропетровске, ребята сочинили такую песенку:

Все большие, детвора, голосуйте
за Петра!
За Петра Петровича, за Ширша
Ширшовича!

Эти веселые строчки передали на льдину. Радио было на станции голосом Родины, голосом мира. Радио надежно связывало затерянную в арктических просторах льдину с Большой Землей. Связь была ниточкой жизни. И доверена она была надежному, верному человеку — радисту Эрнсту Кренкелю. Он ни разу за все время ледового дрейфа не подвел товарищей.

...Недолгое полярное лето шло к концу. Становилось все холоднее. И вот случился день, когда завыло, загрохотало все вокруг. Началась пурга. Среди мятущихся вихрей ничего нельзя было разобрать. Солнце закрыли тяжелые, плотные тучи. Ветер свистел и выл, быстро вырастали огромные сугробы. Высокую ме-

теобудку в несколько минут занесло снегом. Ветер, свирепея с каждый минутой, пригибал людей к земле, забивал снегом глаза и рот, не давал дышать. Полярники бросились крепить радиомачту, легкие палатки, где хранились приборы. Руки на холодном ветру быстро стыли. Веревки заледенели, стали жесткими, в кровь резали руки. Несколько часов боролись папанинцы с пургой, пока удалось надежно закрепить оборудование. Только после этого вернулись в палатку. Какой же теплой и уютной показалась она измученным людям! Пурга длилась несколько дней без перерыва. Лед вокруг покрылся ступенчатыми снежными застругами. Они были твердыми, как камень: мороз и ветер намертво утрамбовали снег.

Но не только непогода говорила о приближении жестокой арктической зимы. Пошло на закат солнце. Кончался бесконечный полярный день. После обеда наползали густые лиловые сумерки. От ледяных торосов падают ломаные синие тени. А чуть позже рождаются в небе бледные холодные звезды. Постепенно они все больше наливались мерцающей синью. Пришло время, и вот яркий и холодный свет далекой звезды отразился в чистой поверхности льда.

— Вот и кончилось наше полярное лето, — грустно говорит Иван Дмитриевич. — Четыре месяца мы уже работаем на льдине. Теперь надо готовиться к самому трудному. Впереди — полярная ночь. На целых пять месяцев ночь.

Молча стояли четверо полярников. Грустно смотрели вдаль, где только что дрожала на холоде багровая полоска восхода. Густой морозный сумрак тяжко навалился на бесконечные ледяные поля...

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ, ГОТОВНОСТЬ № 1

К началу декабря папанинский лагерь находился у берегов Гренландии. Дрейф неумолимо увлекал льдину на юг. Общий ее путь составил 1200 километров. Во мраке полярной ночи дрейфующую станцию все теснее прижимало к темным скалам Восточного мыса.

Папанинцы были все время начеку. В любой миг могла произойти катастрофа. Но план научных работ выполнялся неукоснительно.

Как-то, войдя в палатку после очередных измерений, Ширшов торжествующе заявил:

— Могу вас поздравить, други! Объем наших научных исследований не уступает любой экспедиции на специально оборудованном гидрологическом судне. Учтите, там есть специальные моторные лебедки, хорошо оборудованные лаборатории, да и людей там в несколько раз больше.

— Да еще находятся эти люди на надежной палубе, а не на дрейфующей льдине, — задумчиво добавил Кренкель. — Но до сих пор, хлопцы, нам на свою льдинку обижаться было нечего... Везло, можно сказать.

— Ох, братки, не люблю я этих слов: «везет», «счастливая судьба», «в рубашке родился». Не люблю, потому что неверные эти слова! — горячо вступил в разговор Папанин. — Судьба и везение ни при чем. Упорное стремление и труд — вот в чем залог успеха в любом деле!

Побеждают в жизни не те, кто ждет счастливой случайности, не те, кто рассчитывает на слепую удачу. Успеха добиваются труделюбы. Люди, одержимые служением идее, избранному делу. Труд, мужество и стойкий характер — вот что определяет место человека в жизни.

Тихие дни редко выдавались на дрейфующей станции. В кромешной тьме полярной ночи постоянно свистел ветер в угрюмых торосах. Воздух густой от холода — дышать тяжело. Чуть поглубже вздох — и сразу начинает душить тяжелый кашель. Морозы в 25 градусов казались полярникам райской погодой. Обычно термометр показывал 30—40 градусов ниже нуля. И так изо дня в день... Даже в палатке нельзя было согреться. Густой иней висел на брезентовых стенах, снег на полу не стаивал, и его приходилось выметать веником.

В одну из январских ночей льдина неожиданно вздрогнула. Звякнули на полке колбы и пробирки Ширшова, тревожно мигнул зеленый глазок радиостанции. Кренкель, который был на вахте, сорвал наушники, прислушался. Все стихло, ничто не предвещало беды. Эрнст Теодорович решил все же разбудить Папанина, подошел к его койке.

— Я не сплю, — спокойно сказал Иван Дмитриевич.

Он оделся и, прихватив фонарь, вышел из палатки. Желтый свет фитиля казался беспомощным в непроглядной тьме. Она была такой плотной, что ее, казалось, можно было потрогать рукой. Папанин осторожно обошел палатку, но неожиданно путь преградила вода. По тому, как свободно билась волна о ледяную кромку, Папанин определил: ширина разводья — несколько десятков метров. Над водой в морозном воздухе клубился густой пар. Стало ясно: ледяное поле станции снова уменьшилось. А через несколько часов началось очередное сжатие льдов. Мощный гул раздавался подряд семь часов. Тяжко вздыхали огромные ледяные поля, с грохотом наползая друг на друга. Они разламывались с глухим ударом, напоминающим орудийный выстрел... Лед кричал разными голосами: он скрежетал, выл, и противный зловещий визг трущихся льдин прерывался громовыми ударами.

Когда сжатие кончилось, папанинцы зажгли все фонари и осмотрели лагерь. Широкая полоса чистой воды исчезла. На ее месте, совсем недалеко от палатки, громоздилась новая гря-

да торосов. От нее расползались по льдине глубокие трещины. Вчера их еще не было.

Папанин объявил на станции готовность № 1. Все необходимое упаковали на случай немедленной эвакуации. Если трещины начнут расходиться, придется переносить станцию на новое место. На легкие санки погрузили аварийный запас продовольствия, запасную рацию, уложенные в непромокаемый мешок документы — результаты научных исследований.

— Это самое ценное для нас! — сказал Иван Дмитриевич.— Научные материалы нужно спасти любой ценой. Даже если только один из нас останется на льдине, он обязан доставить их в Москву...

— О чем речь, командир! — спокойно согласился Федоров.— Это и так ясно.

Тревожная обстановка в лагере заставила папанинцев работать еще больше, еще упорнее. Евгения Константиновича Федорова товарищи извлекали из ледяной обсерватории совсем окоченевшим. Увеличивающаяся скорость дрейфа заставляла его работать особенно много, чтобы как можно чаще и точнее определять координаты станции. Он появлялся в жилой палатке, едва шевеля застывшими губами, долго не мог разогнуть скрюченные пальцы. Его постоянно бил озноб, руки опухли и посинели. Чуть отогревшись, Федоров снова уходил в свой ледяной павильон.

Нелегко приходилось и другим полярникам. Работали все они теперь по десять — четырнадцать часов в день. Постоянный холод, сырость, бессменные вахты, мрак полярной ночи — все это тяжело сказывалось на их здоровье. Хуже стал аппетит, появилась вялость. Мучительное состояние — все время хочется спать, а сна нет...

Под Новый год Папанин решил устроить общий выходной день — первый за все время дрейфа. Однако ничего из этого не вышло. У всех нашлись неотложные дела. Иван Дмитриевич записал в дневнике: «Не получился у нас выходной день. Мы так привыкли к действию, что без работы уже жить не можем».

Получив сообщения об ускорившемся дрейфе, в Москве стали готовить эвакуацию полярной станции со льдины. Хотя папанинцы ничего не сообщали о своих тревогах, Шмидт относился к их спокойным радиограммам критически.

— Надо знать Папанина, надо принимать в расчет характер людей, которые находятся в ледовом лагере,— говорил он.— Они сообщат об опасности только в самом крайнем случае, когда беда схватит за горло. Все четверо из крутого теста замешены... И потом, мы должны понимать, с каким страшным напряжением они работают. Силам человеческим есть предел. Нет, не дожидаясь беды, надо готовить эвакуацию станции.

Было принято решение послать в район дрейфа ледоколы и снять папанинцев со станции.

...Беда, которой опасался Шмидт, не заставила себя ждать. В конце января разыгралась пурга небывалой силы. Шквальный ветер валил с ног, двигаться приходилось чуть не ползком. Как пушинку, сорвало накрепко вмороженную крышу ледяного домика магнитной обсерватории. Внутри мгновенно образовались плотные, вровень с потолком завалы снега. Под прикрытием стен папанинцы бросились откапывать приборы. Порыв бури свалил мачту радиостанции. Помогая друг другу, полярники бросились укреплять ее вновь: без связи остаться было нельзя. Страшная пурга длилась шесть дней. Несмотря ни на что, трижды в день уходили на материк регулярные сводки погоды...

Утром 1 февраля вконец измученные полярники легли спать. Но Папанин не мог сомкнуть глаз; его не оставляло тревожное предчувствие.

— Что ты волнуешься так, Дмитрич? — устало улыбнулся Кренкель.— Не в первый раз у нас пурга. Выдержим...

Неожиданно прямо под палаткой раздался страшный скрежет. Папанин резко вскочил:

— Быстро, Теодорыч! Буди ребят!

Схватив фонарь, Иван Дмитриевич выскочил из палатки. За ним выбежали товарищи. Слепящий снежный вихрь сек лицо, не давал дышать...

— Дмитрич, осторожнее! — Ширшов вовремя удержал командира: метрах в восьми от брезентовой стены вилась трещина. Видно было, как колыхались, то сходясь, то расходясь, края льда. Всем стало ясно: вот оно пришло, то испытание, к которому готовились столько месяцев. Вернулись в палатку. Папанин сразу проверил аварийный лаз через крышу, осмотрел заранее приготовленные аварийные нарты.

Немного отогревшись, на разведку отправился Ширшов.

— Трещина разошлась метров на пять и проходит рядом с хозяйственным складом! — доложил он, вернувшись.

К складу пробились сквозь пургу, но дверь оказалась намертво заваленной снегом. Папанин вскочил на крышу, несколько раз ударил топором по ледяному куполу. Он со звоном рухнул, и Папанин, не раздумывая, спрыгнул вниз. Ноги сразу очутились в ледяной воде. Склад заливало... Через разбитую крышу Папанин стал выбрасывать наружу валенки, меховые фуфайки, пачки патронов. Товарищи быстро укладывали все это на запасные нарты.

— Хватит, Дмитрич! Вылезай! — кричал Кренкель.— Трещина расходится! Черт с ним, с имуществом! Вылезай немедленно!

Но Папанин продолжал выбрасывать имущество наружу. Только когда вода дошла чуть не до пояса, он выбрался из склада... Иван Дмитриевич понимал: если придется покинуть палатку, без запасной одежды, без теплых вещей не прожить...

По пути в палатку заметили еще одну трещину. Она змеилась за антенной. Ледяное поле дрейфующей станции расползалось на куски...

В палатке было грязно и неуютно. Откуда-то

просачивалась вода. Товарищи уложили Папанина, растерли ему ноги спиртом. Он переоделся в сухое и снова принялся за работу.

— Надо упаковать все, что есть в палатке. Бодрости, братки, терять не будем, но следует готовиться к тому, чтобы перебираться на новое место.

Как только немного рассвело, все принялись за строительство снежной хижины. Тоскливо было покидать дом, верой и правдой служивший столько времени, но выбора не было. Трещины проходили под палаткой, змеились по льдине в разных направлениях. Перед тем, как снять рацию, Кренкель отправил радиограмму:

«В результате шестидневного шторма в 8 часов утра 1 февраля в районе станции поле разорвало трещинами. Находимся на обломке поля длиною 300, шириной 200 метров. Отрезаны две базы, также технический склад со второстепенным имуществом. Из затопленного склада имущество спасено... Будем переселяться в снежный дом... В случае обрыва связи просим не беспокоиться. Папанин».

В своем дневнике Иван Дмитриевич записал: «О страшной штормовой ночи, которую нам пришлось пережить, решил пока что умолчать. Не стоит беспокоить людей понапрасну...»

На горизонте вставало разбухшее и холодное багровое солнце. Над черными трещинами, перекрестившими льдину, поднимался парок...

Прошел еще один день. Трещина, образовавшаяся ночью, продолжала расширяться. Метеорологическая будка оказалась на самом краю полыньи и угрожающе накренилась над черной водой. На другом обломке льдины остался указатель ветра. Залило ледяную обсерваторию. А льдина продолжала раскалываться дальше. Новые трещины подходили к тому месту, где теперь разместили радиостанцию. До самого горизонта — мелкобитый лед и широкие разводья чистой воды. Нигде ни одного большого ледового поля, куда можно было бы перебазировать станцию. На обломке льда проплыла мимо папанинцев лебедка Ширшова, спасти ее не удалось.

— Эх, жалость какая! — сокрушался Петр Петрович. — Ведь это первая в мире лебедка, которой измерили глубину Ледовитого океана у полюса. Музейный же экспонат!

Смеялись, шутили, скрывая тревогу и усталость. Кренкель наладил рацию и принял радиограмму из Москвы. Шмидт сообщал, что правительство и весь советский народ восхищены мужеством отважной четверки полярников. Ледоколы «Таймыр» и «Мурман» выходят в море. Уже недалеко от папанинцев находится пароход «Мурманец». Срочно готовится к выходу в океан ледокол «Ермак».

Вовремя передав на Большую Землю сводку погоды, папанинцы начали обдумывать радиограмму в ответ на запрос о положении станции.

— Надо так написать, — говорил Папанин, — чтобы все было правдой, но не вызывало лишнего беспокойства.

Наконец текст совместными усилиями подготовили. Радиограмма была короткой. Смысл ее сводился к записи, которую Иван Дмитриевич сделал в дневнике: «Продолжаем спокойно работать на обломке нашей льдины». А обломок стал совсем крошечным — 40 на 50 метров. В нескольких шагах от лагеря — бездонная черная пропасть. Над водой клубится пар. Лагерь остался на пятачке.

ПОМОЩЬ РОДИНЫ

После минувшей пурги ударили сорокаградусные морозы. Но они радовали полярников. Ледяные обломки начали быстро смерзаться. Ледяное поле, на котором располагался теперь лагерь папанинцев, начало увеличиваться. Но радость была недолгой. Льды наползали друг на друга, крошились, образовывая сплошной движущийся вал. Он неотвратимо приближался к обломку, на котором разместился лагерь. Папанинцы, снова собрав все оборудование станции на аварийные нарты, были готовы ко всему. Но торошение неожиданно закончилось. Ледяной вал остановился в десяти метрах от временной палатки. Потом льды снова развело. Опять заблестела в разводьях вода. Надвигался туман...

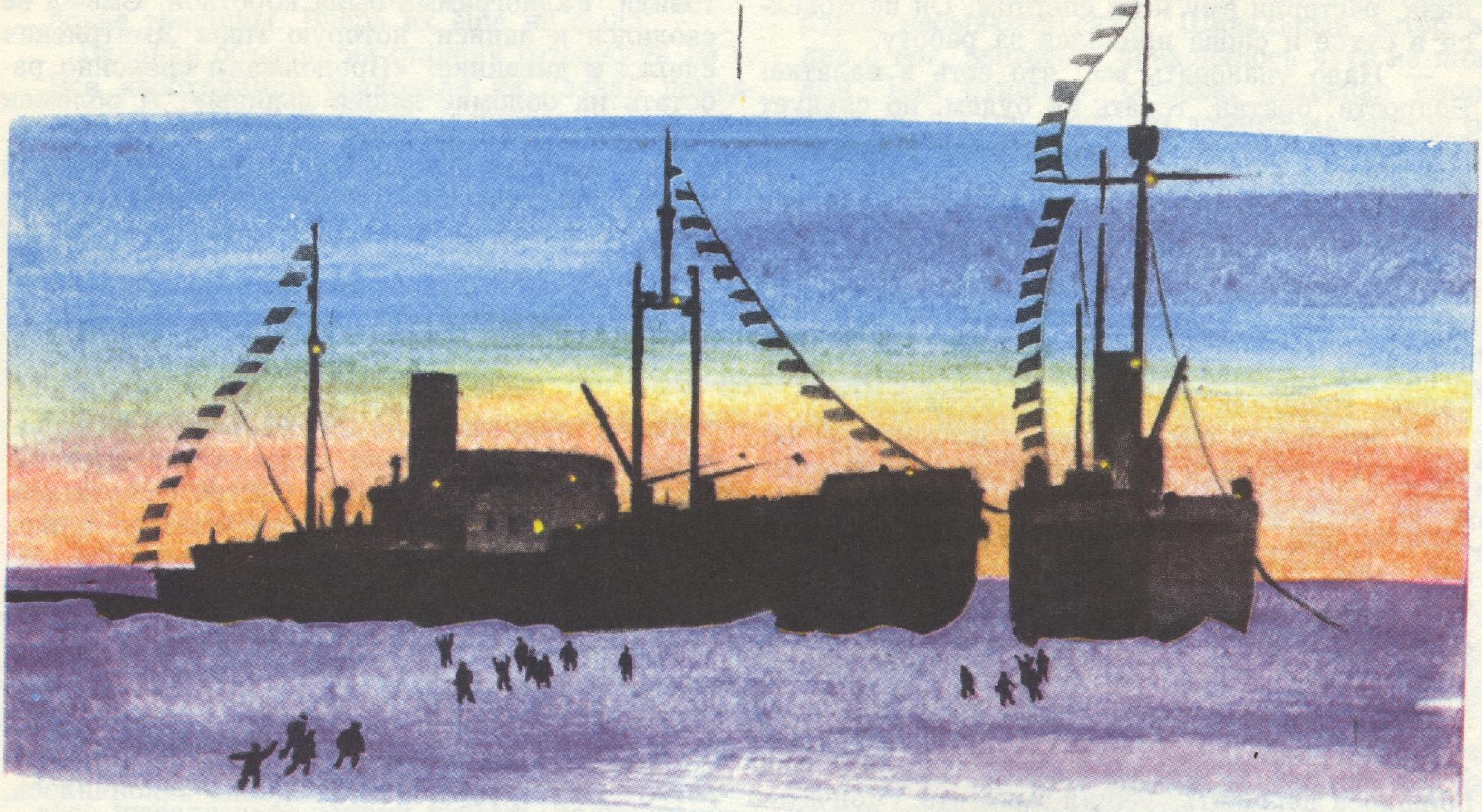
На один из ледяных обломков неожиданно прыгнул Веселый — пес, который верно делил с папанинцами все трудности дрейфа.

— Назад! — закричал Папанин. — Ко мне!

Но льдина уже отходила по набежавшей волне. Пес заметался по кромке, заскулил, умоляюще глядя на людей. Федоров ползком подобрался к самому краю льдины и багром зацепил уплывающий обломок. Папанин, не раздумывая, перемахнул через полынью. Схватив собаку на руки, он разбежался и прыгнул обратно. В тот же миг новая волна перевернула обломок и унесла его дальше... Веселый лизал Ивана Дмитриевича в лицо, тихонько повизгивал.

— Эх ты, неумеха! — сказал Папанин. — Все бы тебе прыгать... Смотри у меня!

...Все ближе к папанинскому лагерю подходил ледокол «Таймыр». Полным ходом двигался к станции и мощный ледокол «Мурман». А вот маленькому пароходу «Мурманец», который первым подошел к кромке льдов, не повезло: он застрял в ледовом плену.



Родина шла на выручку своих сыновей. На борту ледоколов были самолеты. Они должны были обнаружить папанинцев, а если корабли не смогут подойти к лагерю, то и снять людей со льдины. Иван Дмитриевич в эти дни записал в своем дневнике: «Спасение четырех советских людей, терпящих бедствие на льдине, рассматривается в нашей стране как государственное дело».

В постоянной тревоге, в борьбе с штормами и пургой прошло несколько дней. И вот однажды Кренкель, обходя во время дежурства лагерь, закричал:

— Скорее! Скорее! Все выходите на лед!

— Что там? Трещины? Сжатие? — Полярники выскочили по тревоге. — Говори же, Эрнст, что случилось!

— Какое сжатие! — продолжал кричать Кренкель. — Огни видны на горизонте! Понимаете: огни! Это «Таймыр» нам сигналит.

Федоров быстро навел на мигающий огонь теодолит, прильнул к окуляру. Выпрямился, посмотрел на товарищей шалыми от радости глазами.

— Да, это сигнальный прожектор, — уверенно сказал он. — Это «Таймыр»!

— Это Родина! — тихо сказал Папанин.

На «Таймыре» работали, не зная устали. Неподалеку от корабля расчищали взлетную площадку для разведывательного самолета. Вышел к кромке льдов и «Мурман». Там готовился к полету летчик Черевичный. Готовили аэродром и папанинцы. Морозы вновь соединили ледяные поля, и для посадочной площадки удалось выбрать место.

Несколько раз вылетали летчики Власов и Черевичный в ледовую разведку. Но каждый раз, как назло, опускался густой туман, и папанинский лагерь нельзя было обнаружить сверху. После одного из таких полетов летчик Черевичный не вернулся. Успел только сообщить, что идет на вынужденную посадку, и связь с самолетом прервалась... Как найти небольшой самолет среди бесконечных ледяных полей и торосов?

— Дмитрич! Мы пойдем на поиски! Нельзя же сидеть сложа руки, когда товарищ в беде! — заявили Ширшов и Федоров. Они ушли, а Папанин взобрался на высокий торос и неотрывно следил за друзьями в бинокль. Неожиданно совсем рядом раздался гул мотора. Над лагерем появился маленький самолет. Он сделал круг и пошел на посадку. Папанин со всех ног бросился к аэродрому.

...Два человека торопились навстречу друг другу посреди огромного ледяного поля... И вот встретились. Обнялись, замерли. Первый человек с Большой Земли в папанинском лагере — летчик Власов. И он и Папанин долго не могли отдышаться. У обоих почему-то одновременно запорошило снежной пылью глаза, они никак не могли их протереть. Говорили бессвязно:

— Ну что ты?.. Что ты так волнуешься?

— Да я совершенно спокоен, это ты разволновался... Ладно, ладно... Как вы тут?

— У нас нормально. А вы? Нашли Черевичного?

Власов ответил, что пока не нашли. Он передал Папанину письма из Москвы и подарок — свежие мандарины.

— Иван Дмитриевич! — сказал летчик. — Начнем переброску людей на корабль. У меня есть насчет этого твердое указание. Ледовая

обстановка сложная, опять идет полоса штормов. Нового сжатия ваша льдина может не выдержать. Рисковать нельзя.

Папанин посмотрел летчику в глаза и покачал головой.

— Пока не найдешь Черевичного, об этом и речи быть не может! — твердо сказал он. — Ему помощь нужнее... И не уговаривай меня.

Требовательно гудел невыключенный мотор самолета. Начинало темнеть. Власов обнял Папанина, забрался в кабину. Самолет разбежался и начал набирать высоту.

Вечером льдину стало заметно качать. Замигала на столе лампа. Можно было ждать новой подвижки льдов. Командование спасательной экспедиции по радио настаивало на немедленной эвакуации лагеря самолетом. Папанинцы вчетвером подписали радиограмму: «Пока не найдете Черевичного, нам помощь не нужна». Через несколько дней Власов разыскал Черевичного. Одновременно он обнаружил с воздуха большие разводья среди ледяных полей. Этим воспользовались ледоколы и подошли чуть не вплотную к папанинскому лагерю.

Наступило утро 19 февраля. Шел двести семьдесят четвертый день героического дрейфа. Спустившись с кораблей на лед, к полярной станции двинулись две колонны людей. Развевались красные знамена... Папанинцы начали срочно приводить себя в порядок. Успели умыться, а побриться не смогли. Бритвы так опасно прыгали в руках, что пришлось эту затею оставить.

Когда вышли из дома, Кренкель посмотрел на Федорова и засмеялся:

— Женя, да у тебя голова в снегу. Дай, смахну!

Нет, не удалось отряхнуть... Не снег, а ранняя седина проступила на висках самого молодого полярника. Да и у остальных нетающий иней тяжкого ледового дрейфа густо тронул волосы...

Торжественные, праздничные колонны моряков все ближе подходили к полярному лагерю. Уже слышались крики: «Покорителям полюса — большевистский привет! Героям-папанинцам — УРА!» Четкий строй людей смешался, все бежали к лагерю. Взлетали в воздух шапки.

Не выдержав, папанинцы бросились навстречу. Перехватывало от волнения дыхание. Ветер выжимал из глаз слезы. Ветер ли... И вот уже качают папанинцев. Высоко взлетают они, надежные дружеские руки ловят их и снова подбрасывают вверх...

Кренкель сидит в снежном домике и отстукивает последнюю радиограмму:

«Москва. Кремль.

Бесконечно счастливы рапортовать о выполнении порученного задания... Уверенно работали, ни минуты не беспокоясь за свою судьбу. Знали, что наша могучая Родина, посылая своих сынов, никогда их не оставит. Горячая забота и внимание партии, правительства и всего советского народа непрерывно поддерживали нас и обеспечили успешное проведение всей работы. В этот час мы покидаем льдину, пройдя за 274 суток ледового дрейфа свыше 2500 километров. Наша радиостанция первая сообщила весть о завоевании Северного полюса, обеспечила надежную связь с Родиной и этой телеграммой заканчивает свою работу. Красный флаг нашей страны продолжает развеваться над ледяными просторами.

Папанин. Кренкель. Ширшов. Федоров».

Уже потянулись к кораблям тяжелогруженые нарты, увозя научные материалы, журналы наблюдений, уникальные коллекции, впервые собранные во льдах Центрального арктического бассейна.

Короткий митинг. Папанинцы стоят вместе, тесно прижавшись друг к другу. Иван Дмитриевич крепко сжимает в руках знамя дрейфующей станции... Папанин берет в руки пешню и подходит к высокому торосу. За ним идут товарищи. В глубокое отверстие вставляется древко Государственного флага СССР. Его накрепко закрепляют.

— Вот и все, братки, — дрогнувшим голосом говорит Иван Дмитриевич. — Кончился наш дрейф. Вы знаете, что не мастер я говорить красивые слова, только вот ведь что... Годы прошумят над нами, и много их будет... Но, поверьте, месяцы эти всегда будут жить в нашей памяти.

Помолчал Иван Дмитриевич, справился с волнением, проглотил комок в горле. Совсем тихо, как будто для себя одного повторил:

— Да, в памяти и в сердце останутся у нас эти месяцы ледового дрейфа.

*

Замечательная папанинская эпопея — пример высокого мужества и героизма очень скромных людей. Они верили в победу, и они победили. Победили стужу, метели, льды. Преодолели все трудности.

Они были первыми на своем славном пути. Первым всегда труднее.

А история освоения Арктики продолжается. И кто знает, может быть, кто-нибудь из вас, друзья, изберет себе в жизни эту трудную и счастливую судьбу — судьбу человека, идущего впереди.

Счастливого вам ветра и доброй удачи в пути!

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОЖИТЫЙ ДЕНЬ

Вся страна сейчас обсуждает проект нашего Основного Закона — Конституции СССР. Если ты внимательно прочитаешь рассказы ребят, то заметишь, что многие положения Конституции отражены в этих письмах. Ты найдешь в них подтверждение тому, что «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, всех наций и народностей страны». Что развитое социалистическое общество «это — общество, законом жизни которого является забота всех о благополучии каждого и забота каждого о благополучии всех». Что «защита социалистического Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР».

Проект новой Конституции СССР отражает нашу действительную жизнь, реальные достижения государства, общественного строя.

В № 11 журнала за 1976 год мы предложили всем нашим читателям включиться в «Октябрьскую эстафету «Пионера» — заочную перекличку пионерских дружин и отрядов, посвященную 60-летию Великого Октября.

И потекли письма. Из разных городов и сел, от школьников старших и младших классов, письма коллективные и письма отдельных авторов. По нашей просьбе ребята записали рассказы взрослых. Собрать эти рассказы вместе — получилась бы летопись государства: ни одного этапа развития страны за шестьдесят лет, ни одного события не забыли пионеры.

Большое дело сделали юные летописцы и для всех нас и для самих себя. Они рассказали людям о малоизвестных героях и подвигах, они по-новому взглянули на своих близких и родных. Оказывается, их дедушки и бабушки, папы и мамы — интереснейшие люди. Они отстаивали Советскую власть в годы гражданской войны, участвовали в коллективизации и индустриализации народного хозяйства, защищали страну от фашистских захватчиков, потом поднимали ее из послевоенной разрухи, осваивали целинные земли, покоряли могучие реки, орошали пустыни...

Теперь на многие параграфы учебника истории СССР участники эстафеты могут ответить примером из жизни своих старших друзей — взрослых, которых хорошо знают. Они поняли: историю делает весь народ и в то же время каждый человек в отдельности — своим трудом, своей преданностью Родине. Пройдет немного времени, и ответственность за историю, которая лежит на плечах КАЖДОГО взрослого, ляжет и на плечи КАЖДОГО ИЗ ВАС — всех, кто сейчас сидит за школьной партой, кто читает наш журнал и пишет нам письма.

1917...

Наш земляк Николай Романович Дождиков в Октябрьские дни 1917 года служил старшим радистом на самой мощной радиостанции России — в Царском Селе. Именно ему было поручено передать в эфир первые декреты Советской власти. Вот что он рассказывает:

«Сразу после революции перед нами встал вопрос: куда доставлять радиограммы, которые каждый день приходят из-за границы. Решили, что их надо немедленно отвезти в Петроград новому правительству.

Утром с первым же поездом я отправился

в Петроград. С трудом добрался до Смольного. Поднялся на третий этаж, разыскал комнату № 38.

— Здесь работает Ленин? — спрашиваю часовых.— Я с Главной Российской радиостанции, привез важные сообщения.

Меня пропустили. В небольшой комнате за столом сидел Владимир Ильич. Он что-то писал. Вокруг сидели и стояли человек десять — двенадцать. Оторвав взгляд от бумаги, Ленин спросил:

— Вы ко мне, товарищ? Что у вас?

— Радиограммы, принятые Главной Российской радиостанцией.

Владимир Ильич распечатал пакет, быстро просмотрел бумаги.

— Это очень интересно! — воскликнул он и стал расспрашивать меня о радиостанции.

Я сказал, что наши передачи слышат в радиусе пяти тысяч верст. Тогда Владимир Ильич подал мне воззвание «К гражданам России» и попросил передать его в эфир.

На радиостанцию я вернулся взволнованным. Шутка сказать — поручение Ленина! Я включил передатчик и начал: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов...»

В следующий раз, когда я прибыл с пакетом, В. И. Ленин передал мне напечатанные на машинке Декрет о мире и Декрет о земле.

— Немедленно и по нескольку раз в сутки передавайте их по адресу «Всем! Всем! Всем!»,— распорядился Владимир Ильич.

Снова я у радиопередатчика. В эфир полетели слова: «Всем! Всем! Всем! Передаем «Декрет о мире», принятый II съездом Советов...»

Такими запомнил наш земляк первые дни жизни Советского государства.

Лариса Коновалова,
Санчурская средняя школа,
Кировская область.

РЕВОЛЮЦИОНЕРКА

В Куйбышевском краеведческом музее висит фотография моей прабабушки Марии Фердинандовны Трейман.

Бабушка часто рассказывает мне о Марии Фердинандовне. Родилась и училась бабушкина мама в Риге. Потом в самарской гимназии преподавала немецкий язык. В этом городе она познакомилась со многими революционерами.

В 1905 году большевики создали в Самаре Потребительское общество. Мария Фердинандовна стала секретарем правления этого общества. Потребительское общество снабжало рабочих продуктами по более низким ценам, а большевики под видом торговли вели подпольную работу.

С 1912 года Мария Фердинандовна член партии. После Февральской революции 1917 года она вместе с революционеркой М. А. Авейде проводила работу среди молодежи,

которая ходила к ней заниматься немецким языком. Мария Фердинандовна выступала и перед латышскими солдатами, их в Самаре в то время было очень много.

После Октябрьской революции прабабушка участвовала в издании журнала IV Армии Восточного фронта, была председательницей «Самарского бюро работниц», в уездах организовывала женщин.

В 1919 году она заболела тифом и умерла.

Я перебираю вырезки из старых газет, слушаю бабушку и удивляюсь, как в жизни все сплелось: ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ и мама моей близкой, родной бабушки.

Алина Хитева,
г. Куйбышев

БОЕЦ КРАСНОЙ АРМИИ

Недавно пионеры нашего класса познакомились с Андреем Тимофеевичем Ефремовым.

В 1918 году, когда гражданская война захватила Уфу, Андрей Ефремов с отцом и старшим братом пошел в Красную Армию. Ему было тогда 16 лет. Командир отряда сначала не хотел брать Андрея: «Молод еще». Но потом велел выдать ему десять патронов. Андрей рассмеялся: «Да у меня эти патроны через пять минут кончатся». А командир ответил: «В армии белых четыреста тысяч солдат, в нашей армии — сто тысяч. Если стрелять метко, то патронов хватит. Десять патронов — на десять врагов». Так Андрей Тимофеевич попал в отряд Пятой Армии, которая гнала Колчака на восток.

В 1920 году Андрей Тимофеевич вступил в партию. В 1921 году его направили в Уфу на курсы красных командиров, а через год — в Кремль, на такие же курсы. Кремлевским курсантам было поручено охранять Советское правительство. Здесь Андрею Ефремову посчастливилось увидеть В. И. Ленина. Однажды в выходной день, гуляя по Кремлю, курсанты зашли в Тайницкий сад. Там они увидели Владимира Ильича и Надежду Константиновну. Курсанты хотели уйти, чтобы не мешать Владимиру Ильичу, но Ленин заметил их смущение, улыбнулся и пригласил остаться. Он расспросил их о жизни, об учебе и сказал, что учиться надо отлично, тогда ни один враг не будет страшен.

После окончания курсов Андрей Тимофеевич добровольцем поехал в Среднюю Азию воевать с басмачами. За боевую доблесть в боях гражданской войны Андрей Тимофеевич награжден боевым орденом.

Андрей Тимофеевич прошел не только гражданскую, но и всю Великую Отечественную войну. Воевал в морской пехоте, участвовал во взятии Варшавы и Берлина. Награжден многими орденами и медалями. Он частый гость в нашей школе. Мы всегда с большим удовольствием слушаем его рассказы.

Ученики 6-го «А» класса, школы № 1,
г. Уфа.

СОЛДАТСКАЯ ДРУЖБА

Мой дед Омар Авсанов в 1942 году сражался под Севастополем в 585-й стрелковой дивизии. Мой дед — осетин. До сих пор он часто вспоминает, как дружили в их взводе бойцы разных национальностей. Однажды взвод трое суток отражал атаки врага. Все это время люди не спали, не ели, так как подвоза продовольствия не было. Когда их взвод сменили, бойцы сразу повалились спать.

Холод был сильный, метель, но люди так измучились, что засыпали где кто приткнется. Ночью деда кто-то начал трясти. Спросонку дед перепугался, подумал, что их окружили. Но это был русский товарищ, который уже отоспался в теплой землянке.

«У тебя ноги не замерзли?» — спросил он, но дед уже не чувствовал ног. Его отвели в землянку, разули. Носки и сапоги были покрыты инеем, а ноги побелели. Незнакомые солдаты растирали деду ноги снегом до тех пор, пока с них пар не повалил. «Не будь этого русского товарища, мне бы отняли ноги»,— объясняет мне дед.

Сейчас деду 76 лет, он старенький, совсем не видит, но любит вспоминать про солдатскую дружбу. Советские люди победили врага, потому что помогали друг другу во всем.

Арат Авсанов,
с. Новый Урух, Северо-Осетинская АССР

ШКОЛЬНИКИ — ФРОНТУ

Получили № 11 «Пионера» за 1976 год и сразу же решили включиться в «Октябрьскую эстафету». Расспрашивали родных и знакомых об их жизни, работе. Вот рассказ Зинаиды Николаевны Ворониной. Она живет в нашем городе на улице Калинина.

«Когда началась война, нашу школу отдали под госпиталь. Мы с подругами ходили в госпиталь, помогали раненым писать письма, выступали перед ними с концертами, всем классом вязали носки, сушили для фронта сухари, выращивали табак. Зимой мы учились, а летом работали в колхозе: пахали на коровах, вручную сеяли пшеницу, собирали колоски. Спасли много колхозного скота: скосили траву на территории аэродрома, заготовили на зиму сено. Пришлось нам и на заводе поработать, в ремонтно-механическом цехе. Работали много, с четырех утра и до позднего вечера. За доблестный труд меня, почти девчонку, наградили тогда медалью. Мы твердо верили в победу и помогали фронту, нашей армии, чем могли».

Лена Рандина,
г. Рубцовск, Алтайский край

НАШ СТАРШИЙ ДРУГ

В нашем городе на улице Алтайской живет Лидия Макаровна Филиппова. Она была пионеркой в пятидесятые годы. Тогда пионеры, как и мы сейчас, помогали колхозам убирать урожай, ходили на субботники, собирали металлолом, макулатуру.

Уже пятнадцать лет работает Лидия Макаровна на Алтайском тракторном заводе имени М. И. Калинина. Она ударник коммунистического труда, награждена орденом «Знак Почета», тремя знаками «Ударник коммунистического труда» и «Ударник девятой пятилетки». Сейчас Лидия Макаровна работает уже за декабрь 1979 года. Вот какой у нас друг!

Женя Филиппов,
г. Рубцовск, Алтайский край.

МУЗЕЙ ОТКРОЕТСЯ 7 НОЯБРЯ

Мы живем в старинном кабардинском селе Хамидие. В этом году наша дружина имени Зои Космодемьянской проводит операцию «Отзовись, 1917!» Со всей Кабардино-Балкарии присылают нам письма участники революции. Эти письма-воспоминания и фотографии мы поместим в Ленинском музее, который откроется в нашей школе 7 ноября 1977 года. О поиске мы расскажем всем ребятам республики, мы должны знать имена тех, кто отстаивал Советскую власть.

Лучшие пионеры нашей дружины в ноябре встретятся с участниками революции, пожмут им руки, вручат сувениры.

Пионеры дружины имени Зои Космодемьянской,
село Хамидие, Кабардино-Балкарская АССР

Материал подготовила М. МАТВЕЕВА.

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

О новом советском комбайне рассказывает ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ ПАПКОВ. Двадцать лет работает он механизатором в подмосковном совхозе «Леонтьевский», награжден за свой труд орденом Ленина. Валентин Иванович прекрасно знает все машины, которые работают на полях, и придумал немало усовершенствований, чтобы они работали лучше.

МАШИНА, НА КОТОРОЙ ТЕБЕ РАБОТАТЬ

Фамилия — КОМБАЙН Имя — «НИВА»

Помню, как мы, мальчишки тридцатых годов, таращили глаза на первый комбайн.

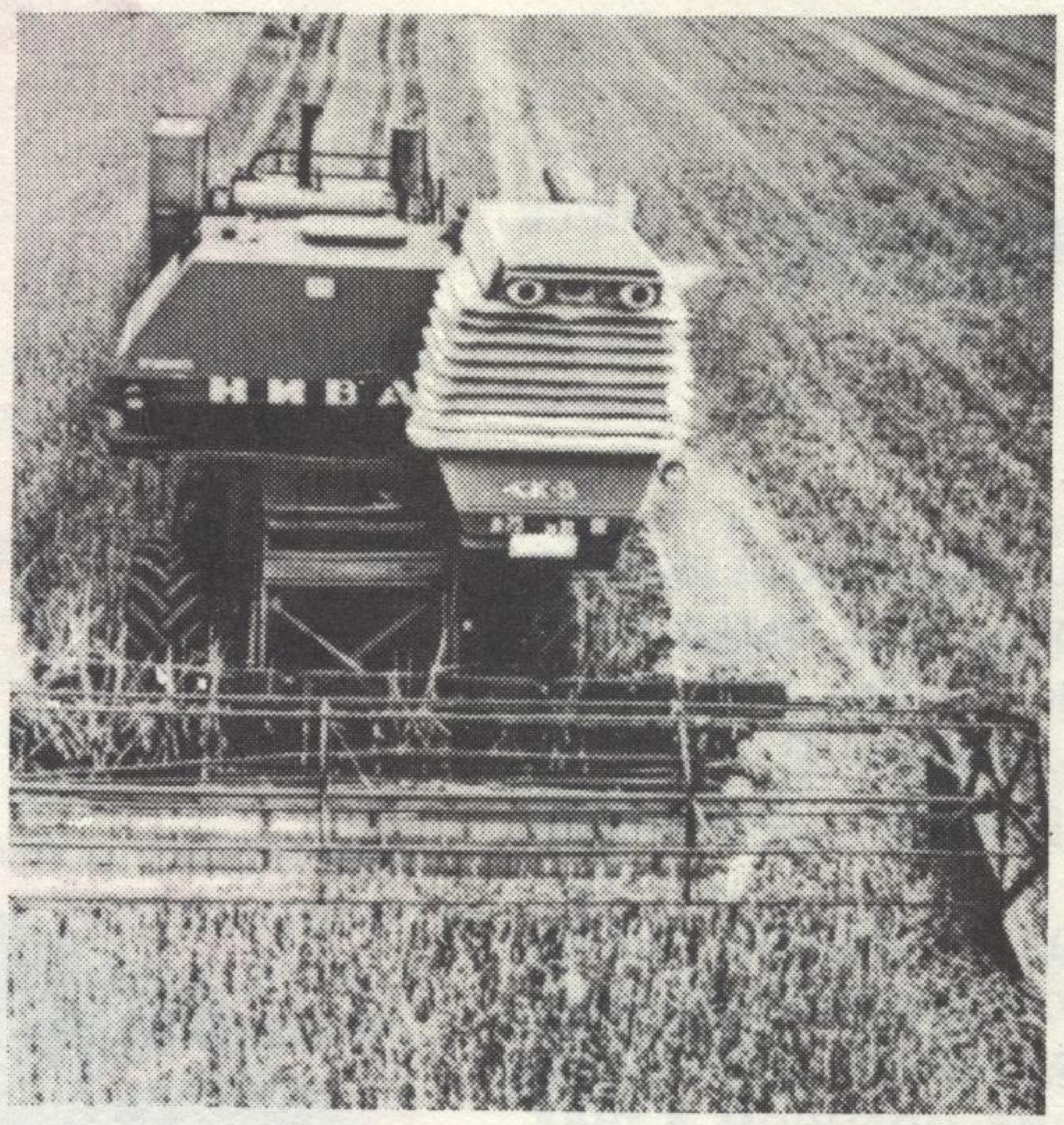
Это была чудо-машина. Как это она ухитряется делать все сразу? Вот жатка срезала стебли пшеницы — и, глядишь, в кузов грузовика золотой струей течет зерно. Сколько раньше нужно было людей и времени, чтобы вручную убрать поле и обмолотить хлеб! А теперь справляется один человек. Ох, и уважали на селе комбайнера!

Я тоже мечтал работать на комбайне. И начинать мне пришлось как раз на прицепном, хотя уже появились к тому времени самоходные комбайны. Как же я радовался, когда прислали и в наш совхоз самоходный комбайн СК-4 и я стал на нем работать!

Самоходный комбайн сильно отличается от прицепного. На колесах — резиновые шины, ход быстрый, мягкий, а главное — ты здесь сам себе хозяин. Не надо, как на прицепном, подавать сигналы трактористу — мол, останови машину или, наоборот, двигайся побыстрее. Самоходный комбайн сам движется по полю, и комбайнер сам ведет эту большую и сложную машину. Работать, особенно поначалу, было нелегко. Теперь приходилось все успевать одному: следить за высотой среза, за тем, как идет обмолоченное зерно, прислушиваться к мотору и при этом прямо и ровно вести комбайн.

Десять лет я проработал на своем СК-4. Теперь он стоит на почетном месте в нашем машинном парке — мы решили сохранить «ветерана» на память.

А я получил новый комбайн — СК-5 «Нива». Познакомился я с ним еще на заводе «Ростсельмаш», когда совхоз послал меня принимать новую машину.



«Нива» очень хороша: шутка ли, сто лошадиных сил! Разве сравнить ее с СК-4. И работать на ней гораздо удобнее.

На СК-4, например, комбайнер все время работал на открытой площадке под небольшим зонтом. Прямо на него летела соломенная пыль, отходы от зерна. А на «Ниве» застекленная кабина, просторная, с широким обзором. От солнца надежно защищают металлические шторки из подвижных планок — жалюзи. Два вентилятора гонят в кабину очищенный воздух. Дыши свободной грудью!

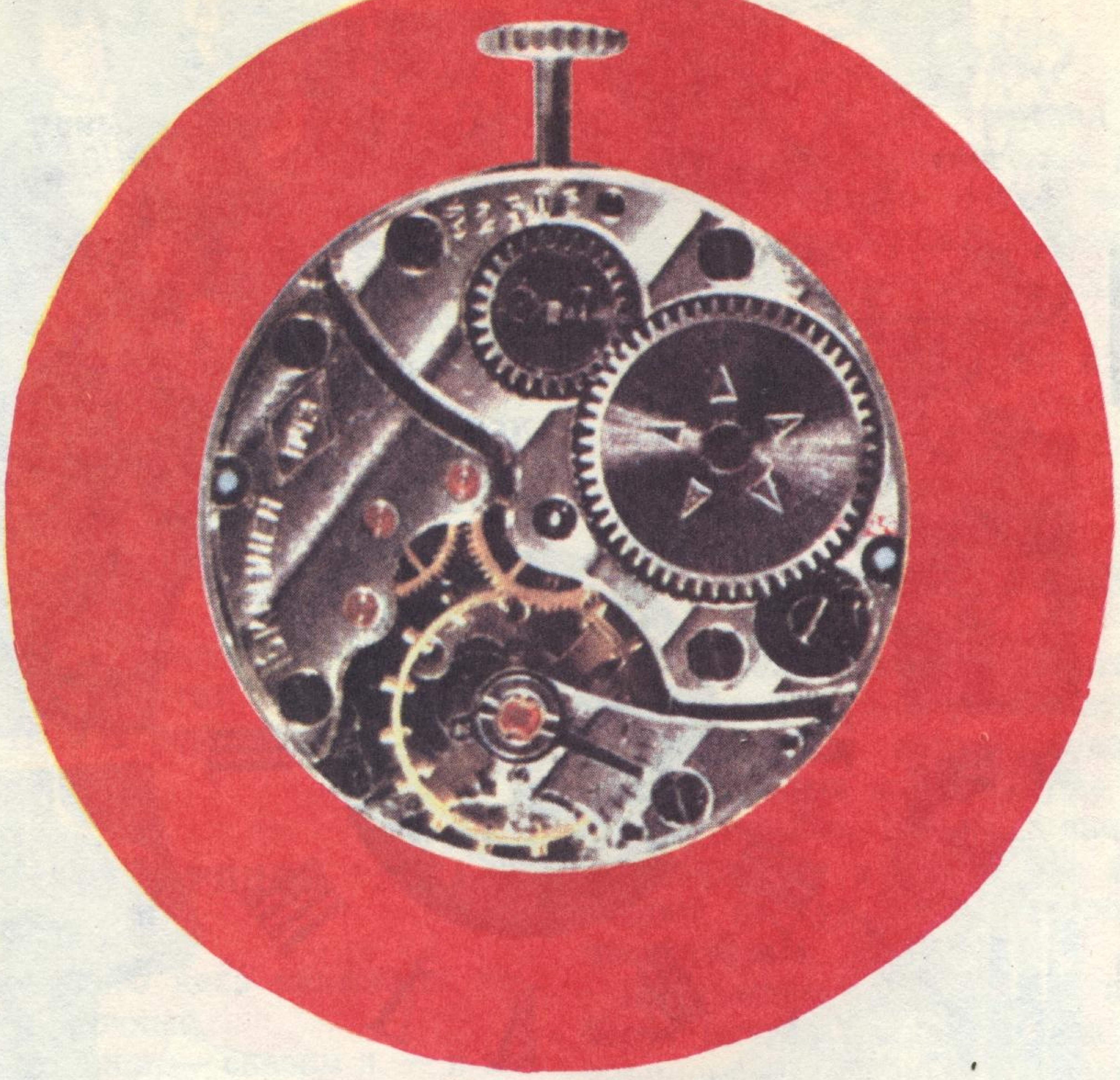
Сидишь в мягком кресле, под рукой кнопки и рычаги управления. Нажмешь одну — пошла машина. Нажмешь другую — заработала жатка. В зеркальце видишь, каким остается поле после работы комбайна, как оно ощетинивается короткой стерней.

А впереди — море пшеницы. Оно ведь совсем не одинаковое. Растет пшеница где гуще и выше, а где реже и ниже. Это все надо учитывать во время работы, успевать менять скорость комбайна. Зазеваешься, и барабан, где обмолачивается зерно, будет забит до отказа.

Хуже нет, когда такое случалось на старом СК-4 да еще в самую горячую пору. Сколько простоишь, пока не подоспеет подмога, чтобы повернуть тяжелый барабан, вытащить сбившуюся солому. На «Ниве» не приходится даже выходить из кабины! Повернешь рычаг — и хлебная масса идет ровно и свободно. Так что на «Ниве» работаешь без простоев, а значит, более производительно. В день намолачивает этот комбайн около шестидесяти тонн зерна!

Комбайнер как бы подводит итог работе всех, кто выращивал хлеб, кто вспахал поле, засеял его. И если собрали богатый урожай, душа полнится радостью и гордостью не только за себя, но и за всех, кто вложил в будущий хлеб свои силы, свой труд, свое сердце.

Записала Л. ВОЛКОВА.



Владимир АРРО

ТОЧНОЕ ВРЕМЯ

РАССКАЗ О ПЕТРОДВОРЦОВОМ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ЧАСОВОМ ЗАВОДЕ

ХИТРОУМНЫЙ ПРИБОР

Из точных приборов первыми в наши дома проникли часы. Мы так с ними свыклись, что удостаиваем их лишь беглого, торопливого взгляда. Даже завести иногда забываем. И уж совсем редко задумываемся о том, что, скажем, наши маленькие ручные часики — сложный механизм, состоящий более чем из ста миниатюрных деталей, тесно и хитроумно связанных между собой.

Первые карманные часы российского производства под силу было изготовить только самым пытливым и талантливым мастерам, в числе которых был и знаменитый механик Иван Кулибин. На изготовление часов уходил не один год. Правда, в итоге часы оказывались не только чудом механики, но и чудом искусства, как, например, кулибинские часы в виде золотого яйца, хранящиеся теперь в Эрмитаже. Первая часовая «фабрика», возникшая в Петербурге в XVIII веке, выпускала лишь тридцать штук карманных часов в год. Кому они предназначались — сами понимаете.

Теперь один только Петродворцовый завод каждые четыре секунды выдает новые часики «Ракета». Часы стали так доступны, что часто видишь их на руках школьников.

Да и сами часы из года в год становятся не только безупречнее по качеству, но и намного сложней. Часам теперь не страшны ни пыль, ни вода, ни резкие удары. Часики стали теперь такими старательными, что показывают число, день недели, а если кто забудет их завести, то и подзаводятся сами.

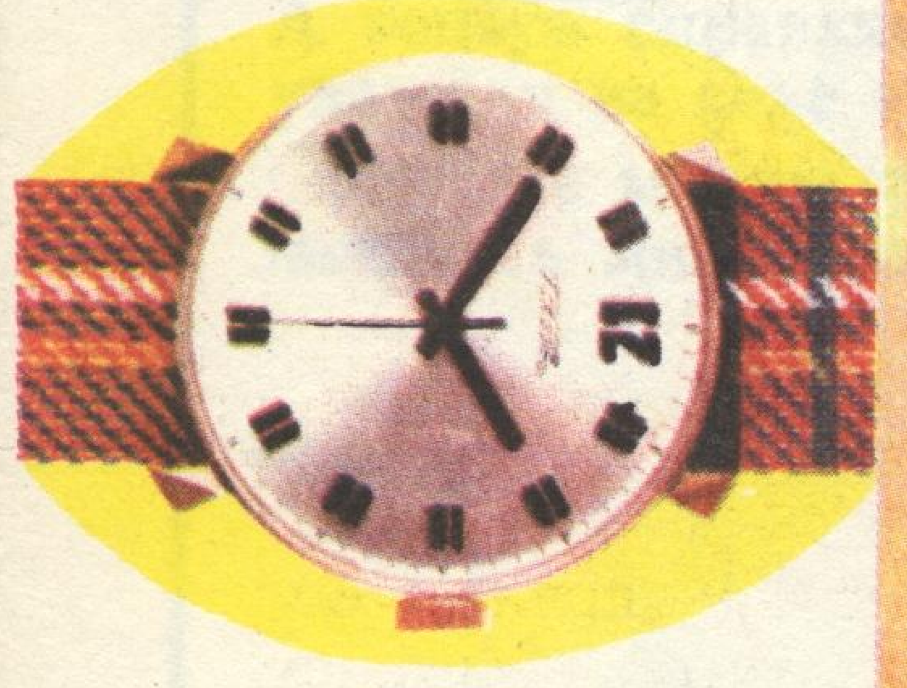
Мне очень нравятся эти самые обыкновенные ручные часики, ставшие верными помощниками человека в жизни и труде. Ну, например, «Ракета» — массовая продукция Петродворцового часового завода.

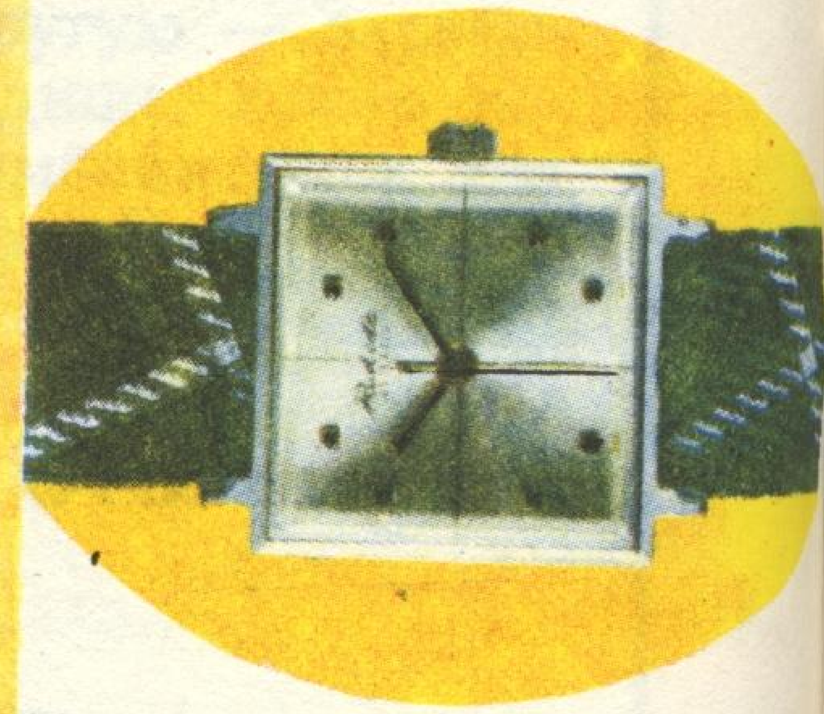
ОТ ПЕТРА I ДО НАШИХ ДНЕЙ

Когда-то царь Петр I приказал построить на берегу Финского залива мельницу для распиловки и полировки мрамора. В XIX веке мельница превратилась в знаменитую Петергофскую гранильную фабрику. Мастерство петергофских камнерезов увековечено в отделке многих дворцов и исторических зданий.

В советское время фабрика стала единственным предприятием, которое изготавливало для промышленности твердые технические камни: опоры и подшипники, призмы и втулки.

Ну, а где точные технические камни, там уж





В XVIII веке первая часовая фабрика выпускала тридцать штук часов в год. А сейчас с конвейера Петродворцово г о завода каждые четыре секунды сходят часики «Ракета»!

Рисунки
Н. БАРБОЧЕНКО.

рядом часовая промышленность. Перед войной завод полностью обеспечивал камнями московские часовые предприятия, а до этого приходилось ввозить камни для наших часов из-за границы.

В годы послевоенных пятилеток завод так отстроился, так оснастил себя первоклассным оборудованием, что стал одним из ведущих в часовой промышленности и получил имя Петродворцового часового завода.

О том, как хорошо поработал завод за последние пятилетки, лучше всего говорят высокие награды: орден Трудового Красного Знамени, ордена, медали и знаки лауреатов Государственных премий у рабочих и инженеров, Ленинская юбилейная почетная грамота, звание «Предприятие высокой культуры», переходящие Красные знамена, Большая золотая медаль международной Лейпцигской ярмарки и государственный Знак качества на некоторых изделиях.

ЮВЕЛИРНАЯ РАБОТА

Когда входишь в механический цех, тебя встречает дружный треск станков-автоматов. Они выстроились вдоль прохода с обеих сторон — ладные, светло-зеленые — и стучат себе, стучат, ни на кого внимания не обращают. Кажется, что им и человек-то не нужен. Нет, в самом деле, делают они что-нибудь или не делают? Что-то продукции никакой не видно.

— Еще как делают, — говорит Николай Николаевич, заместитель начальника цеха, — работают, как часы! Только успевай их обслуживать. А не видно ничего потому, что они выпускают совсем крошечные детали. Вот я вам сейчас достану самую крупную.

Он опустил пинцет в чашечку с маслом и достал золотистое колесико с острыми зубцами. На него дышать было страшно, не только в руку взять.

— Это что, а вот покажу-ка я вам ось анкерной вилки. Сейчас... вот... Видите?

Мне показалось, что я ничего не увидел, но чтобы не обидеть Николая Николаевича, я кивнул головой.

— Тысяча таких осей весит шесть десятых грамма. А знаете, как трудится эта кроха? Девяносто тысяч колебаний в сутки. Вот теперь судите, с какой точностью нужно отполировать кончики этой оси.

Кто ж там такой умный в этих станках, кто самый главный, что со всей этой ювелирной работой справляется? Умных и главных там много, но одного умницу надо назвать — это алмазный резец. С чем его сравнить? Если лезвие бритвы увеличить в сто раз, то мы ужаснемся, увидев под микроскопом, до чего оно неровное и зазубренное. А если увеличить кромку алмазного резца даже не в сто раз, а в пятьсот, то она и тогда будет выглядеть ровной линией. Вот какой работник! Не удивительно, что детальки из-под такого резца выходят зеркальными.

За станками следят наладчики — один на пятнадцать станков. Выпустит станок тысячу деталей, наладчик тысяча первую берет и проверяет: нет ли отклонений?

ЧИСТОТА И ПОРЯДОК

Прямо из механического цеха какими-то переходами я попал в сборочный.

— Вот как у вас хорошо, — сказал я, — и на улицу выходить не надо.

— Производственная необходимость, — ответил мне провожатый. — На улице пыль, грязь. Мы ее невольно заносим. А здесь этого нельзя.

В четырех огромных залах работают полторы тысячи сборщиков. Каждый в белом накрахмаленном халате, в шапочке, в тапочках, каждый — воплощение аккуратности и порядка. Да и как же не быть здесь аккуратным, если детальки поступают крошечные, если разместить их надо на площади размером в пятикопеечную монету, ни одну не забыть, да так подогнать друг к другу, чтобы они задвигались, да не просто задвигались, а так, чтобы движение их совпало с вращением земного шара вокруг оси и с его движением относительно Солнца, да чтобы стрелки к концу суток возвращались в исходное положение — секунда в секунду.

Сборщики сидят по обе стороны конвейера, а он не простой, а особый — «пульсирующий». Раз в девять минут лента конвейера приносит сборщику коробочку с десятью отделениями. В каждом лежит блестящая круглая пластина — будущие часы. На нее сборщики крепят узлы и детали механизма, так что с последнего стола коробочка уходит с десятью абсолютно готовыми часами.

У каждого сборщика своя операция, свои инструменты, свои приборы. Но первое, что делает каждый, — проверяет, нет ли грязи, пыли, отпечатков пальцев. Отпечатки на металле — это ведь жирное пятно.

Какими инструментами работает сборщик? Ну, некоторые довольно известны, их встретишь в любой часовой мастерской. Это разные отверточки, пинцеты, лупы, тисочки, маслодозировочки, похожие на авторучки, — зеленые, красные, оранжевые, — чтобы не спутать, какой разновидности масло. Есть даже ластик, чтобы снимать грязь с винтов, самшитовые или пластмассовые палочки, чтобы придерживать детали при сборке, мягкая сердцевина бузины — прочищать некоторые детали.

Но инструменты — что, ими и в средние века пользовались. Сейчас почти на каждом столе, ну, может быть, через один, через два, стоят точные приборы.

Одна сборщица смотрит в микроскоп. Другая смотрит на экран. На нем, на экране, все детали, с которыми она работает, и колесики, и винтики, и камешки, увеличенные в сорок раз!

БОРЬБА ЗА СЕКУНДЫ

Не успели часы отщелкать свои первые минуты, как на них уже набросились цеховые контролеры: и вправо головкой повернут, и влево, и вверх циферблатом, и вниз. Но это — только начало. Полежат часы ночью в сейфе, «выходятся», а наутро их выносят из цеха и отдают на суд самым строгим контролерам-инспекторам.

Из каждой партии (а в ней сто часов) они берут наугад двадцать. Как там и что, нет ли изъянов? Подробно проверяют, придирчиво. Если все в порядке, то партия часов поступает в отдел со смешным названием КИС. Расшифровывается это так: контрольно-испытательная станция. Здесь часы держат тридцать суток и как только не проверяют: и на точность работы механизма, и на устойчивость хода в различных положениях, и хватает ли завода на тридцать шесть часов.

Когда мы вошли в КИС, семнадцать контролеров садились за длинный стол, как садятся, скажем, члены жюри на соревнованиях по фигурному катанию. И перед ними на длинной ленте ритмично начали двигаться коробки — в каждой десять часов. Контролеры записывали свои замечания по каждой десятке.

Такая процедура начинается ежедневно ровно в 15.30. Каждые часики проходят через нее четыре раза, по одному разу в день, и обязаны показывать точно это время — 15.30.

Одновременно в КИСе испытывается триста пятьдесят тысяч штук часов.

Конечно, вы догадываетесь, что все эти строгости не пустые придирки, а БОРЬБА ЗА КАЧЕСТВО. Завод хочет, чтобы все, кто носит «Ракету» — и студент, и шофер, и летчик, и журналист, и врач, и полярник, — знали, что на их часах — точное время.

СМОТРЯТ ВПЕРЕД

Мне показали план, составленный на пятилетку, в нем очень много страниц и на каждой столбики цифр, диаграммы. Тетрадь эта называется «ПЛАН ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЗАВОДА». В ней все — от новых станков до нового детского сада.

А ближайшая задача выглядит почти фантастически:

половину всей работы по сборке часов передать автоматам.

Инженеры завода уже сконструировали и пустили впервые в стране несколько автоматических линий.

Вот они стоят в сборочном цехе, эти роботы. Один собирает узел завода часов и перевода стрелок. Из бункера в определенном порядке выскакивают детали: колеса, рычаги, кулачковая муфточка. Моргнуть не успеешь, как автомат все это ставит на места, крепит, смазывает, передает дальше. Вручную собирали триста узлов за смену, а робот выдает полторы тысячи! И вместо пяти сборщиков работают два человека: сборщик и наладчик.

В плане все подсчитано: какая от этого будет выгода и какая экономия.

Завод хорошо знает, что ждет его впереди.

*

ДВА МНЕНИЯ

В музее Второго Московского часового завода можно увидеть два плаката. На одном из них запечатлены для истории слова швейцарца по имени Фей Д'Ави де Лоза, торжественно произнесенные им в 1928 году, когда Советское правительство направило на швейцарские часовые заводы несколько инженеров: «Ни сегодня, ни завтра Советам не удастся стать производителями часов».

На втором плакате вот что написано: «СОВЕТСКИЙ СОЮЗ СЕЙЧАС ИМЕЕТ ВЫСОКОРАЗВИТУЮ ЧАСОВУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, А НАШ ЗАВОД ПРОШЕЛ ПУТЬ ОТ ХОДИКОВ ДО КАМЕРТОННЫХ И КВАРЦЕВЫХ НАРУЧНЫХ ЧАСОВ».

ЧАСЫ И ПЯТИЛЕТКА

Что даст новая пятилетка часам? Каких можно ждать новостей в этой отрасли?

Уже в первый год десятой пятилетки выпуск часов дойдет до пятидесяти миллионов. А количество разных моделей — до тысячи восьмисот. К концу пятилетки половина всех выпускаемых наручных часов будет с календарем, автоподзаводом, с сигнальным и секундомерным устройством. Почти все часы уже сейчас оснащены противоударным механизмом. Одна пятая всей продукции будет состоять из электронно-механических и кварцевых часов.

Одним словом, пятилетка принесет нам удобные, красивые и точные приборы времени.

ДЕВУШКИ И РУБИНЫ

Движущиеся части часового механизма устанавливаются на твердых камешках — искусственных рубинах. Их выпускает завод в городе Кусе, Челябинской области.

Рубиновые камешки так малы, что при их обработке приходится пользоваться микроскопом. Раньше, чтобы сделать в них отверстия, применяли тончайшие сверла. С камнями работали только девушки — их чуткие руки лучше чувствовали рубиновые крупинки.

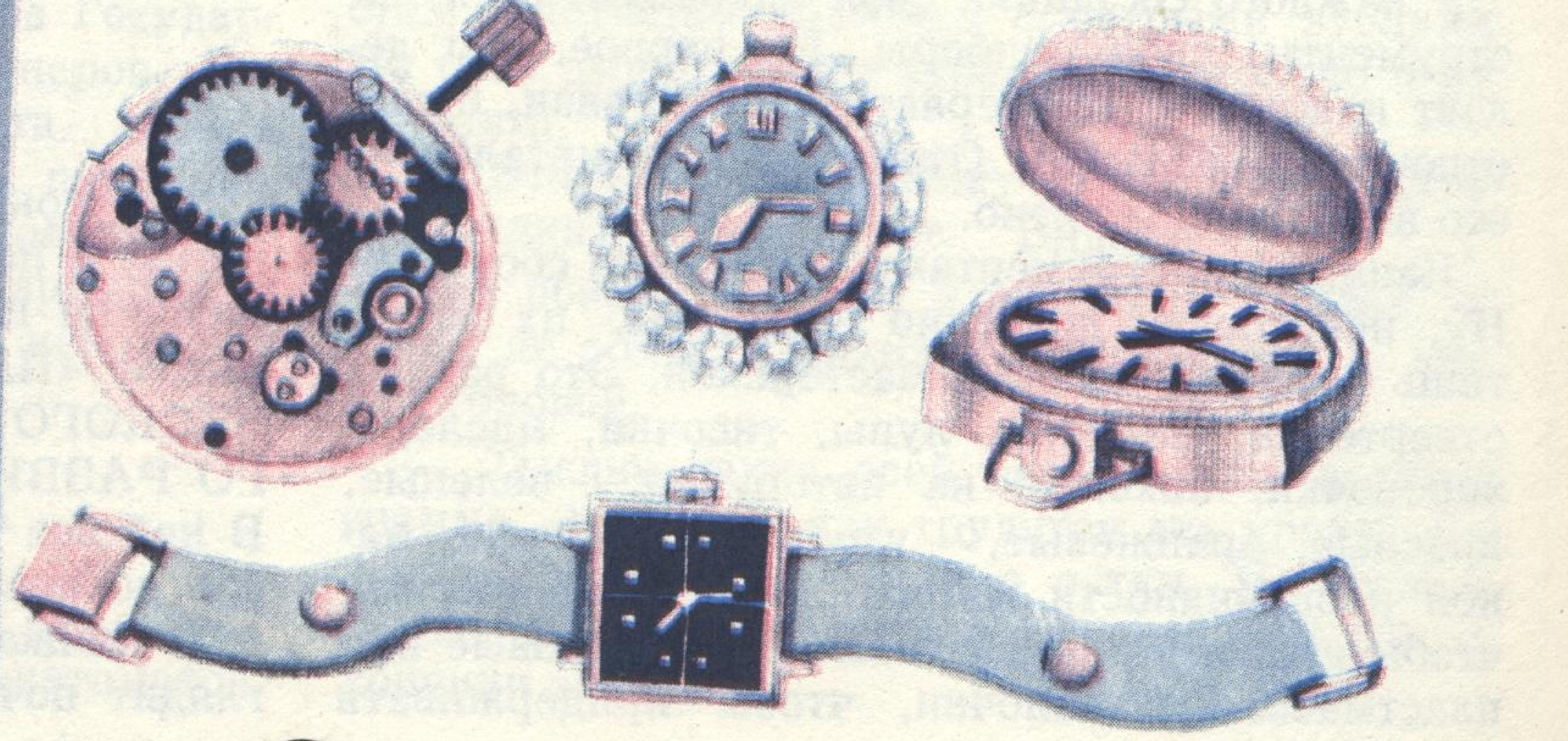
Но вот появился могучий и точный прибор — лазер. Луч его мгновенно прошивает рубин. А девушки стали наладчицами новых приборов.

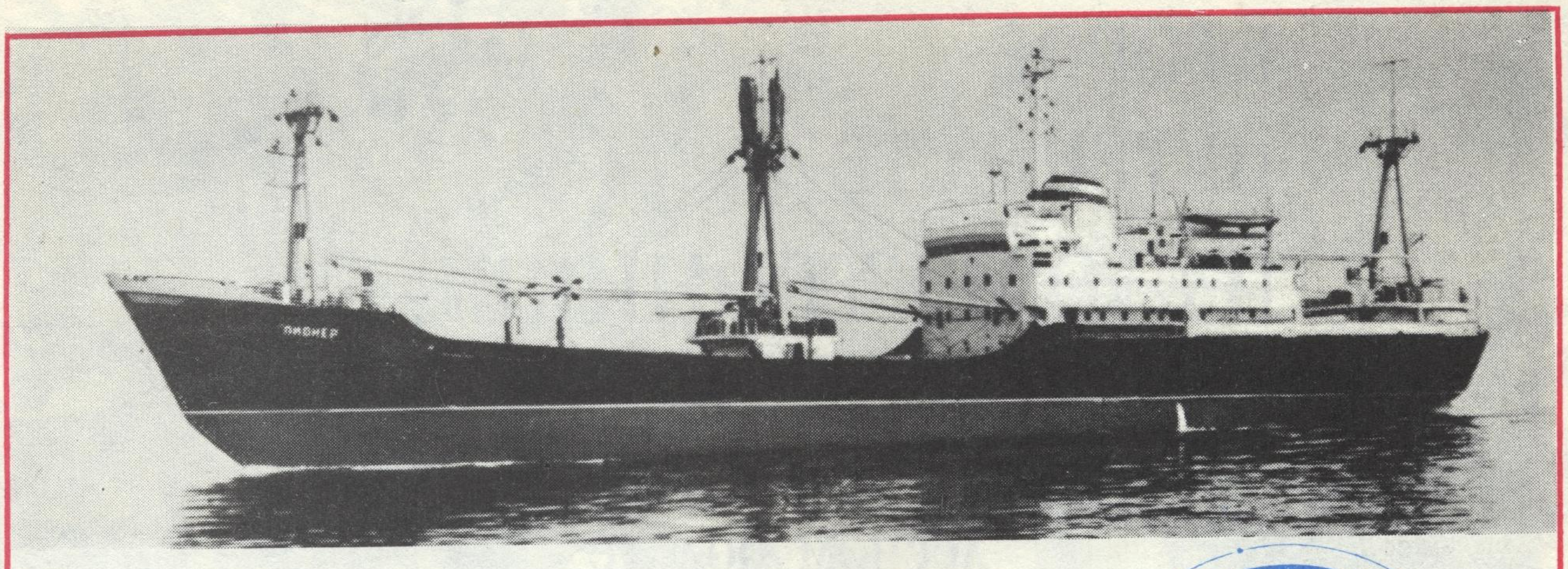
ЗАВЕТНОЕ СЛОВО

Сейчас зsводы нашей страны выпускают часы 1650 разных моделей. Только наручные часы имеют 1100 разновидностей. И у каждого завода — часы определенной модели, фирменного наименования.

Первый Московский выпускает часы под названием «Полет», Второй — «Слава». Часы Петродворцового завода носят имя «Ракета», Пензенского — «Заря», Минского — «Луч», а если на циферблате написано «Чайка», то это завод Угличский. Челябинские часы называются «Молния», город Чистополь выпускает свою продукцию с названием «Восток», а город Ростов — «Витязь».

Фирменная марка — гордость и честь завода, его визитная карточка, а не просто название.





МАЛАЯ ПИОНЕРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ПИОНЕРСКАЯ ФЛОТИЛИЯ

Целую ночь группа партизан-разведчиков лежала в засаде у шоссейной дороги. Ничто не нарушало тишины ночи, и только под утро защебетали птицы, раньше всех встретившие восход солнца. Шоссе пустынное. Командир разведгруппы подал сигнал к отходу. Ленька замешкался. И в ту самую минуту, когда собрался догонять своих, он увидел вдалеке пыльное облако. Сомнений быть не могло: приближалась легковая машина. «Видимо, штабная, — мелькнула у Леньки мысль,— жаль, своих уже не успею предупредить...»

Около моста лежала куча камней. За ней-то и залег юный разведчик. Медленно тянулись секунды. Ленька даже почувствовал, как бьется сердце. Вот машина выскочила к мосту. Шофер притормозил. И в это мгновение Ленька что есть силы швырнул гранату. Из машины выскочил офицер в белом кителе и бросился бежать. «Врешь, не уйдешь»,— про себя проговорил Ленька и дал очередь из автомата. Но промахнулся. И только тут разведчик заметил, что офицер держал в руке портфель. «Документы, штабные документы!» — обрадовался Ленька и бросился за фашистом. Фашист убегал к лесу и отстреливался, а Ленька преследовал его и тоже стрелял. Офицер скинул китель. Ленька — сапоги, чтобы бежать было легче. «Если добежит до леса — уйдет»,— подумал разведчик и тут вспомнил партизанскую науку — стрелять прицельно, с колена. Раздался выстрел. Гитлеровец вскинул руки и рухнул в траву.

В лагерь отряда Ленька вернулся с опозданием. На нем был белый китель с генеральскими погонами. На груди два автомата — свой и трофейный. А в руках — портфель со штабными документами.

Начальник штаба партизанской бригады Трофим Петров вызвал к себе разведчика.

— Документы, которые ты захватил у генерала, мы немедленно передадим в Москву. В них секрет новой «хитрой» мины. Понимаешь?

— Понимаю, — улыбнулся Ленька.

Начальник штаба подошел к Леньке, крепко пожал руку и обнял его.

— Молодец, сынок!

Леня Голиков погиб в конце января сорок третьего в неравном бою. Он не дрогнул, когда вместе со штабом попал в окружение. Спасая партизанские документы, он отстреливался до последнего патрона.

Лене Голикову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Сегодня многие дружины и отряды носят имя пионера-героя, ему поставлен памятник. А по морям и океанам плывет судно, на борту которого написаны имя и фамилия отважного пионера.

Имена пионеров-героев носят многие океанские суда — целая ПИОНЕРСКАЯ ФЛОТИЛИЯ! Флагмана этой флотилии сухогруз «ПИОНЕР» ты видишь на снимке.

В 1968 году, в конце марта, на «Пионере» был поднят Государственный флаг нашей Родины. Построили этот корабль судостроители верфи «Нептун» в городе Ростоке Германской Демократической Республики. Провожать корабль, который приписан к Дальневосточному пароходству, пришли пионеры-тельмановцы. На память об этой встрече они повязали галстуки всему экипажу корабля.

Вслед за «Пионером» на воду было спущено еще 31 судно: «ЗИНА ПОРТНОВА», «ЛАРА МИХЕЕНКО», «ГРИША АКОПЯН», «ЮТА БОНДАРЕВСКАЯ», «САША БОРОДУЛИН», «ВАЛЕРИЙ ВОЛКОВ», «ЛЕНЯ ГОЛИКОВ», «ЯША ГОРДИЕНКО», «МАРАТ КАЗЕЙ», «ШУРА КОБЕР», «ВАЛЯ КОВАЛЕВ», «САША КОВАЛЕВ», «ТОЛЯ КОМАР», «ВАСЯ КОРОБКО», «ГАЛЯ КОМЛЕВА», «ВАЛЯ КОТИК», «ПАВЛИК МОРОЗОВ», «КОЛЯ МЯГОТИН», «ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА», «ПИОНЕРСКАЯ ЗОРЬКА» и многие другие.

В какие бы порты мира ни заходили суда пионерской флотилии, всегда на корабли приходят зарубежные гости. Советские моряки рассказывают им о подвигах юных героев, о нашей Родине, о 60-летии Октября. А когда моряки возвращаются во Владивосток и Мурманск, их встречают юные пионеры. Им тоже интересно узнать, где побывали суда, с кем встречались экипажи.

...Герои, отдавшие жизнь за Родину, не умирают. Их именами названы улицы, школы, Дворцы и Дома пионеров. Их имена по морям и океанам несут суда нашей пионерской флотилии.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА «ЭЛЕКТРОНИКЕ»,

или рассказ о зимнем утре, лесном болоте и солнечном мгновении

С. САХАРОВА

И снова мы в пути.

Сегодня я покажу тебе еще три картины, но не натюрморты, как в тот майский день нашего первого путешествия, а пейзажи. Тогда значительную часть энергии «Электроники» пришлось направить на преодоление времени, чтобы увидеть Виллема Кальфа в 1660 году, Ван Гога в конце прошлого века, Петрова-Водкина в начале нашего. А сейчас мы даже не станем включать шкалу времени, и скорость будет так велика, что расстояние в тысячу километров мы преодолеем за несколько минут.

Мы увидим картины не в мастерской художников, а там, где они хранятся, на десятки и даже сотни лет пережив своих создателей,— в музеях.

Пейзаж — природа, окружающая человека. Деревья, холмы, горы. Ручьи, реки, моря.

В последнее столетие появился городской и индустриальный пейзаж, а в скором времени появится, наверное, и космический.

Возник этот жанр живописи, как и натюрморт, в конце XVI века. На более ранних картинах природу писали как фон, на котором происходили те или иные события. Научившись изображать дали, пространство в перспективе, художники вывели пейзаж с второстепенной роли в главное действующее лицо.

Поднимись в ясный день на холм. Что ты увидишь? В нескольких шагах от тебя березы. Ты различаешь характерный вырез зеленых листьев, коричневые ветки и веточки, бело-бурую кору. Это первый план. Дальше ромашковый луг, словно легким дымком отделенный от берез,— второй план. Еще дальше — поля, прикрытые уже не дымком, а более плотной пеленой,— третий план. И, наконец, на горизонте синяя полоса леса — четвертый план. Из-за синей полосы леса плывет на тебя бесконечная череда светлых и темных облаков, вырастая из мелких у горизонта в грандиозные над твоей головой. Все в объемном мире соразмерно и едино.

Зимнее утро

«Электроника» несется сквозь облака и бури. Скорее взгляни направо! Сумрачная громада Альп стремительно надвигается на нас! Не бойся, мы резко повернем и, снизившись, полетим вдоль слабо поблескивающей глади реки. Здесь, на берегу Дуная, у подножия Альп, раскинулся один из красивейших городов — Вена. Город парков, дворцов, фонтанов. В одном из его музеев собрана коллекция картин великого фламандского художника Брейгеля.

Жаль, что сейчас утро, дождливое и туманное, и ты не увидишь Вену во всем великолепии. Вот и центр города. В районе Рингштрассе высится внушительный, из серого камня, ансамбль Академии художеств. Одно из этих зданий — Музей истории искусств, где хранится знаменитая коллекция картин.

В такой ранний час музей пуст — наглухо задернуты шторы на окнах, замкнуты двери, но «Электронике» путь везде открыт. Вот мы и приземлились в просторном вестибюле. «Электроника», свернувшись в трубку, откатилась в угол, за колонну, а мы пойдем по величавой, сияющей мрамором парадной лестнице наверх, на второй этаж.

Тишина. Наши шаги звучат гулко и торжественно.

Пролет лестницы венчает прекрасная мраморная группа скульптора Кановы. Она как бы безмолвно напоминает каждому посетителю: «Не торопись. Оставь на ступенях торопливость современной жизни и следуй дальше вдумчиво и созерцательно...»

Мы идем по залам с уходящими ввысь лепными потолками. На стенах картины с бронзовыми табличками: Джорджоне, Тициан, Тинторетто, великие живописцы венецианского Возрождения. Дальше — Рембрандт, Рубенс, Дюрер... Я знаю, тебе очень хотелось бы задержаться около каждого из них, но, выбрав цель, в пути к ней отвлекаться нельзя, иначе цели не достигнешь.

Вот наконец залы Питера Брейгеля...

Питер Брейгель Старший.
Охотники на снегу.
1565 год.

Питер Брейгель жил в середине XVI века в Нидерландах. Часто его называют еще Старший или Мужицкий. Выходец из крестьян, он учился в Антверпене и жил там до конца своих дней. Брейгель первым из нидерландских художников стал изображать труд крестьян, их жизнь, за что и получил прозвище Мужицкий, а еще к его имени часто добавляют Старший, называя его так, как главу династии художников. Его сыновья тоже стали живописцами: одного называют Брейгель Адский, второго Брейгель Бархатный.

Еще начинающим художником Питер Брейгель совершил путешествие, которое оказало сильнейшее влияние на его творчество. Для завершения художественного образования он отправился в Италию. Попасть из Северной Европы в Южную можно было, лишь перевалив через Альпы. После равнинных Нидерландов горы поразили его величием и силой. Мощь горных круч — гигантские изгибы и сломы земной коры, безграничный простор, открывающийся с вершин, — произвела на него неизгладимое впечатление.

Из путешествия домой он привез не только рисунки с античных слепков и копии прекрасной итальянской живописи, но и альбомы с бесчисленными зарисовками пейзажей Италии и особенно гор. Созерцание мира с горных вершин принесло художнику мысли о совершенстве природы, о необходимости гармоничного единения человека и природы. Многие годы прошли, прежде чем мысль эта нашла выражение в его творчестве, — в 1565 году, всего за четыре года до смерти, он создает цикл картин «Времена года».

Мы сейчас подходим к одной из этих картин, «Охотники на снегу».

Закрой глаза! Подожди открывать их, я откину штору, впущу свет дня — единственный свет, при котором краски живописи звучат так же, как звучали они в мастерской художника,

когда он писал картину. При любом искусственном свете краски меняют свое звучание.

Теперь открой глаза, распахни сердце навстречу тому, что открылось перед нами.

Какая белая неоглядная ширь! Снег, куда ни взгляни, и на белом снегу кружево черных спящих деревьев. Мы с тобой входим в это свежее, морозное утро вместе с охотниками, возвращающимися с добычей. Охотники идут не спеша, обстоятельно оглядывая раскрывающийся перед ними мир. Отсюда, с холма, видна долина, полная труда, уверенности и покоя. Взрослые и малыши заняты своим делом. Долину обрамляют холмы, и от этого кажется, что там, за холмами, другие долины, тоже наполненные жизнью и трудом.

Мир беспределен. Человек и Природа едины. Эту мысль художник выражает удивительно точной композицией: охотники видят все сверху, с холма, копья охотников, скаты крыш направлены вниз, что подчеркивает глубину долины.

Каждый раз, смотря на «Охотников», я нахожу в картине что-то новое.

Видишь — слева дом типичной фламандской постройки и дерево. Присмотритесь: на дереве сидит птица, у птицы еще трепещут крылья, а в дереве дупло, и там еще птица... За домом мальчишки на коньках, один из них в красной шапке. Всмотритесь еще внимательнее: мальчишка кричит что-то озорное, смеется. Глаза у него светлые, ямочки на щеках и вздернутый нос. Весь он, как крепкий орешек, и очень похож на твоего друга Алешу... А там совсем далеко рыбаки на замерзшем пруду...

Этому пейзажу более четырехсот лет, а кажется, если не обращать внимания на необычные для нас костюмы охотников, все это происходит сейчас, вернее, происходило прошлой зимой.

Помнишь, мы с тобой говорили, что настоящее искусство дается трудно. А теперь мы открыли еще одну истину: настоящее искусство, в котором монолитно и крепко спаяны мысль и талант художника, не подвластно течению времени.

В венском музее, кроме картины «Охотники», олицетворяющей собой зиму, еще и «Уборка урожая» — лето, «Возвращение стад» — осень, «Темный день» — весна. Предполагают, что Брейгель написал не четыре, а двадцать картин, но судьба остальных неизвестна.

Во всей истории искусств нет подобных изображений природы, где ее грандиозность и величавость были бы так органично слиты с жизнью людей. Круговорот природы — нескончаемая цепь жизни, труда, созидания. Картина «Охотники на снегу» своим покоем, умиротворенностью, чарующим созвучием серых, зеленоватых, коричневатых, серебристых тонов утверждает вечный союз Человека и Природы.

Слышишь, скрипнула входная дверь. Поторопимся! Мы ведь вошли в музей непрошено. Эй, «Электроника», в путь! На север, в нашу с тобой страну. В город, не менее прекрасный, чем Вена, в музей тоже всемирно известный, как этот. В Ленинград!

Лесное болото

Нежные сиреневые дали над стальными волнами Невы. Можно сидеть часами на парапете набережной у Кировского моста и смотреть, впитывая в себя меняющуюся красоту сиреневых ленинградских далей. Разные художники писали пейзажи города, построенного во времена Петра, стремясь передать его красоту, величавость и проникновенность. Бывает в Ленинграде летом состояние воздуха часов в пять-шесть, когда видишь каждый кирпич за километры от себя, любой резной штрих на камне, ветки и листья дерева на той стороне Невы, а не только

...Шпиль, венчающий
Громаду исполина...

Пейзаж... Это сердце художника, отданное природе. Пейзаж — это поэзия неба и далей...

Трое кудрявых ребят в джинсах пристроились рядком на ступенях, вечером летящих к литым невским волнам, и пишут пейзажи. Пейзажи? Нет, они пишут этюды, будущие частички будущих картин. Так же, как записные книжки А. П. Чехова с тонкими наблюдениями и характеристиками будущих персонажей, — еще не рассказы. Рассказы создавались потом из многочисленных наблюдений, метко отобранных и обобщенных мыслью. Живописные этюды художников подобны ежедневным многочасовым гаммам музыканта. Чтобы с легкостью исполнить пассаж в концертном выступлении, раскрыв в нем замысел композитора и внеся свое настроение, пальцам музыканта надо тысячи раз пробежать по клавишам.

Художники-пейзажисты часто ездят на этюды, или, как они говорят, на пленэр. Загляни в словарь французского языка и узнаешь, что plein air — чистый воздух. Художники пытаются увидеть и запечатлеть этот чистый, этот неосязаемый и многими невидимый воздух. Одинаково ли зелено дерево в один и тот же летний день — в жаркий полдень или в дождливый полдень, осенним пасмурным утром или ясным? Как ты думаешь?..

Из поездок художник привозит связки картонов — этюдов, и только потом, бывает, что и через годы, рождается картина. То, что появляется на ней, не обязательно точно соответствует какому-то определенному месту. Художник не фотограф. Он может вместо пяти деревьев оставить в пейзаже одно, вместо десяти домов — три, добавить лошадь, которой не было, и сизую тучу на горизонте.

Нам пора в музей. Пройдем Дворцовую площадь, набережную Мойки, Театральную площадь. Обогнем чугунную решетку — всмотрись, какое дивное легкое плетение металла! — и войдем под прохладные своды.

Русский музей. По собранию картин этого музея можно изучать историю русской живописи, начиная с глубочайших веков: Рублев, Венецианов, Куинджи, Крамской, Репин, Серов...

Я веду тебя в залы любимого художника, пейзажиста Федора Васильева, человека короткой и трагической судьбы. Оглянись, вокруг тебя десять пейзажей — примерно половина из написанного им. Под фамилией художника и названием картины стоит дата написания. «Пейзаж» — 1869 год, «После дождя» — 1869 год, «Оттепель» — 1871 год... А родился Федор Васильев в 1850 году. Да, ему было всего девятнадцать лет, когда он создал первую из своих значительных картин, и всего двадцать три, когда написал последнюю.

Как можно измерить протяженность человеческой жизни? Какими мерками? Сейчас иногда слышишь: «Не предъявляйте жестких требований к художнику. Он еще молод...» А «молодому» художнику уже за тридцать. Пора зрелости. Тогда я вспоминаю Федора Васильева, его слова:

«Каждую картину я пишу не красками, а потом и кровью, каждая картина кроме мучений мне ничего не доставляет. Это потому, что я ясно вижу, что нужно сделать: **но я еще не могу сделать так, как я могу сделать...** Иметь талант еще очень мало! Нужно при одном таланте иметь другой — талант правильно и в лучшую сторону развиваться... Я имею и этот другой талант... А как трудно, как тяжело добиваться!..»

Васильев был обременен большой семьей, тяжело болен, поэтому смог учиться недолгое время, лишь в рисовальной школе Общества Поощрения Художеств, в классе Шишкина. Он только успел поступить в Академию художеств, но заниматься ему там не пришлось. Многие художники, тогда уже знаменитые Шишкин и Крамской и очень внимательно следивший за развитием его таланта Третьяков, высоко ценили его вкус, виртуозность.

«Болото в лесу» — одно из последних, даже незаконченное полотно. Он писал картину вдали от родных его сердцу берез, на берегу Черного моря, в Массандре, снедаемый страшным для того времени недугом — туберкулезом. Очень сильно, уверенно, широкой вольной кистью написана картина. Желтые осенние деревья в глухомани российского леса. Болото. Грусть щемящая, не отпускающая и вместе с

Федор Васильев.
Болото в лесу. Осень.
1872 год.

Клод Моне.
Бульвар Капуцинок в Париже.
1872 год.

тем сильный смелый порыв в образе двух центральных деревьев. Глядя на розовые крымские дали, на искрящееся море, Федор Васильев с бесконечной мукой хотел хотя бы на минуту оказаться в таком вот хмуром, осеннем, родном лесу.

После его смерти Крамской написал в письме П. М. Третьякову: «Его больше нет, потеря очень велика; и хотя ему уже ничего, никогда от нас не будет нужно, но та живая связь, которая была дорога для меня лично, странно вплетается во все мои теперешние мысли и действия, что им сделано, изумляет меня своей громадностью, особенно когда это все вместе собрано...

Ему было суждено внести в русский пейзаж то, что пейзажу прежде недоставало: поэзии...»

Солнечное мгновение

Мне что-то не хочется забираться на «Электронику» и мчаться опять с невозможной скоростью, но осталась еще одна картина, которую надо увидеть сегодня. Она находится в светлом, уютном зале не менее знаменитого музея, в Москве, в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Пожалуй, я воспользуюсь магическими силами «Электроники» — пусть она доставит картину сюда. Сегодня понедельник, московский музей закрыт, а здесь рядом с залом Васильева пустует одна из комнат. Мы проникнем в нее незаметно и там посмотрим картину Клода Моне «Бульвар Капуцинок в Париже».

«Электроника» выполнила мой приказ за двенадцать минут. Повесим картину на крюк и отойдем подальше. Еще. Вот. Закроем глаза и постоим чуть-чуть молча.

Меня всегда удивляет, с какой бездумной легкостью шествуют некоторые посетители по залам музея. Без передышки маршируют из зала в зал, в десятые доли часа сменяют эпохи, полагая, что прошагать по залам и коридорам час-полтора не трудно, и шести километров-то не наберется.

Для внимательного пешехода шесть километров любой дороги — это бездна впечатлений. А в музее это двести — триста лет истории живописи, разные стили, разные впечатления...

Ну, смотрим? Вот и солнышко проглянуло, словно помогая нам увидеть картину. «Бульвар Капуцинок в Париже» написан в тот же 1872 год, что и «Болото в лесу». Да, конечно, это совсем другая живопись, другой подход к живописи. Ты, наверное, слышал слово «импрессионисты»? Картина написана основоположником этой школы Клодом Моне.

Смотри, как сияет она воздухом, золотистым светом! Кажется даже, что по деревьям пробегает ветер, поток экипажей движется. Иногда — скажу тебе по секрету! — можно даже услышать окрики возниц, цокот копыт, возгласы фланирующих по бульвару парижан.

Это первое впечатление от картины. Радостное, возбужденное. А что еще? Все. Глубины в этой картине не найдешь, она написана только с этой целью — дать впечатление от великолепного весеннего дня...

В 1874 году на выставке в Париже Клод Моне показывал картину «Восходящее солнце. Впечатление». Переливы голубого света, розовые блики, мерцающий диск солнца. «Impression» — по-французски впечатление. С тех пор Клода Моне и группу его друзей-живописцев, разделяющих его взгляды на живопись — А. Сислея, К. Писсарро, Э. Дега, О. Ренуара, — стали называть «импрессионистами».

Художники этого круга отдавали предпочтение пейзажу, но писали и портреты и жанровые картины. О живописи импрессионистов один критик сказал: «...картины их написаны в смеющейся гамме. Свет заливает их полотна, и все в них — радость, яркость, весенний праздник».

После традиционных глуховато-коричневых картин реалистов первой половины XIX века полотна импрессионистов казались солнечными мгновениями, да и сам Клод Моне так определял свою живопись: «То, что я пишу, — мгновение...»

Живописную картину нельзя рассказать словами — если бы это было возможно, художнику незачем было бы писать красками картину, он «рассказал» бы ее. Тем более нельзя рассказать картину импрессиониста. Живопись надо смотреть. В Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве собрана прекрасная коллекция художников этого направления.

Картину не заменит ни одна репродукция. Любое, даже самое хорошее воспроизведение, уже иное: как правило, другой, меньший формат, другая фактура живописного мазка и, конечно, искаженный цвет...

*

Наше путешествие закончилось. Сегодня мы смотрели три картины очень разных художников. Можно ли сказать, что кто-то из них лучше или хуже? Нет. Они разные.

Каждый из художников не только дал нам возможность насладиться красотой, своеобразием природы, пластикой, колоритом живописи, но можно сказать, что мы общались с каждым из них. С философом Питером Брейгелем — он учил нас мыслить; с поэтичным Федором Васильевым — он заставил вместе с ним тосковать по далекой для него родной земле; с легким, артистичным Клодом Моне — он звал нас участвовать в веселом, танцующем празднике. И, несмотря на то, что Питер Брейгель писал картину в далеком для нас 1565 году, Федор Васильев и Клод Моне тоже не в близком 1872 году, а смотрели мы их в 1977 году,— общение с художниками оказалось возможным... Такова сила искусства.

Анатолий КОСТЕЦКИЙ

Шмель о солнышке поет

Пусть дождик на дворе идет,
на подоконнике моем
большой мохнатый шмель поет
ворчливым, сонным голоском.

Уже второе лето он
меж наших бархатцев гудит,
всегда пыльцою запылен,
всегда немножечко сердит.

Но, если пасмурно в окне
и слышен первых капель стук,
я жду, что прилетит ко мне
мохнатый шмель, мой старый друг.

Пусть дождик на дворе идет
и ветер злится за стеклом,
мой шмель о солнышке поет
на подоконнике моем.

Осень

Все неподвижно в далях сонных:
и желтый лес и серый шлях,
заснул увянувший подсолнух,
заснула речка в берегах.

И солнце притомилось даже,
клонясь все ниже на закат,
и лишь на яблоне уставшей
последние плоды горят.

И втихомолку смотрит осень
зрачками синих спелых слив,
как в норки хомяки уносят
зерно с пустых осенних нив.

Перевел с украинского Григорий КРУЖКОВ.

ИМЕНИ МАРИАТЕГИ

Организация детей имени Мариатеги — так называют себя пионеры Перу.

— Почему же тогда в названии организации нет слова «пионерская»? — возможно, возникнет у тебя вопрос.

— Слово «пионер» во всем мире звучит как коммунистический термин, — объясняет Кармен Аналья Отыньяно, один из руководителей областного комитета коммунистической молодежи в городе Трухильо. — Некоторые семьи слово «пионер» может напугать, а нам важно, чтобы организация росла и в нее поверили бы как можно больше перуанцев...

— Но ведь Хосе Карлос Мариатеги — выдающийся марксист, он основал в 1928 году Перуанскую коммунистическую партию. И пионерская организация носит его имя. Разве об этом не все знают?

— Знают. Но авторитет Мариатеги в народе очень высок. Всем известно: смысл его жизни — борьба за равенство, справедливость, лучшую жизнь для народа. Каждый перуанец понимает, что Хосе Карлос Мариатеги всю свою жизнь боролся за лучшее будущее для своего народа.

— Значит, то, что в названии детской организации нет слова «пионерская», временная необходимость? Тактика, как говорим мы, взрослые?

— Да, это тактика сегодняшнего дня. Коммунистическая партия Перу борется за осуществление в стране антифеодальной, антиимпериалистической революции, в которой видит первый этап борьбы за революцию социалистическую. Дети в нашей, как и во всякой другой стране, — ее будущее. И Коммунистическая партия Перу поручила нам, коммунистической молодежи, организацию и воспитание детей...

— Коммунистический союз молодежи выделил специальных людей для руководства детской коммунистической организацией?

— Да. В начале февраля 1976 года у нас в стране проходил съезд коммунистической молодежи. Основной вопрос этого съезда — создание детской и женской организаций. Впервые официально были выделены люди для руководства детской коммунистической организацией — пионерские вожатые.

— Какие конкретные задачи перед ними поставлены?

— Организация коммунистической молодежи, как и Коммунистическая партия Перу, борется против империализма, за построение в стране социалистического общества. Коммунистическая молодежь разъясняет политику партии народу, детям.

Очень важно для нас сейчас, чтобы в детскую организацию вступило как можно больше ребят. Мы должны вырастить юное поколение образованным, знающим, готовым к вступлению в комсомол, а потом и в коммунистическую партию.

Раз в неделю мы собираем пионеров в комитетах коммунистической молодежи, а летом — три-четыре раза в неделю. Дети занимаются в кружках техникой, научными исследованиями, любимыми предметами. Участвуют в театральных представлениях, спортивных секциях и соревнованиях. Комсомольцы устраивают для пионеров большие спортивные состязания, игры, праздники. Детям все это нравится, и организация растет...

— Как относятся ребята к своей организации? — наверное, тебе захотелось бы задать такой вопрос перуанским пионерам. — Почему с каждым днем их становится все больше?..

— Я вступил в организацию, потому что мне нравились праздники и спортивные состязания, которые они проводят зимой, — отвечает на этот вопрос Эфраим Родригес Осорио из Лимы. — И еще мне хотелось вместе с пионерами уезжать летом за город... А потом я понял, что, кроме праздников и поездок за город, я еще могу научиться всему, что меня интересует...

— А я, — говорит Мигель Анхель Тейо Ла-

Рисунок Ю. РОДИНА.

саро, — интересовался искусством и сначала только из-за этого пошел в организацию. А потом я понял, что в кружке смогу более глубоко, чем в школе, заниматься физикой. И главное: я стал лучше разбираться в политике, в событиях, которые происходят в мире...

— Я живу в городе Туаноко, — рассказывает Енгеле Горки Порльес Уэрта, — но в 1973 году я приезжал в Лиму, познакомился с делами пионеров и организовал у себя в городе первый пионерский отряд. В нем сейчас сорок человек. Мы стараемся во всем, чем можем, помогать коммунистам. Участвуем в митингах солидарности с народами, борющимися за свободу, независимость и социальный прогресс. Распространяем листовки коммунистов, в которых они протестуют против фашистской диктатуры в Чили или объясняют нашему народу, как бороться за социализм в нашей стране. А начинали мы тоже с организации футбольных матчей...

— Енгеле, — поясняет Кармен Аналья Отыньяго, — был единственным представителем пионерской организации на съезде коммунистической молодежи Перу.

— Пока в нашу пионерскую организацию вступают в основном дети коммунистов. На съезде говорилось о том, что организация пионеров должна стать массовой, а коммунистические лозунги — общими. И мы, пионеры, идем к родителям, в разные семьи и объясняем, какая хорошая у нас организация и какие хорошие у нас цели. Имя Хосе Карлоса Мариатеги очень помогает нам...

Разговор с перуанскими пионерами и их вожатой, членом областного комитета коммунистической молодежи Перу, я передаю вам почти дословно, чтобы вы сами могли составить представление о том, какие верные и надежные помощники растут у коммунистов и комсомольцев Перу.

Пожелаем успеха им в очень сложной и нелегкой их работе!

Л. СИМОНОВА.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЗВЕЗДА

Вы знаете, что борьба ангольского народа за свое освобождение длилась более пятнадцати лет и завершилась 11 ноября 1975 года. В этот день президент Анголы Агостиньо Нето торжественно провозгласил независимость нашей страны и образование Народной Республики Ангола. Перед новым правительством Анголы стояли большие задачи. Нужно было очистить страну от войск Южно-Африканской Республики — на юге и от войск Заира — на севере. Шла жестокая борьба, завершилась она победой ангольского народа.

Ангольский народ принялся за строительство новой жизни. Сразу же был решен вопрос о бесплатной медицинской помощи, о бесплатном образовании. Началась борьба с безграмотностью. И, разумеется, в первую очередь молодая республика позаботилась о детях и о молодежи — будущем Анголы.

Молодежная организация Анголы существует с самого начала борьбы ангольского народа против португальских колонизаторов. Пионерская организация родилась в начале 1960 года, и в тот момент в нее входили дети бойцов, чле-

нов МПЛА (так сокращенно называется партия Народного движения за освобождение Анголы).

После провозглашения независимости в Анголе пионерская организация начала расти, и сейчас около 70 процентов ангольских ребят стали пионерами.

История пионерской организации Анголы началась с участия пионеров в борьбе народа за свое освобождение. Никогда не забудем мы имена юных пионеров-героев. Я расскажу вам об Аугусто Гогула.

Аугусто шел в школу и натолкнулся на патруль португальских колонизаторов. Португальцы стали расспрашивать его: куда идешь, зачем? Он ответил, что идет в школу МПЛА. Ему приказали показать дорогу, юный герой наотрез отказался. Его долго мучили, а затем расстреляли. Аугусто Гогула погиб 10 декабря, и теперь этот день по решению ЦК МПЛА считается днем пионеров Анголы.

В ту пору, когда в городе Луанде шли ожесточенные бои между МПЛА и предательской организацией УНИТА, пионеры Луанды много помогали старшим. Товарищи, которые участвовали в ожесточенных боях, рассказывали мне, как ребята доставляли бойцам МПЛА боеприпасы, продовольствие, часто передвигаясь по улицам под градом пуль и рискуя жизнью. Те, кто остался без родителей, жили вместе с бойцами, носили рубашки, опоясанные лентами-патронами.

В трудный для Анголы момент, когда южноафриканские войска перешли границу нашей страны, на оккупированной территории остался пионер Зега. Он отказался уйти со всеми: «Я буду, — сказал он, — вместе с другими бойцами МПЛА ждать подхода основных частей». В одном из боев Зега был схвачен, замучен и расстрелян южноафриканскими палачами.

Сейчас пионеры Анголы помогают восстанавливать хозяйство нашей страны. По решению последнего пленума ЦК МПЛА пионеры принимают самое деятельное участие в борьбе с неграмотностью. Днем они учатся сами, а вечером идут учить взрослых.

Недавно было создано руководство пионерской организацией Анголы. Организация получила название — «Национальная звезда». Одна из основных задач пионеров Анголы — учиться как можно больше и лучше, заботиться о развитии культуры народа и не забывать быть бдительными по отношению к внешним и внутренним врагам. Пионеры вслед за старшими повторяют слова: «Борьба продолжается, победа неизбежна!».

Борьба продолжается, потому что наши соседи — народы Намибии, Южной Родезии, Южно-Африканской Республики — еще не освобождены, и мы должны помогать им в этой борьбе.

Мне хочется сказать советским ребятам, советским пионерам и комсомольцам большое спасибо за ту кампанию, которую вы сейчас ведете в помощь пионерам Анголы. Я думаю, что ваш «Корабль солидарности» станет самым ярким свидетельством пролетарского интернационализма и еще больше подружит пионеров Анголы и Советского Союза.

Сейчас у нас в стране начинается строительство Дворца пионеров, создание пионерских лагерей. И в этом важном деле мы тоже надеемся на помощь Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, на помощь наших друзей из Кубы и других стран, которые были с нами в годы борьбы народа за освобождение, — таких, как Конго, Гвинея-Бисау, Мозамбик.

«Борьба продолжается, победа неизбежна!»

Жозе НЕЛУМБА

КАМПАНИЯ «СОВЕТСКИЕ ПИОНЕРЫ — ДЕТЯМ АНГОЛЫ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В февральском номере «Пионера» мы рассказали о кампании «Советские пионеры — детям Анголы», о «Корабле солидарности», который отправится в Анголу из Таллина, увозя на своем борту подарки советских ребят Луандскому Дворцу пионеров.

Прошло всего несколько дней с тех пор, как журнал вышел из типографии, а мы уже стали получать письма. Сначала от москвичей и ребят из Подмосковья, потом с Урала, из Белоруссии, Грузии, из самых далеких уголков страны.

«От каждого пионерского отряда в штаб КИДа поступают посылки дружбы», — пишут члены КИДа «Глобус» школы № 16 из поселка Горбатовка, Горьковской области.

«Кидовцы бросили клич на школьной линейке, и вот в пионерской комнате уже складываются подарки для ангольских ребят» — из письма учеников Кутлу-Букашской средней школы из ТАССР.

«Готовим игрушки в подарок ангольским детям. Совершили заочное путешествие в Народную Республику Ангола», — сообщают члены КИДа имени Юлиуса Фучика Ташкентского Дома пионеров.

А вот письмо членов КИДа имени Федора Полетаева из средней школы № 3 города Нефтекумска: «Все как один проголосовали за участие в кампании «Советские пионеры — детям Анголы». Очень волнуемся, не уйдет ли «Корабль солидарности» без наших подарков».

Молодцы ребята! Пусть каждый пионерский отряд, каждая пионерская дружина последует их примеру!

«Кораблик» *Журнал в журнале *Печатает только тебя*

Кончается лето, бежит «Кораблик» по лесным ручейкам и речкам. Торопится. Надо побывать в гостях у разных ребят, узнать, какие стихи они сочинили про летние каникулы.

Первая остановка в городе Витебске, у Юры ИВАНОВСКОГО. Вот что Юра передал «Кораблику».

* * *

Зеленые каникулы
Нас в лагеря покликали.
Встречают нас поляны
И сосны-великаны!

Москвич Леня ФОКИН, семиклассник, каникулы провел в пионерском лагере «Дзержинец». «Кораблику» он подарил стихотворение «В лагере».

В лагере

Загораем на песке
И купаемся в реке.
Бегаем, играем —
Просто отдыхаем!

*

Очень обрадовалась лету Таня СЕДОВА из Дубны.

* * *

Наступило лето,
Солнышко блестит.
Ручеек прохладный
Там, в тени, журчит.

Лето в сарафане
По полю идет,
Цветы собирает
И венок плетет.

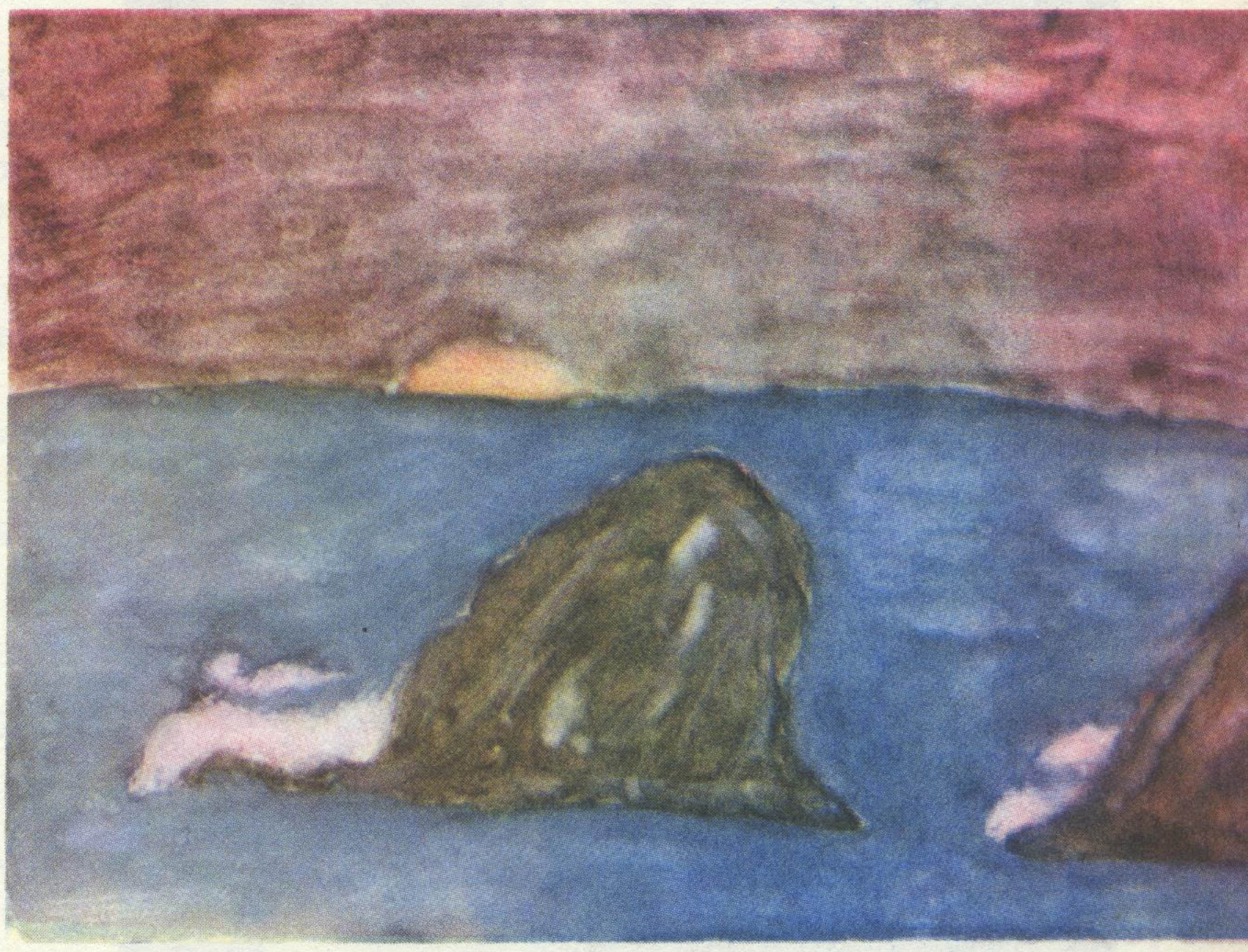
«Идет урок».
Лена БАЙКОВА, 9 лет.

А тут что за шум? Жарко потрескивают сухие ветки, звенят ребячьи голоса. Да здесь пионерский праздник! «Кораблик» принял на борт стихи Инны ЧИЧИРИНОЙ из города Сумы.

Костер

Вспышка спички — и взвилось
Золотое пламя.
Огненные языки
Пляшут рядом с нами.
С треском хворост ест огонь.
Он горячий, словно конь.
Искры в воздухе горят,
Потухают и шипят.
У ребят в глазах огни —
Рады празднику они!
А костер трещит, смеется.
Вдруг команда раздается:
«Отойдите от огня,
Можете обжечься!»
Подождите хоть чуть-чуть,
Дайте насмотреться!

Этот рисунок «Кораблик» привез из «Артека». Художник нарисовал вечернее таинственное море, но имя свое на рисунке не поставил. Мы только знаем, что в «Артеке» он был в лагере «Горный».



Семиклассница Наташа НЕДОРЕЗОВА из Барнаула рассказала «Кораблику» про летнюю ночь.

* * *

Светятся пятнами звезд небеса,
Где-то кузнечик тихонько звенит.
Словно обломок от колеса,
В небе серебряный месяц висит.

Елли БОЙЧУК живет на Севере, в городе Воркута. «Кораблик» привез такое стихотворение Елли:

* * *

Мы с подружками пошли
Собирать морошку.
Увидали по пути
Тропочку-дорожку.
По дорожке мы пошли
И морошку мы нашли!
Тут морошка,
Там морошка —
И у нас полно лукошко!

У Димы БЕКЕТОВА, третьеклассника из города Шадринска, летом появился свой кораблик.

Плот

Беру я в руки шест,
Встаю на плот,
Сейчас вот
Этот плот
Меня по луже повезет!
И вот плыву я на плоту,
Вперед, на берег я смотрю.
Теперь веду свой плот назад,
Чтоб покатать друзей-ребят.

И еще «Кораблик» узнал, что бы ребятам хотелось увидеть. Одиннадцатилетняя Люба БРЕКОТИНА из башкирского поселка Сарва никогда не была на море, и об этом она сочинила стихи.

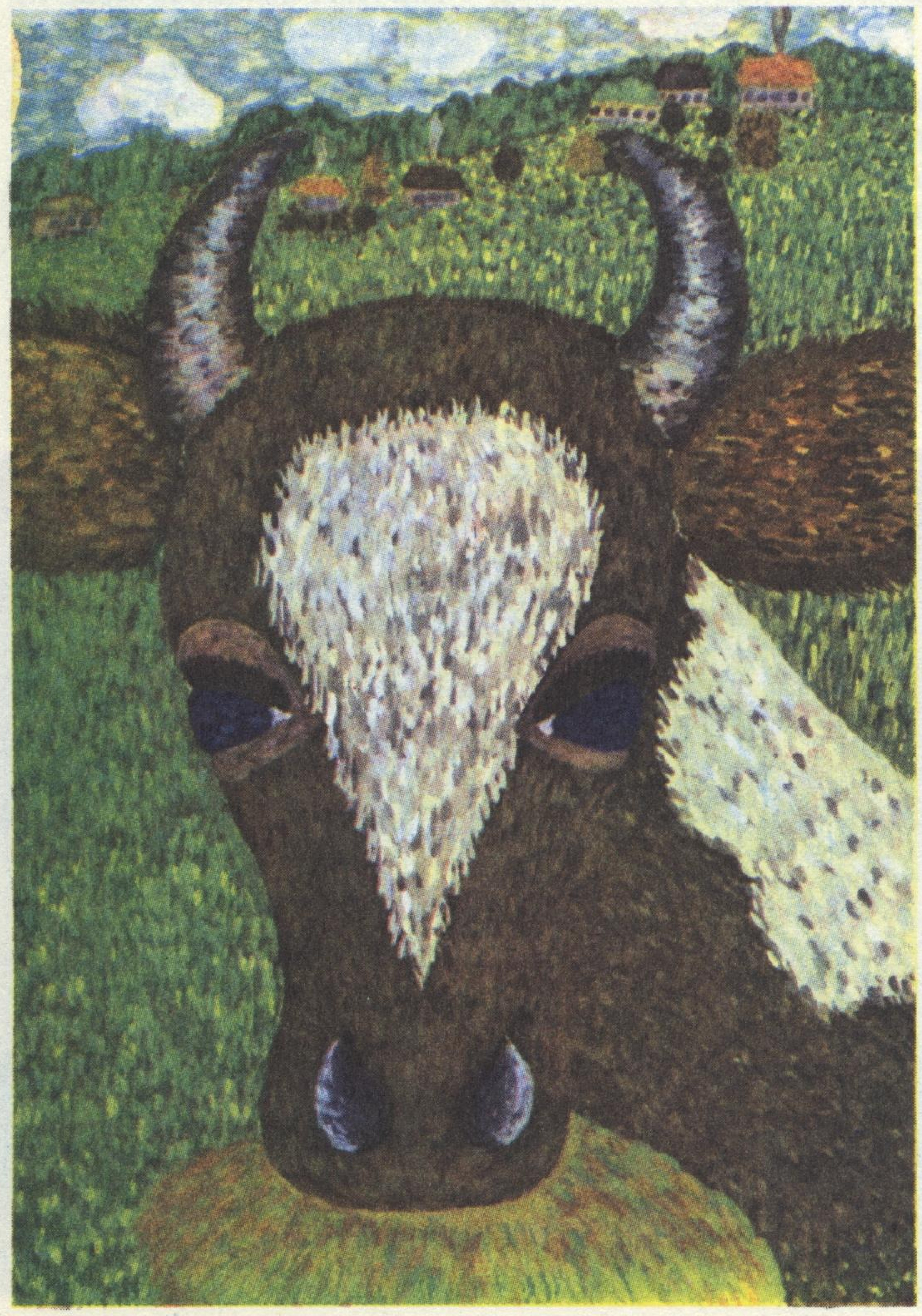
* * *

Я не видела моря.
Что же это такое?
Может быть, это поле,
Только оно голубое?
Может быть, это озеро,
Только очень глубокое?
Хочется мне все бросить
И мчаться к нему, далекому...
Говорят, там живут дельфины,
Они славные, очень добрые.
С удивленьем смотрю на картины,
На которых они нарисованы.
Мне так хочется видеть море...

Пора возвращаться. На прощание «Кораблик» побывал у Любы ВАТАМАНЮК из города Рудного.

* * *

Вечер.
Сижу в вечерний час перед окном.
Все тихо.
Лишь во мгле холодной
Сияют звезды синими глазами.
Все тихо.
Вот тикает будильник:
Тик-так, тик-так, тик-так...
Внизу, в саду,
чуть-чуть краснеют яблоки.
Как тихо!



«Буренка».
Оля ЧЕРТОК, 11 лет.

В небольшом подмосковном городке Электроугли при Керамическом заводе есть студия. Много лет этой студией руководит Евгений Михайлович Куприков. Приходят к нему неумелые новички — третьеклассники, а уходят уже выпускники. Многие из них выбирают профессии, рисунок в которых играет первую роль.

Евгений Михайлович собирает из рисунков своих учеников «Золотую галерею». Сегодня «Кораблик» показывает некоторые из них.

«Шью маме платье».
Галя ФЕДОСЕЕВА, 13 лет.

ПЕСНЯ О СОЛДАТЕ

(НЕВЫДУМАННЫЙ РАССКАЗ)

Шестой отряд готовился к общелагерному фестивалю искусств. А чтобы никто не мешал, выбрали в лесу полянку, уселись кружком. Объявляла конкурс Маринка — зеленоглазая, длинноногая девчонка в голубых шортиках и мальчишеской футболке.

Вот она вышла на середину поляны.

— Песня «Шел солдат»,— объявляет Маринка торжественным, чуть натянутым голосом.

Мы встаем полукругом. Мы — это черноволосая Оксана, высокая и стройная Наташа, хохотушка Света и я.

— Три, четыре! — шепотом говорит Оксана, и мы начинаем:

В том краю, где тихо листья шумят,
Проходил один усталый солдат...

Это песня грустная и тревожная. Когда мы поем, все сидят тихо, и даже крикливый Толик не мешает нам. Нахохлился, будто воробушек, и в его широко распахнутых глазах отражается оранжевое солнце.

На поляну вышла женщина, повязанная платочком, с ведром в руке. Но мы не замечаем женщину, мы увлечены песней.

Вот к Берлину наш солдат подошел
И народам мир и счастье нашел.

Женщина ставит ведро на мокрую траву. Она пристально смотрит на нас: на Наташу, на Оксану и на нас со Светой.

Но шальная пуля впилась ему в грудь,
И сказал он другу: «Ты не забудь,
Для чего на свете мы живем,
Для чего мы жизни отдаем...»

И вдруг я увидела, что женщина плачет. Она отвернулась, вытерла лицо кончиком платка и, недослушав, медленно пошла по тропинке.

— Тетенька, ведро забыли! — закричал Володя.

Но женщина даже не оглянулась. Может быть, песня напомнила ей погибшего мужа или отца, растравила старую рану? Мальчишки подхватили ведро.

— Тетенька, подождите!

Женщина остановилась и, глотая слезы, сказала:

— Возьмите себе, ребятки, только ведро принесите. Все равно некому у меня молоко пить. Возьмите, ребятки!

Все растерялись, и никто не догадался спросить, по какому адресу относить ведро. Солнце стояло в зените, все безумно хотели пить, и молока в ведре скоро совсем не осталось.

— Ребята, она же теперь без еды осталась! — воскликнул Ромка. «Добрая душа» — зовут его ребята, «Ромка-добряк».

— Хватит репетировать, ягод ей надо набрать,— тихо сказала Катя.

— И грибов! — подсказал Жека.

И мы шумной ватагой побежали по ягоды-грибы для нашей новой знакомой. А когда ведро, полное лесных подарков, относили в поселок, быстро нашли ее. Нам сразу показали дом вдовы Лизаветы. Ее муж погиб в Берлине в мае 1945 года.

В сырой земле я буду спать,
Родную не увижу мать,
И старый сад и старый дом...

Наверное, мой рассказ будет неполным, если не добавить, что на фестивале песня «Шел солдат» заняла первое место...

Оля ПЛАХОТИНА,
восьмиклассница из Москвы.

Рисунки Ю. БОНДАРЕНКО.

ОБЫКНОВЕННАЯ БЕРЕЗА

Юрий КРУТОГОРОВ

Доброе дерево

Кого березой удивишь? Это дерево настолько привычно, что мы порой и не замечаем его. Выгляни из окна в городе ли, в деревне, всюду березу увидишь — белоногую, в зеленой листве, такую знакомую. Постоянный спутник нашей жизни. То ли дело породы, о которых недавно поведал американский дендролог Э. Меннинджер в своей книге «Причудливые деревья». От одних названий дух замирает: «взбесившиеся корни», «двуглавые чудовища», «деревья-призраки»... Жаркое дыхание джунглей, опасные тропы саванны, тайны так и будоражат кровь, манят приключениями. Кого после этого поразишь рассказом о скромной нашей березе?

Знаете, мне стало обидно за березу. Я вспомнил, как в одном из своих писем Александр Сергеевич Пушкин писал: «Мы переехали горы, и первый предмет, поразивший меня, была береза, северная береза! Сердце мое сжалось».

Как много этим сказано! Сколько же в ней прелести, неотделимой от природы нашего Отечества!

Радостное, нарядное дерево. Оно забрало в свое одеяние два главных цвета русской природы: зелень лугов и белизну заснеженных полей. И как эти цвета ей к лицу!

Еще береза к людям добра. В стародавние времена люди нарекли ее деревом четырех дел: первое дело — мир освещать, второе — чистоту соблюдать, третье — крик утишать, четвертое — больных исцелять. Самая светлая — березовая лучина. Скрип телеги утишался березовым дегтем. Березовый веник в бане «чистоту соблюдал». От всяких хворей лечил настой из березовых почек.

Какое родное, теплое, верное дерево!

Да, березу везде встретишь, вернее, самых распространенных представителей — березу бородавчатую и березу пушистую. На первый взгляд их не отличишь: сестры-близнецы. Но у одной молодые побеги покрыты бородавками, а у другой — пушистые, черешок листа опушен.

Никакая другая порода не распространена так в нашей стране, как береза. Она завладела всеми широтами. Ее недаром в науке называют деревом-пионером, она первая осваивает широкие пространства. И уже за березой идут другие деревья. Березовыми тропами шагала тайга на дальний север и восток — за Полярный круг, за кручи Сихотэ-Алиня. Лучше самой подробной карты береза своими именами рассказывает людям о местах своего обитания: иркутская береза, киргизская береза, маньчжурская береза, байкальская береза, памирская, алтайская, туркестанская, даурская... Названия говорят не только о географической прописке березы, но и о ее особенностях: широколистная, большелистная, извилистая, изогнутая, мелколистная, ребристая, кустарниковая, низкорослая, тощая, карликовая. А еще люди нарекли ее белоствольной невестой, красавицей, веселкой.

Нет в нашей стране другого дерева, которое бы так сроднилось с людьми. Знаете ли вы, как много имен ученых и путешественников присвоено березе:

береза Шмидта,
береза Прохорова,
береза Сапожникова,

береза Сукачева,
береза Келлера,
береза Медведева,
береза Эрмана,
береза Гмелина,
береза Миддендорфа.

Что ни вид — страничка истории, судьба...

Рассказ о двух экспедициях

14 ноября 1842 года из Петербурга в район Таймыра, в Восточную Сибирь, отправлялась экспедиция географа, ботаника, зоолога Александра Федоровича Миддендорфа. Предстояло пройти по местам, открытым замечательными землепроходцами Лаптевым и Хабаровым. Экспедицию отрядила в дорогу Академия наук.

Я читаю путевые записи Александра Федоровича страница за страницей и живо представляю себе этого сильного тридцатилетнего человека.

Через три года Миддендорф вернется в столицу увенчанный славой, а пока санный возок мчит его по безлюдному сибирскому тракту.

И вот тут я замечаю в его записях одну деталь: ориентиром, спутником в продвижении на восток для Александра Федоровича была... береза.

Его интересует, как уживается береза с сосной, елью, пихтой, он радуется тому, что в Барабинской степи береза взяла верх над другими породами. Позже, у берегов Енисея, он вновь запишет: возок словно наперегонки бежит с березками. Ботаник, природовед Александр Федорович отмечает, как береза, перевалив через Урал, меняется, обретает характер сибирячки. Он сравнивает северянку-березу пушистую с южанкой-березой бородавчатой. У первой ветви больше вверх приподняты, кора у основания черноватая. У южанки ветви, особенно нижние, горизонтальные, кора по большей части белая. Северянка как бы отталкивается ветвями от ледяного наста: трещины толстой коры затвердели, кора, как грубые варежки, согревает ствол.

Позднее, ближе к концу путешествия, Миддендорф заметит: «Климат дальнего севера принудил к погибели всякую древесную растительность». Как же его радует встреча в этих глухих, нехоженых местах с каменной березой! «Лес этой березы так крепок, что наша обыкновенная береза в сравнении с нею мне показалась мягкою». О березе каменной в те времена знали немного. Миддендорф подробно описал этот вид, он подмечает, что на ней «береста растрескивается на тонкие, как почтовая бумага, лоскутки, которые, отделяясь от коры, придают ей, даже на мелких ветвях, блеск шелка...»

Он собирает коллекции, гербарии, его дневник подробен, как судовой журнал.

На берегу Таймырского озера Александр Федорович тяжело захворал. Он не мог двигаться. Передав двум спутникам все документы и находки, он приказывает: «Идите дальше. Отыщете стоянку — пришлите ко мне тунгусов. Нет, сами спасайтесь...» Он тверд, спорить было бесполезно. Миддендорф укрылся от стужи в снежном сугробе, питался сухим бульоном, было у него немного спирта. На девятнадцатые сутки подоспела помощь. Его спасли.

Выздоровев, он и не подумал домой возвращаться. В путь, в путь — в глубь Таймыра, к побережью Охотского моря, в Якутию, в путь, в путь — пешком, на оленях, на собаках... Миддендорф изучал природу вечной мерзлоты, записал наречия местных племен, сделал важнейшие ботанико-географические наблюдения. И береза по-прежнему сопровождала его в путешествии. Железная береза. Черная береза. На берегу Охотского моря он встретится с березой-незнакомкой. О ней не слышали ботаники. Красно-бурое дерево метра три высотой, кора шелушится на старых ветках, листья ромбические. Его поразило, как живуче это дерево. Береза-незнакомка на вершине гольцов вздымает ветки вверх: на моховых болотах — это низкий, почти стелющийся куст; в долинах ручьев обретает шаровидную форму.

Александр Федорович не знал, к какому виду отнести новое дерево.

Мы теперь знаем, как оно называется: береза Миддендорфа. Так они породнились — и в этом высшая справедливость науки.

А сейчас я расскажу о березе, которая, к сожалению, не носит имени человека. Но будь моя воля, я дал бы этому дереву имя Перфильева. Речь идет о березовом сланце, карликовой березе, проникшей глубже всех на север.

Надо сказать, что еще в начале века ученые имели весьма смутное представление о карликовой березе.

И вот вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции к островам Ледовитого океана из Архангельска отправлялся в первый арктический рейс пароход «Мурман». Вологодский ботаник упросил руководителя экспедиции взять его с собой. Растительность севера интересовала давно Перфильева, и, узнав об экспедиции, он, как мальчишка, сбежал в Архангельск. Колгуев, Новая Земля! Боже мой, как он мечтал отправиться туда!

На этих островах бывали ботаники, но далеко от берега никто не углублялся. Колгуев же был освоен так мало, что позднее Перфильев отметит: существующие карты остро-

ва соответствуют действительности в весьма отдаленной степени.

Белужья Губа, Малые Кармаклы, Маточкин Шар...

В ту пору торосы забили проходы из Карского в Баренцево море. Сплошные туманы. Промозглый воздух. Стынь. Утром рано Перфильев спускается по сходням на берег, неторопливо идет в глубь острова. Осколки озер, морошковые болота, каменистые гольцы — места эти иному покажутся унылыми, однообразными. Но для северянина Перфильева нет роднее и привычнее пейзажа.

Трудно идти, но он не ищет коротких, спрямляющих дорог. Иногда, пишет он, «приходится делать более зигзагообразный путь, дабы уловить наибольшее число видов в данной местности...» Больше увидеть, глубже проникнуть в мир этой растительности — самый северный пост наших лесов!

Карликовая березка — самая мужественная и стойкая среди своих зеленых сестер. Искривленный ствол. Часто деревце пригибается к самой земле, стелется под шквальной яростью ветров.

Карликовая береза, отмечает Перфильев, как и другие деревья, образует гибриды. На тихой речке Пеше он обнаруживает одну такую разновидность. Перфильев дает находке латинское имя, в честь реки: «Пешенсис». Клиновидные листья с глубокими двойными зубцами, плодовые орешки языковидные — это было ново. Листья жесткие, сверху темно-зеленые, снизу светлые. Перфильев измеряет длину и диаметр сережек, берет пробы почвы. По его мнению, семена занесены с материка. И Перфильев дивится чуду. Где-то в материковой тайге береза выпустила из сережек стаю семян. И вот они оказались здесь, воздухоплаватели, а может быть, и мореплаватели...

Позднее в своей книге «Материалы к флоре островов Новой Земли и Колгуева» Иван Александрович с поразительной наблюдательностью естествоиспытателя расскажет обо всем увиденном; его коллекции станут ценностью университетских музеев: о нем будут писать как об исследователе карликовой березы.

Я прочитал эту книжку в один присест. Она написана рукой одаренного человека и ученого. Изучая карликовую березу, Иван Александрович совершил настоящий подвиг — я преклоняю голову перед этим мужественным, одержимым человеком. Тяжелая болезнь поразила Перфильева с детства — костный туберкулез... Болезнь отняла ноги. И десятки километров по островам Арктики он прошел... на костылях. Вспомните еще раз, как он не щадил себя: «Приходится делать более зигзагообразный путь, дабы уловить наибольшее число видов».

Будь моя воля, я присвоил бы самой северной нашей березе имя Ивана Александровича Перфильева...

Крылатое семя

Что же делает березу деревом-пионером? Береза удивительно неприхотлива к почвам. Ей все впору. Она приемлет почти любые жизненные условия. Соленые почвы? Не беда. Малоплодородные? Укоренится и тут. Мало влаги, сухо? И с этим смирится, худо ли бедно, а смирится. Она и морозов не боится, в отличие, например, от дуба. Да и сами ее названия звучат как вызов: каменная, железная...

Ни одно дерево не может сравниться с березой по обилию семян, их легкости, невесомости почти. Семечко крошечное — в нем тайна стремительного распространения березы, ее умения шагать по земле впереди всех других деревьев.

Вот он, этот продолговатый орешек у меня на ладони. Всматриваюсь в него. Чем-то напоминает семечко чечевицы. Орешек снабжен прозрачными, перепончатыми крылышками, раз в двадцать меньше стрекозиных. Летательным аппаратом назвал один известный лесовод березовое семя. Подул ветер, полетело семечко, паря, словно планер, в воздушных струях. По дальности полета орешек с двумя крылышками — чемпион среди всех других древесных семян. Так березняк сеет будущий лес. Так шаг за шагом, десятилетие за десятилетием, век за веком шагает победно по земле береза.

Дерево-пионер. Дерево, поставленное самой природой в первые ряды атакующих пустоши, гари, выбитые пастбища, бросовые земли. Мало того, дерево это прокладывает дорогу хвойным и широколиственным. Вот, что говорится о ней в «Лесном словаре» прошлого века: «Береза не имеет нужды в тени других дерев, меж тем как ствол полезен им своею тенью: ибо мы видим, что под легкими ветвями березы возрастают дуб, бук и особенно хвойные деревья. По этой причине береза служит НАДЕЖНОЮ ЗАЩИТОЙ вновь посеянному или посаженному лесу, и УСТУПАЕТ ЕМУ МЕСТО в то время, как он достигнет уже совершенной возмужалости и может сам составлять полные рощи...»

Какая благородная роль выпала на долю нашей березе!

Береза — поводырь русского леса!

Так порадуемся же тому, что крошечный «летательный аппарат» вознес березу на высоту трех тысяч метров в горные ущелья Алайского хребта, подвинул к пустыням Каракума, переправил через ледяные струи Карских Ворот, заселил Полюс холода в Якутии, озеленил южные степи, окольцевал байкальское прибрежье, наделил профессией верхолаза на склонах Казбека, поднял к жерлам

камчатских вулканов. Не случайно в старину березе воздавали высокие почести. В Семик, праздник весны, девушки шли в лес, завивали березу венками, «сестрились», водили вокруг нее хоровод, как бы принимая березу в сестры... Славный обычай!

Береза достойна таких почестей.

И рассказ о ней я хочу закончить выдержкой из упомянутого мною «Лесного словаря» — эта характеристика не утратила своего значения и в наши дни: «Порода, долженствующая возбудить особое внимание лесоводов, есть ОБЫКНОВЕННАЯ БЕРЕЗА, которою так обильны наши леса и которая должна быть ЦЕНИМА ТЕМ БОЛЕЕ, чем недостаток в лесе сделается ощутительнее...»

В честь юбилея ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Недавно в Уфе закончился III Всероссийский слет членов школьных лесничеств и юных друзей природы. Слет проходил особенно торжественно и празднично — в этом году впервые охрана природы записана в проекте Конституции СССР **как обязанность каждого гражданина нашей страны!**

А накануне слета Верховный Совет СССР утвердил Основы лесного законодательства Союза ССР и союзных республик. Все, кому дорога природа нашей страны, радовались словам нового Закона: **«Считать одной из важнейших государственных задач обеспечение охраны и защиты лесов...»** И ребята из школьных лесничеств, несомненно, будут работать еще лучше на благо родной природы!

Участники слета обратились ко всем ребятам республики с призывом провести посадки деревьев и кустарников в честь 60-летия Великого Октября:

озеленить улицы, площади, носящие имена героев революции и гражданской войны;

охранять и озеленять памятники историко-революционной и трудовой славы, героев гражданской и Отечественной войн;

взять под охрану памятники природы (парки, рощи, деревья-долгожители), посаженные в честь знаменательных событий;

заложить аллеи, рощи, скверы, парки из декоративных деревьев и кустарников в честь 60-летия Октября в память о славных делах нынешнего поколения советских людей.

Юные друзья природы! Не теряйте времени! Решите у себя в отряде, с чего будете начинать, что будет главным в вашей работе в честь юбилея Октября.

Скоро осень, самое подходящее время для посадок и всех работ в парках и скверах!

Приступайте к работе!

Хакимзян ХАЛИКОВ

Звездоня

Про Звездоню говорят,
Что она лягается,
Что колхоз Звездоню зря
Кормит, разоряется.

Ну а я ее люблю!
Хлеба корочку солю —
На! Возьми с ладони!
Угощение берет,
Благодарно, тихо ржет
Умница Звездоня.

С ней у нас
и мир и лад.
Я верхом садился,
А она тихонько шла,
Будто клад какой везла,
Чтоб я не свалился.

Все же как-то я упал,
Лоб украсил шишкой.
Ждет Звездоня у столба:
«Ну, вставай, парнишка!»

Ржала, будто бы звала,
Нежно в лоб лизала.
Ее гнали — не ушла,
Около стояла.

Много, мало ли лежал
На земле, не знаю.
А она меня ждала.
Разве она злая?

Скоро буду я скакать —
Никто не догонит.
Так зачем ее ругать,
Добрую Звездоню?

Перевел с татарского
Леонид ХАНБЕКОВ.

Музафар АЛИМБАЕВ

Синий воздух

В синий воздух, густой, как вода,
Паучок опустил невода,
В них запутался солнечный луч
И дрожит, золотист и колюч...
Синий воздух — он моря синей,
Синий воздух — он моря сильней!
Накатил на меня и понес —
Я плыву по волнам, я матрос!
Я матрос. Я нырнул в синеву,
Я на дно опускаюсь, в траву.
Я, раскинувши руки, лежу
И в высокое море гляжу...
Глубока синева, глубока,
Вот медузы плывут — облака,
Вот летучие рыбы парят,
Ах, как радужно перья горят!..
Вот на крыльях стальных корабли...
А земля — она где-то вдали...
Кто не верит — ныряйте сюда,
В синий воздух, густой, как вода!

Рисунки
Ю. КАРПОВОЙ.

Мальчик, чего же ты ждешь?

В каплю росы поглядись —
Там небосвод голубой,
В лужицу солнечный диск
Смотрится вместе с тобой.
Ветер — норовистый конь,
Облако — с хлопком арба...
Воду дыханием тронь —
И засверкает, ряба...
Тихо тебе на плечо
Солнышко руку кладет
И горячо-горячо
В дальние страны зовет:
— Мальчик, чего же ты ждешь,
Туча ползет на арбе,
Скоро проклюнется дождь,
В лужу нырнет воробей...

Перевел с казахского
А. КРЕСТИНСКИЙ.

Недобрый ветер

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 7.

Айрин ХАНТ

Рисунки Н. ТОДОРОВА.

Недолгое счастье

— Я буду платить твоему брату пять долларов в неделю, — сказал Пит Харрис, повернувшись к Джою, — плюс еда и ночлег для вас обоих. Ну как, устраивает?

Еще бы! О таком предложении мы и мечтать не могли. На наших лицах, наверно, отразилась радость, но лицо Питера Харриса сохраняло прежнее выражение. Он глядел на Лонни и качал головой. Потом повел нас, чтобы показать место, где мы будем спать. К работе я должен был приступить на следующее утро.

В палатке на краю луга длинными рядами стояли койки.

— Это — мужское общежитие, — сказал Харрис. — Семейные живут в вагончиках на запасных путях. Вашими соседями будут два лили-

пута. Эдвард С. — милейший тип, Блеган криклив и любит посплетничать, как старуха, но вы не обращайте внимания. Утром они вам покажут, где столовая. Потом придете ко мне и займемся делом.

Он устало вздохнул и протянул Лонни руку.

— Рад был с вами познакомиться. Я позабочусь о мальчиках, пока это в моих силах. Впрочем, надолго загадывать нельзя...

Лонни пора было в путь. Всю ночь он просидит за баранкой, чтобы наверстать время, потраченное на поиски Пита Харриса. Я поблагодарил его за хлопоты, но он сказал, что все это чепуха.

— Я бы вас не оставил, если бы Харрис тебя не взял, — сказал он, когда мы провожали его до грузовика. — Работа так себе, ну да лучше, чем ничего. Может быть, еще подвернется что-нибудь поинтереснее — никогда наперед не знаешь.

Мы постояли, прислонясь к большим колесам грузовика, ставшего для нас родным домом. Жаль было расставаться.

Лонни протянул мне клочок бумаги с адресом: «Лон Бромер, Омаха, штат Небраска». Только теперь я узнал его полное имя.

— Вот где я живу, когда не в рейсе, — сказал он. — Через неделю-другую я снова буду в ваших краях, если, конечно, меня не уволят. Если не встретимся, так напишите мне, как идут дела.

— Хорошо, Лонни, обязательно напишем, — обещал я.

Он глядел на нас так, словно хотел что-то сказать и не решался. Наконец он сказал странным, глухим голосом:

— Ребята, я все время буду думать о вас. Если случится беда, сразу дайте мне знать. Все, что смогу, сделаю.

Мы пожали друг другу руки, и он вскарабкался в свою машину. Трогая с места, он помахал нам, и Джой нашел слова, выражавшие наши чувства:

— Если бы я был ребенком, то, наверно, заплакал бы.

Проводив Лонни, мы вернулись в общежитие.

Утром нас разбудили лилипуты. Странные человечки со старческими личиками, а ростом не выше пятилетнего ребенка. Один из них забрался на кровать Джоя и принялся колотить его маленькими, сморщенными кулачками. Второй, спокойный и уравновешенный, с большим горбом на спине, стоял поодаль и рассматривал нас серьезно и с интересом.

— Вставайте, новички, а то останетесь без завтрака, — проквакал первый.

Он засыпал нас вопросами: как зовут, откуда родом, что мы умеем делать. Услышав, что я играю на пианино, он так и взвился.

— Великолепно! — пронзительно закричал он. — Питу Харрису так же нужен пианист, как нам новые вычеты из зарплаты. Пит Харрис — дурак, старый сумасшедший, а ты юный безумец. Поискал бы лучше другую работу. Долго ты здесь не задержишься — сборы падают каждый день.

— Блеган, как тебе не стыдно! — резко перебил его другой лилипут. — Пит велел привести мальчиков на завтрак, а читать лекций не поручал. — Он протянул мне руку. — Меня зовут Эдвард С. Кенсингтон. Не обращайте на Блегана внимания, он еще некоторое время будет вам надоедать, а потом оставит в покое. Так уже бывало.

Мы оделись, и Эдвард С. Кенсингтон повел нас к тенту, под которым помещалась столовая, а Блеган семенил впереди, то и дело оборачиваясь и задавая вопросы, на которые пять минут назад уже получил ответ.

За длинными узкими столами на деревянных скамьях сидело человек пятьдесят. Здесь Блеган встретился со своей супругой, которая ночевала в женском общежитии. Они обнялись, уселись рядышком и стали есть кашу из одной миски, потом вдруг ни с того ни с сего повздорили, и их резкие, злые голоса разнеслись по столовой. Кое-кто рассмеялся, другие пожимали плечами. Мы старались не смотреть в их сторону, но когда они перевернули миску и забрызгали Джоя кашей, Эдвард С. Кенсингтон пересадил нас на другой край стола, подальше от беспокойных соседей.

— Эти двое, должно быть, произвели на вас тягостное впечатление, — сказал Эдвард С. — Но не расстраивайтесь, вы встретите здесь много замечательных людей. Балаганщики — славный народ. Правда, цирковые артисты смотрят на нас свысока, но среди балаганщиков встречаются удивительные люди, например, Эмили. Скоро вы ее увидите. Мы все ее очень любим.

Несмотря на некоторую чопорность, Кенсингтон нам понравился. Он разрешил называть себя Эдвард С.

— «С» означает стойкость, — объяснил он, улыбаясь, Джою, — часто у меня сильно болит горб, но я терплю и твержу про себя свое среднее имя. Ну да ладно, хватит об этом. — Он принялся за еду. — У каждого свое горе, свои болячки. Взять хоть вон того человека, что сидит напротив. Его зовут Эллс Уорт, у него вместо рук плавники. Его кормит с ложечки Горби, шпагоглотатель. Они неразлучны. Оба такие неразговорчивые. Ничего, кроме «добрый день», от них не услышишь.

А эта полная женщина — мадам Олимпия. — Эдвард С. откашлялся, деликатно прикрыв рот ладошкой. — У нее на редкость хороший аппетит. Лучше не просить ее передать какое-нибудь блюдо — переложит все себе на тарелку, а вам отдаст пустой поднос. Мы над ней посмеиваемся. Это, конечно, нехорошо, но в нашей жизни так мало поводов для веселья.

Он положил Джою яичницу с овсянкой.

— Нас хорошо кормят, — продолжал он. — Пит Харрис хочет, чтобы мы были в форме. Он велел Эмили завтракать с нами, потому что знает: дома она ничего не ест, все оставляет детям. Вообще-то ей не полагается тут столоваться — те, кто не живет в общежитии, полу-

чают надбавку к жалованью на питание. Поэтому кое-кто ворчит, что Пит заботится об Эмили. Она у нас на особом положении.

— Она тоже выступает? — спросил я, чтобы поддержать разговор, хотя, по правде, меня это мало интересовало.

Мой вопрос рассмешил Эдварда С.

— Эмили — звезда нашего представления. Без нее мы давно бы обанкротились. У нее нет никакой специальной подготовки, но она так талантлива, что сама придумала номер, блестящий номер, должен признаться. Сами увидите — скоро она придет.

Я нервничал: зачем Эдвард С. рассказывает нам о сидящих за столом. Лучше бы помолчал — вдруг соседи услышат и обидятся!

Однако он продолжал. Человек в конце стола оказался бывшим кассиром банка, а теперь присматривал за тигром. Считай, ему повезло — ведь многие банки позакрывались! Моложавая женщина рядом с ним раньше была учительницей, но ее уволили, когда стало известно, что она замужем. Начальство сочло, что если в семье один человек работает, этого достаточно. Теперь она крутила колесо рулетки. Эдвард С. не знал, чем занимается ее муж, раньше-то он торговал автомобилями, но теперь их никто не покупает. Дикарь с острова Борнео вел себя как вполне цивилизованный человек и тихо беседовал со своим соседом. Эдвард С. сообщил, что на самом деле он потомок французских поселенцев и никогда не покидал родного штата Луизианы.

— Мы, балаганщики, пестрый народ, — сказал Эдвард С. и тут же радостно воскликнул: — А вот и Эмили!

Это была высокая женщина в пестром клоунском костюме с широкими белыми рюшами вокруг шеи и в огромных остроносых красных башмаках, выглядывавших из-под широченных штанин.

Она направилась прямо к нам и пожала руку сначала Джою, а потом мне.

— Пит мне о вас рассказал. Я вижу, вы в надежных руках. Эдвард С. не даст вас в обиду.

— Надо познакомить тебя с моими мальчиками, — снова обратилась она к Джою. — Старший примерно твоего возраста. Двум другим — восемь и пять. Когда они приходят на мое представление, то забывают, что я их мама, и кричат мне «Бонго!», как и другие дети.

— Можно, я тоже буду называть вас Бонго? — спросил Джой.

— Это даже лучше. Зрители привыкли считать, что все клоуны — мужчины. Клоун-женщина может прийтись им не по вкусу.

Голос у нее был, как колокольчик. Мне хотелось сесть за рояль и попробовать воспроизвести его.

— Эмили — главная приманка балаганов, — вставил Эдвард С. — Родители приводят детей только ради Бонго.

— И ради гусеницы, — возразила Эмили, — и ради карусели. Еще не известно, чему дети отдают предпочтение.

— Пит велел тебя постричь. Я стригу, как заправский парикмахер — научилась на трех своих рыжиках, они так быстро зарастают.

Из столовой мы вышли вчетвером. Эмили вела Джоя за руку, а я шел рядом с Эдвардом С. Он делал большие шаги, стараясь не отставать от меня. В палатке Эмили накинула мне на плечи полотенце и уверенно защелкала ножницами. Заодно она постригла и Джоя, а потом оглядела нас и осталась довольна.

Мы застали Пита Харриса за бухгалтерскими книгами. Когда мы вошли, он поднял голову и кивнул:

— Доброе утро, Эдвард С. Я рад, что ты присматриваешь за мальчиками. — Он одобрительно оглядел мою прическу. — Вижу, Эмили над тобой поработала! Теперь совсем другое дело, Эмили можно доверять. Она на все руки мастер. Мне следовало ей платить вдвое больше, да нечем. Чертовски плохие времена. Впрочем, вы это уже слышали, не так ли?

Он дал мне пару узеньких брючек, яркую красно-желтую рубаху, клетчатый жилет с широченной бахромой по краям. В этом наряде у меня был очень нелепый вид, но Пит сказал, что яркий костюм привлечет внимание зрителей.

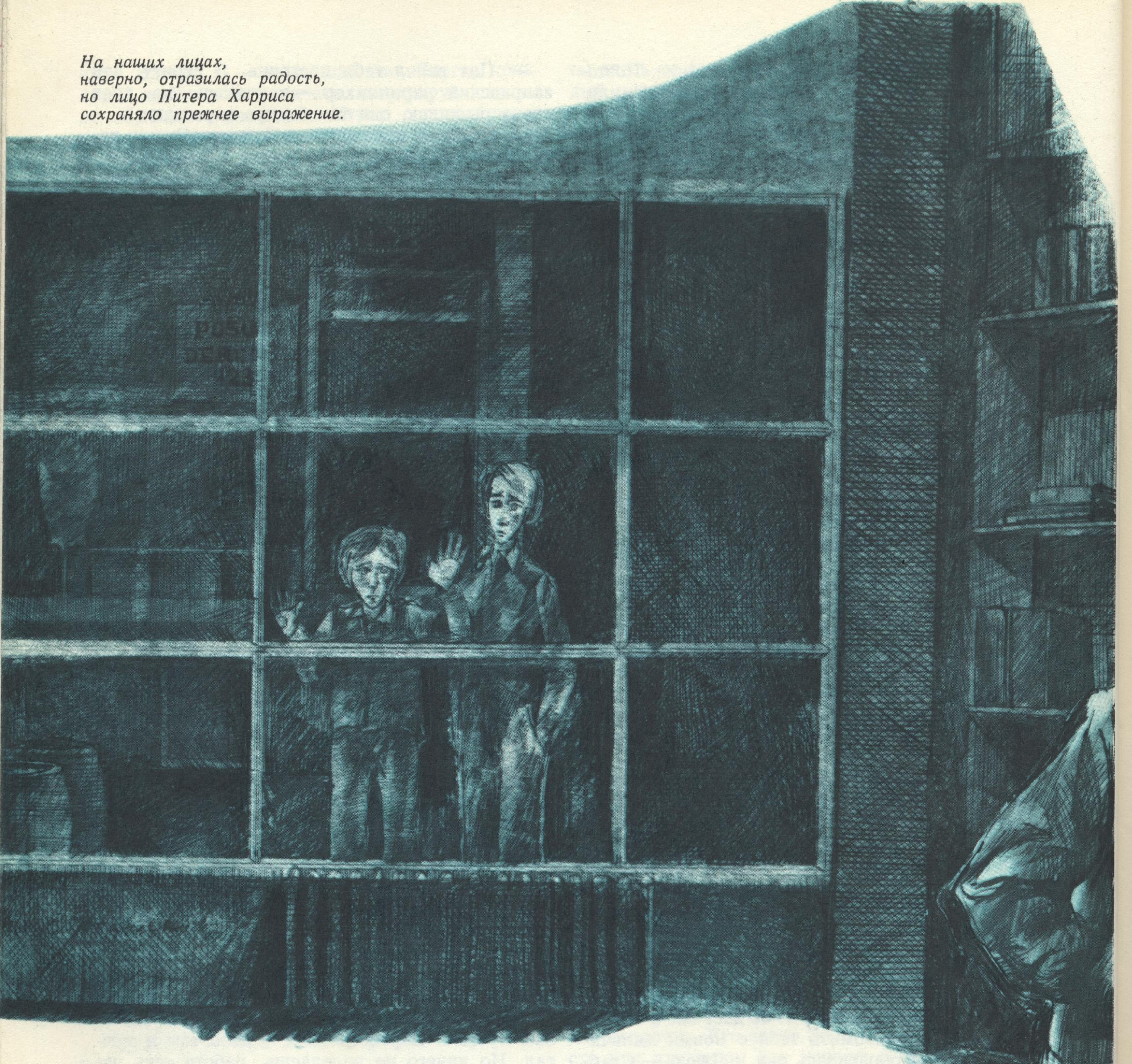
Потом мы пошли к шатру, где накануне я играл на рояле. Теперь рояль стоял на небольшом возвышении у входа. Моя работа заключалась в том, чтобы громко играть модные песенки и зазывать посетителей посмотреть на выступление танцовщиц. Я должен был нахваливать балерин и, подпрыгивая на стуле, будто мне безумно весело, скалить зубы, подмигивать и уговаривать людей расстаться с десятью центами.

Эта работа была мне не по душе. Я всегда был робким и застенчивым, именно по этой причине я почти ни с кем не дружил в школе. Вот Хови, тот умел паясничать, а для меня это сущая пытка.

Теперь мне придется валять дурака целый день напролет. Пит Харрис сказал, что мое кривляние так же важно, как громкая и веселая музыка. Я расстроился — не о том я мечтал. Но ничего не поделаешь, работа есть работа. Пять долларов на дороге не валяются. Садясь за пианино, я попросил Эдварда С. увести Джоя: нечего ему смотреть на меня. Еще я надеялся, что и Эмили меня не увидит. В ее присутствии я бы сгорел со стыда.

Номер Эмили был в самом деле гвоздем программы. Даже те, у кого не было денег на посещение балаганов, приводили своих детей поглядеть на чудачества клоуна Бонго. Бонго всегда молчал. Но дети хохотали до слез над высоченной фигурой, которая то и дело плюхалась наземь. Недотепа-клоун попадал из одной беды в другую. Чета Блеганов и Эдвард С. суетились вокруг Бонго, дразнили, заманивали его в ловушку, а потом притворно колотили и щипали, наказывая за простодушие. Детям это нравилось. Эмили объяснила мне, что маленькие зрители как бы видят в лилипутах самих

На наших лицах, наверно, отразилась радость, но лицо Питера Харриса сохраняло прежнее выражение.



себя и им приятно, что похожие на детей человечки дурачат взрослого клоуна.

Я готов был поколотить маленьких негодников и сказал об этом Эмили, но она только улыбнулась и посоветовала мне вспомнить клоунов, над которыми я сам смеялся в детстве.

Ее работа была трудной и изнурительной. Она ни на минуту не могла отлучиться, все время бродила в толпе, спотыкалась и падала, пытаясь вызвать смех у не очень-то веселых посетителей.

После закрытия она забирала своих сонных сынишек из палатки Пита Харриса и устало брела за ворота к вагончику на запасных путях, в котором они жили. Почти всегда она останавливалась подле меня, чтобы пожелать спокойной ночи. Если я кончал раньше, то не уходил, дожидаясь ее. Ее «спокойной ночи» было для меня ежевечерней наградой в конце унылого, безрадостного дня.

Она завтракала с нами, а потом шла гримироваться. В течение дня я видел ее редко и издали. Но несколько раз, когда посетителей было мало, Эмили могла побыть со мной, послушать мою игру. Я импровизировал для нее, музыка была нежной и грустной. Потом я переходил на мажорные и бравурные ритмы, показывая свое мастерство. Она обычно слушала молча, улыбаясь своим мыслям. Но однажды наклонилась и тихо сказала:

— У тебя талант, Джош; времена сейчас трудные, и все-таки не забывай об этом.

Прошло две недели. Мы с Джоем стали ждать приезда Лонни. Он все не ехал, и мы решили, что его опасения сбылись — он потерял работу. Я взял три доллара из заработанной за две недели десятки, положил их в конверт и отправил Лонни. Джой от себя добавил доллар, который скопил, выполняя мелкие поручения. Мы написали Лонни, что это первый взнос в уплату нашего долга.

К Новому году мы купили друг другу подарки. Нам давно уже не доводилось их получать, поэтому мы не утерпели и развернули заветные свертки за несколько дней до Рождества. Я купил Джою ярко-голубую рубашку и в карман положил плитку шоколада. Он подарил мне бумажник из искусственной кожи, чтобы хранить в нем заработанные деньги. Мировая вещица! В бумажнике было несколько отделений и карточка владельца, которую я заполнил. На бланке была такая строчка: «В случае несчастья, пожалуйста, известите ....». Я хотел было написать «Стефана Грондовского», но передумал и написал: «Лона Бромера» — и указал его адрес в Омахе.

И все же, по мере приближения Рождества, я все чаще думал о доме. Мягкими, теплыми вечерами, когда шум в балаганах затихал, я совершал долгие прогулки, размышляя о том, выстраиваются ли по-прежнему очереди у биржи труда в Чикаго, нашла ли работу Китти, как поживает мама. Джой написал родителям, что я нашел работу и что у нас все хорошо. Мы вложили в письмо по доллару. «Джош и я посылаем вам подарок к Рождеству», — пояснил Джой. Он спросил, хочу ли я подписаться, и я уже совсем собрался поставить рядом с его именем свое, но раздумал.

— Пожалуй, нет, — буркнул я.

И он молча запечатал конверт.

Такого холодного дня еще не было с тех пор, как мы очутились в Луизиане. По радио передали, что в Чикаго и на всем севере страны метели и морозы. Дыхание этих холодов, очевидно, достигло юга, и люди, не привыкшие к студеным ветрам, очень мучились. Дети бродили по железнодорожным путям, подбирая кусочки угля и щепки, чтобы протопить дома-вагончики. В шатрах не тушили огней, чтобы немного обогреть помещение.

В тот день в балаганах было пусто — почти никаких посетителей. Вечером балерины даже не стали выступать — что толку танцевать перед пустым залом.

Я освободился раньше обычного и перед сном решил прогуляться по лугу. Устав и продрогнув до костей, я сел на траву под высокой придорожной сосной и предался невеселым мыслям. Вспоминал маму, Китти, Хови и мисс Краун. Хотелось увидеть Лонни, поговорить с ним.

Ветер гудел в ветвях над моей головой. Я ненавидел ветер. Яркое утро, лунная ночь, закатное небо наполняли меня надеждой на лучшие времена. Но только не ветер. Он больно хлестал, завывал или шептал про что-то известное ему одному. Ветер никогда не вселял надежду.

Когда стемнело, я пошел к балаганам. В небе над ними сверкало зарево огней, но я обратил внимание на то, что не видно вспышек и разноцветных переливов. Как будто зловещее багровое облако нависло над аттракционами.

Меня охватило беспокойство, и я бросился бежать; до меня донеслись звуки сирены и урчание грузовиков. Я почуял горький запах горящей парусины, кожи, целлулоида.

Когда я добежал, на аттракционах царило полное смятение. Пожарные машины, полицейские автомобили, карета «Скорой помощи», люди с испуганными, бледными лицами, красными от дыма и слез глазами. Среди руин безмолвно высилась карусель, ярко раскрашенные лошадки почернели от копоти. Машины на треке и огромная гусеница превратились в дымящиеся обломки. Мое пианино обуглилось, а от павильона танцовщиц ничего не осталось.

Я отыскал Джоя. Он был с Эмили, ее сынишками и Эдвардом С. Они молча стояли у входа в вагончик Эмили. Дети плакали, на лицах Эмили и Эдварда С. было написано отчаяние.

Они рассказали мне, что произошло. В одном шатре не выключили масляный отопитель. Что-то загорелось — никто не знал, как это случилось. Ветер подхватил обрывки горящей парусины, и тенты запылали один за другим. Джой успел спасти банджо и кое-что из одежды, прежде чем огонь подобрался к общежитию. Теперь от него осталась лишь куча красных углей на земле.

— Пит собирался через несколько недель перевезти балаганы южнее, — сказала Эмили. — А теперь ничего не осталось, нечего перевозить. Не знаю, сможет ли он начать все сначала.

Эмили поднялась в вагончик, приготовила какао детям, а взрослым — кофе. Лицо ее было пепельно-белым, суровым и непреклонным. Молча подала нам чашки.

Мы сидели хмурые, подавленные, как вдруг, прогромыхав по ступеням, в вагончик вбежал Пит Харрис. В комнате был полумрак, и сначала я его не узнал, но Эмили сразу узнала, она поднялась и спрятала лицо у него на плече. Он обнял ее, прижал к себе.

— Все будет хорошо, крошка, — услышал я его слова. — Мы все восстановим, я тебе обещаю, все-все. Пока ты и мальчики со мной, мне ничего не страшно.

Снова скитания

— Здесь по крайней мере тепло, — сказал Пит Харрис. — Помню зиму в Небраске — убийственный мороз. Уж если придется снова попрошайничать, лучше делать это в таком климате. В тепле и голод нипочем.

— Да, — отозвался я, — это верно. И все же...

— Ты решил отправиться к тому водителю грузовика? Он вам с Джоем вместо отца, верно? Джош, сам знаешь, я бы рад вам помочь. Может быть, через несколько месяцев удастся начать все сначала. Впрочем, не уверен. Денег в обрез, не знаю, даст ли мне кто-нибудь взаймы. Сейчас же я совершенно на мели, а ведь мне надо позаботиться об Эмили и ребятишках. Если удастся вновь открыть дело, для вас с Джоем найдется работа. Но на это потребуется примерно полгода.

— Понятно, — ответил я. — Мы и так вам благодарны за все. Не беспокойтесь о нас — мы с Джоем не пропадем. Я скопил почти весь свой заработок, Джой тоже денег не транжирил. У меня в бумажнике восемнадцать долларов.

— Вот как? Этого хватит надолго, если вы будете бережливы. Путешествовать можете бесплатно, на попутных машинах. Пожалуй, лучше всего вам поехать в Небраску, к этому водителю. Только сможет ли он помочь? Впрочем, и горе не беда, если рядом близкий человек.

Он достал кошелек и вынул из него два доллара.

— Это для ровного счета, Джош. Не надо меня благодарить — ты эти деньги заработал. Зрители всегда толпились у пианино, когда ты играл. Ну с богом, парень. — Он протянул мне руку. — Братишку береги.

Мы крепко пожали друг другу руки.

Мы с Джоем долго искали Эдварда С. Наконец нам попался Блеган, он сунул мне конверт.

— Вот вам от Эдварда С., — сказал он писклявым детским голоском. — Какой глупец! Забился в угол и ревет навзрыд из-за того, что вы уезжаете. «Господи, — толкую я ему, — нам же лучше. Пока этот дуралей Пит Харрис начнет все сначала, нужно подыскать работенку, и лишние конкуренты нам ни к чему». Так ему и сказал. А он все ревет.

Не помню уж, сказал ли я спасибо Блегану. Он отдал мне письмо и умчался, прежде чем я распечатал конверт.

«Дорогие мальчики, — писал Эдвард С., — вы, наверное, никогда не поймете, что значила для такого одинокого человека, как я, ваша дружба, доброта и уважение. Не могу проститься с вами, не хочу, чтобы вы видели мои слезы. Моя любовь будет вам верной спутницей.

Ваш друг

Эдвард С. Кенсингтон».

Я сложил листок вчетверо и спрятал в бумажник.

Мы отправились в путь к вечеру. Дважды нас немного подвезли попутные машины — к наступлению темноты мы отъехали всего на двадцать миль от Батон-Ружа. Потом нас подобрал водитель грузовика и провез целых пятьдесят миль на север. В отличие от Лонни этот водитель рта не закрывал — спешил выговориться. Твердил, что в народе нарастает гнев; безработные и голодающие вот-вот поднимутся против власть имущих, которые довели страну до нынешнего хаоса.

— Близится поворотный момент в нашей истории,— ораторствовал он, и голос его становился все громче.— Плюньте в лицо тому, кто утверждает, что в безработице и голоде повинен господь бог. Все напасти от людей. И подлинные виновники скоро пожнут бурю!

Мы слушали и помалкивали, а у него от крика срывался голос.

— Если ничего не изменится, вот увидите — кое-кому несдобровать!

Остановив грузовик в том месте, где нам пора было вылезать, он тяжело опустил руку мне на плечо.

— Не забудь,— сказал он хрипло,— никогда не забывай, как наша система обошлась с тобой и тысячами тебе подобных. Ваше поколение принесли в жертву. Сколько детей голодает! Помните об этом, а когда подрастете, постарайтесь покончить с несправедливостью.

Его слова разбередили мне душу. В его голосе и повадках была какая-то одержимость.

Несколько дней спустя мы набрели на группу мужчин, которые варили что-то на костре у железнодорожного полотна. Они пригласили нас отведать жаркого из кролика, шипевшего в старой жестянке: прекрасное жаркое, соли маловато, но горячее и сытное. Покончив с едой, один из мужчин встал и громким голосом обратился к остальным, точно проповедник. Суть его слов была та же, что и у водителя грузовика.

— Это называется демократия? — возмущенно вопрошал он.— Люди голодают, бьются в нужде. Но живут они при демократии. Чего же, мол, еще желать! «Демократия — вот что важно», даже если голодаешь, мерзнешь, если тебя втаптывают в грязь. Я так скажу: вот вы готовы взяться за любую работу, согласны на черствый хлеб и не просите отбивных; вам внушили, будто это страна равных возможностей. Скажите мне: можно ли демократией накормить голодных детишек, дает ли она вам право высоко держать голову, гордиться своей страной?

— Ты прав, Том,— закричали мужчины.— Демократия, она не для бедных и отверженных.

— Стало быть, вы согласны со мной. Значит, надо ждать перемен. Таких перемен, что тем, кто нами правит, придется уносить ноги.

Он еще долго говорил. Постепенно люди стали расходиться кто куда. Один мужчина прошагал часть пути вместе со мной и Джоем.

— В стране зреет недовольство,— размышлял он вслух.— Людям невмоготу терпеть все новые и новые лишения. Они устают, ожесточаются, а ожесточившись, думают, рассуждают, задают вопросы. Этот парень, Рузвельт, которого народ избрал в ноябре, должен поторопиться с ответами. Он вступает в должность через месяц, пусть-ка поломает голову над тем, что дальше делать.

Так мы с Джоем шли день за днем...

Однажды мы заметили на дороге машину. Такой автомобиль мы с Хови как-то видели в Чикаго, когда там хоронили крупного гангстера. Это был «кадиллак», черный, блестящий, с деревянными спицами и сверкающими никелированными частями. Его мотор сыто и самодовольно урчал, он, как стрела, несся по асфальту. Мы с Джоем ахнули от изумления, когда водитель вдруг остановился и предложил подвезти нас. Пока он не передумал, мы вскочили на широкую подножку, а с нее — в кабину. Джой устроился на заднем сиденье, а я впереди, на обитой дорогой материей подушке.

Водитель оказался совсем юнцом, года на три — на четыре старше меня, румяный, толстощекий, похожий на грудного младенца. Он сообщил, что его зовут Чарли, а фамилия нам ни к чему. Подмигнув, он добавил, что машина собиралась по особому заказу, обошлась «всего-навсего» в семь тысяч долларов и что в ней уйма хитроумных приспособлений.

Вскоре стало ясно, зачем мы понадобились Чарли,— чтобы было перед кем хвастать. Все же по-своему он был добрым малым — наши натруженные ноги отдыхали.

— На моей работе язык надо держать за зубами,— тараторил Чарли, напыжась.— Слыхали, наверное, как находили трупы в багажниках брошенных автомобилей? И я могу так кончить, братишки, поэтому ни о чем меня не спрашивайте — все равно не отвечу. Я слишком дорожу своей работой, чтобы болтать о ней с первым встречным.

Мы не собирались ни о чем спрашивать, лишь бы ехать вот так, в тепле и удобстве. Однако сам Чарли и не думал молчать, его так и подмывало покрасоваться перед нами, и, забыв об осторожности, он дал волю распиравшему его хвастовству.

— Имеешь ли ты хоть малейшее представление, что за груз в этой машине? — спросил он у меня.

Джой тем временем, свернувшись калачиком, увлекся чтением комикса, валявшегося на заднем сиденье.

— Нет,— ответил я,— ни малейшего представления.

Несколько миль он вел машину молча, только самодовольная усмешка блуждала на его губах.

Наконец он не мог больше сдерживаться.

— Послушай,— начал он,— ни за что бы тебе не рассказал, если бы не знал, что за тобой никто не стоит. Не стал бы откровенничать с кем попало, но тебе как будто можно доверять. Верно?

Я громко играл модные песенки и зазывал посетителей посмотреть на выступление танцовщиц.

— Конечно, — сказал я, — можешь на меня положиться. Только помни, я ведь ни о чем не спрашивал.

— Ну вот что, братишка, под днищем машины привинчен бак, огромный бак, галлонов на сто. Догадайся, что в нем?

Я замотал головой, прикинувшись простаком, хотя отлично знал, что может быть в потайном баке.

— Молоко? — выпалил я.

Он хохотал до слез.

— Нет, приятель, не молоко, а виски. Прекрасное, дорогое виски. Его доставили контрабандой в Новый Орлеан. Хочешь еще кое-что узнать? В дверцах машины, под обивкой, спрятаны большие плоские фляги — в них тоже не молоко. — Он подмигнул мне и снова загоготал, его лоснящаяся рожа стала совсем пунцовой. — Конечно, я сильно рискую. Зато и платят мне как надо. — На нем был модный костюм, начищенные ботинки, и он с презрением поглядывал на нелепую одежду, которую выдал мне Пит Харрис, приняв на работу.

— Если я скажу, сколько мне отвалят за одну эту поездку, у тебя челюсть отвиснет. Правда, и риск огромный.

— Вас могут выследить правительственные агенты?

— Вот именно, братишка. Проклятые ищейки! Если они за мной увяжутся, знаешь, что я сделаю? Догадываешься?

— Нет, — ответил я, будучи уверен, что сейчас мне все станет ясно.

— Так вот, сэр. Я разгоню свою старушку до девяноста миль в час — у правительства таких быстроходных машин нет, — разгоню ее, а потом сделаю одну штучку — и я чист, как овечка. — Он протянул руку под приборную панель и достал конец шнура. — Потяну разок за шнур, и все виски прольется на дорогу. Останутся пустые баки. А в законах ничего не сказано насчет пустых баков!

Я поглядел в зеркальце над лобовым стеклом и попытался представить мчащийся вдогонку полицейский автомобиль.

— Что, за вами бывали погони? — Чарли уже забыл, что не велел мне задавать вопросы.

— По правде говоря, еще ни разу. Но когда-нибудь это случится. И поверь, братишка, я ко всему готов.

— А как вы узнаете, что это агенты? — спросил я. Мне и впрямь было интересно.

— У меня на них нюх, — небрежно ответил Чарли.

Ответ не слишком внятный, но я боялся показаться чересчур любопытным.

Чарли вез нас до вечера и всю дорогу хвастался не переставая.

— Знаете, кто мои боссы? — Он назвал скандально известные имена торговцев спиртным, промышлявших в годы «сухого» закона. — Вот часы — подарок дяди, знаменитого человека!

Работенка досталась Чарли на серебряном блюдечке — его рекомендовал другой родственник, король преступного мира. Чарли мог бы козырять именами до глубокой ночи, но, к счастью, стемнело, и, согласно инструкции хозяев, ему следовало остановиться на ночлег в гостинице. Я хотел поблагодарить его и распрощаться, но Чарли и слышать об этом не желал; он повел нас ужинать.

Оставив автомобиль у гостиницы, мы отправились в маленькое кафе по соседству. Мы с Джоем выбрали самые дешевые блюда, а Чарли заказал большущий бифштекс. Я знал, что мне это не по карману, но меня обуяла гордыня, сродни бахвальству Чарли, и я предложил заплатить за него: ведь у меня в бумажнике двадцать долларов! Чарли замахал руками.

— Ни за что на свете, братишка! У меня этого добра хватает, а скоро еще больше привалит. Старик Чарли платит за все!

На том и поладили. Поев, мы еще долго сидели за столиком, вполуха слушая россказни Чарли и притворяясь, что нам жуть как интересно.

Когда наконец Чарли достал бумажник, оказалось, что у него одни крупные купюры.

— Обидно менять двадцатку, — сказал он, — а мельче у меня нет.

И снова меня охватил зуд, Чарли мне совсем не нравился, я надеялся, что никогда больше его не увижу, но меня так и подмывало прихвастнуть; мол, и у меня есть бумажник, в котором водятся деньжата.

— Постойте, я вам сейчас разменяю. — Я достал десятку, пятидолларовую бумажку и пять бумажек по доллару.

Чарли не мог скрыть удивления.

— Э, да у тебя неплохо идут дела, братишка!

Помахав своей банкнотой в воздухе, он протянул ее мне, забрал мои доллары и расплатился с официанткой, оставив щедрые чаевые.

На улице мы с Чарли расстались и отправились искать ночлег. Во мне стало расти какое-то беспокойство; я заметил, что у Джоя довольно угрюмый вид. И тут я понял, что мне не удастся расплатиться за ночлег, нельзя же, в самом деле, чтобы уплатить пятьдесят центов, предлагать двадцатидолларовую купюру.

Джой словно читал мои мысли.

— У меня есть пять бумажек в один доллар и еще семьдесят пять центов, — сказал он. Пока что мы расплачивались за все серебром и медяшками, которые накопил Джой.

В захудалом квартале мы отыскали подходящий дом. Хозяева пустили нас переночевать за пятьдесят центов. На следующее утро Джой расплатился с ними, а потом заплатил и за завтрак в дешевой закусочной.

Почти весь день мы прошагали пешком, только два раза нас подвезли до ближайших городков.

Тем временем подморозило, погода заметно портилась. Водитель, пустивший нас в свою машину, сказал, что на Техас надвигается стужа. Я поглядел на дырявые ботинки Джоя и решил, что надо раздобыть для него теплые боты. Водитель высадил нас в городке, и первым делом мы отправились на поиски обувного магазина.

Нам попался не магазин, а сапожная лавка, тусклая, тесная, с закопченным потолком. На полках стояло несколько коробок с обувью. Худой мужчина с кислым видом поднялся нам навстречу. В лавке чем-то отвратительно пахло. Но мне было все равно, лишь бы поскорее купить боты. Стоили они полтора доллара. Заодно разменяю свою двадцатку, решил я.

Когда я протянул хозяину деньги, он как-то гнусно на меня посмотрел.

— А мельче у тебя нет?

— Нет, — ответил я.

Он посмотрел на купюру, свернул ее, потом разгладил ладонью.

— Где ты ее украл? — спросил он.

— Я не крал, я работал в балаганах в Батон Руже, эти деньги целый месяц копил.

— Складно врешь. Где это видано, чтобы у мальчишки водились такие деньги! — Он внезапно подался вперед и выпалил мне в лицо: — Выкладывай, где ты их стянул?

— Говорят же вам, не крал я их. Если не хотите продавать боты, отдайте деньги, и я пойду в другой магазин.

— Как бы не так. — Он отдернул руку с ассигнацией и стал разглядывать ее на свет. Мимо лавки по тротуару проковылял человечек, похожий на кролика. Хозяин окликнул его:

— Эй, шериф, зайдите на минутку.

Человек недоуменно выкатил глаза.

— Что ты сказал, Альф? Зачем я тебе понадобился?

— Прошу вас зайти. Еще не привыкли к новому званию? Впрочем, понятно, ведь вас только на днях избрали.

Человечек очумело замотал головой и нахмурился. Хозяин лавки направился к нему.

— Так вот, шериф, у вас большой опыт — скажите-ка, ведь это фальшивая ассигнация, верно? Посмотрите внимательно и скажите.

Человечек судорожно проглотил слюну, посмотрел на нас с Джоем и снова перевел взгляд на хозяина.

— Как будто бы... Вроде ты прав, Альф. Как будто...

— Вы на меня не ссылайтесь, шериф. Скажите ваше мнение, чтобы эти малявки слышали: фальшивые деньги или не фальшивые?

— Гм, гм, пожалуй, фальшивые, Альф. Точно, подделка.

— Ну вот. Это все, что я хотел узнать. Спасибо, шериф. Теперь идите отворяйте тюрьму. Вскоре я вам кое-кого доставлю.

Человечек зашаркал прочь, а хозяин повернулся к нам.

— Вот что, детки, только пикните, и я вас надолго упрячу. Младшего отправят в воспитательный дом, а тебя, дружок, в кутузку упрячу. Посмотрим, как тебе там понравится. Даю вам последний шанс. Так уж и быть, берите боты, а ассигнация останется у меня. Передам ее в полицию, пусть ищут фальшивомонетчиков. Итак, берите боты и брысь отсюда! Если пикнете — пеняйте на себя.

У меня чесались кулаки, хотелось отдубасить его, но я вовремя спохватился. Он лжец и вор, но мы у него в руках. Подхватив коробку с ботами, мы вышли из лавки. Джой посерел; наверно, и у меня вид был не лучше.

Мы поспешили убраться из городка. Уже на шоссе я взглянул на Джоя и увидел на его щеках слезы. Мы брели по дороге, на сердце у меня словно кошки скребли. Наконец я заговорил:

— Я во всем виноват, Джой. Я круглый дурак и заслуживаю такого пинка в зад, чтобы лететь отсюда до самой Омахи.

Джой, смахнув ладонью слезы, улыбнулся.

— Мне-то на что обижаться? Ведь ты купил мне боты за двадцать долларов — у кого еще есть такие? — воскликнул он, подражая Чарли.

Хорошо, что мы не разучились смеяться!

Несмотря ни на что, мы все же были не так бедны, как в прежние времена. У нас был кулек с печеньем, который дала нам Эмили, мешочек орехов, а у Джоя набралось четыре доллара с мелочью. Несколько месяцев назад это казалось бы нам огромным богатством.

Следующие несколько недель мы все больше брели пешком. Подвозили нас изредка. Однажды мы проехали целых пятьдесят миль, а раза два или три был настоящий праздник: водители угощали нас горячей сосиской или плиткой шоколада. И спали не на улице — то в каком-нибудь подъезде, то в железнодорожном депо, то в стогу сена; несколько раз нас пускали переночевать за двадцать пять центов, но деньги Джоя таяли на глазах, и мы стали беречь каждый цент — еда все-таки важнее, чем ночлег.

Ветры дули все сильнее, снег становился глубже, и я беспокоился за Джоя. В штат Канзас мы пришли в феврале. Свирепая стужа легко могла свалить нас с ног, ведь мы недоедали и ослабели в дороге. Как ни странно, Джой оказался выносливее меня. Ко мне прицепился кашель, он усиливался с каждым днем, и Джой потратил последние десять центов на лекарство. Когда мне бывало совсем невмоготу, Джой ходил просить подаяние.

Бороться за существование становилось все труднее и труднее. И только мысль о том, что с каждым днем мы приближаемся к Лонни, поддерживала нас.

Джой потерялся!

Мы достигли штата Небраска в последнюю неделю февраля уставшие, голодные, без гроша в кармане. Джой пробовал заработать несколько монет пением и игрой на банджо, но его пальцы деревенели на студеном ветру, а прохожие, погруженные в свои заботы, не обращали внимания на певца. Лишь однажды ему повезло: мясник подарил ему несколько говяжьих костей.

Подарок на редкость ценный! Мы отыскали самый невзрачный дом — в нем, должно быть, живут такие же бедняки, как мы. Так и оказалось. Хозяин, дряхлый старик, согласился сварить кости на своей плите за порцию супа. Он был добрый, очень тихий и, кажется, немного не в себе. Ни о чем нас не спрашивал, но когда я закашлялся, нахмурился, взял мои ветхие ботинки, которые сушились у огня, и долго возился, вставляя картонные стельки. Когда мы собрались уходить, он подарил мне грубошерстные носки.

Мы приближались к Омахе. Меня трепала лихорадка, но я не сказал об этом Джою, не сказал и о боли в груди. Он, наверное, думал, что у меня просто дурное настроение.

Однажды в полдень мы наткнулись на ветхую лачугу из просмоленной бумаги, стоявшую у железной дороги. Джой спросил женщину, стоявшую на пороге лачуги, не даст ли она нам чего-нибудь поесть. Я молча глядел на нее, и мне показалось, что у нее тоже жар. Воспаленные глаза, нездоровый румянец на щеках, худощая, изможденная. Видно, мы выбрали не подходящее для попрошайничества место.

Женщина закричала на Джоя, словно он совершил тяжкий проступок.

— Чего ты хочешь? На что рассчитываешь? — Голос у нее был пронзительный, дикий. — Что, я буду кормить каждого бродягу? Мои собственные дети едят раз в день.

На нее было страшно смотреть, страшно слушать. Глаза ее безумно блестели. И вдруг она разрыдалась.

— Могли бы просто ответить «нет» — и делу конец, — буркнул я.

Но Джой подошел к ней и тихо сказал:

— Успокойтесь. Мы же знаем, какие сейчас времена.

Эта сцена потрясла нас. После встречи с обезумевшей от горя женщиной мы не решались больше просить подаяние.

Только мы свернули за угол, как я услышал, что женщина бежит за нами и зовет нас. Хотелось убежать, но мы этого не сделали, дождались ее. Она была без пальто, ледяной ветер раздувал непокрытые волосы.

— Вернитесь, вернитесь! Бедняки должны помогать друг другу. Я бы никогда не простила себе, что прогнала вас.

Ничего не оставалось, как сказать «спасибо» и вернуться к лачуге. Из окон на нас глазели ее дети.

На кухне она усадила нас за непокрытый стол рядом со своими шестерыми — мал мала меньше, подняла крышку котелка с супом и долила в него воды. Она уже не плакала. Разливая суп в миски, приговаривала:

— Даст бог, все сыты будем. И мои детишки и дети другой женщины. Сегодня поедим, а до завтра еще дожить надо!

Покинув ее дом, мы поплелись вдоль железнодорожных путей к городской окраине. У насыпи мы набрели на заброшенный сарай и в пустой бочке из-под мазута развели огонь. Я сказал Джою, что нам, пожалуй, стоит отдохнуть денек-другой, прежде чем идти дальше; в душе я сомневался, что найду силы продолжать путешествие.

На следующее утро я не смог встать. Джой отправился попрошайничать без меня. В одном доме ему привалило счастье: женщина дала ему целую буханку хлеба, теплую, румяную, прямо из печи. Когда он вернулся, я плохо соображал; у меня была высокая температура.

Когда я проснулся, Джоя в сарае не было. Пришел он только в сумерки.

— Помнишь женщину, которая накормила нас супом? Ну вот, я отнес ей полбуханки. Она

так обрадовалась, просила тебя поблаго... — Тут он осекся и смотрел на меня испуганно и удивленно, потому что я пошел на него с кулаками.

— Ты отдал наш хлеб? А мы околеваем с голода, этой буханки хватило бы на несколько дней...

— Она ведь тоже поделилась с нами последним, — сердито сказал Джой.

— Она дала нам миску пустой баланды. Даже если бы это был бифштекс, — все равно хлеб нам нужнее. Иди и забери его обратно.

Я не сознавал, что говорю. Во мне бушевал безрассудный гнев.

Лицо Джоя стало суровым.

— Можешь орать на меня до посинения, все это без толку. Хлеб мой, и я поступил так, как считал нужным. Отплатил добром за добро.

Джой не знал, как я сильно болен. Если бы он догадывался, не стал бы так говорить со мной.

Я ударил Джоя. Первый раз в жизни. За время наших скитаний он стал мне самым близким и дорогим человеком на свете.

Джой упал, и я ужаснулся от того, что сделал. Он вскочил и закричал:

— Много я от тебя сносил, Джош, но теперь конец. С меня довольно. Не желаю тебя больше знать! Сам о себе позабочусь, а до тебя мне дела нет.

И он схватил свое пальтишко и банджо. Казалось, был самый неподходящий момент, чтобы об этом думать, но я обрадовался, увидев на его ногах боты. Джой выскочил из сарая, хлопнув дверью. Половина буханки осталась на полу в сарае возле бочки из-под мазута.

Не знаю, долго ли я простоял неподвижно. Жар вызывал у меня странные видения, голова шла кругом, мысли путались. «Нет у меня брата, нет у меня брата», — стучало в мозгу, а потом: «Общий знаменатель, общий знаменатель, привести к общему знаменателю...»

Когда я открыл дверь, сумерки уже превратились в ночь. Я несколько раз позвал Джоя, потом побрел через поле.

Я не знал, где искать Джоя, никакого плана у меня не было. Когда приступы кашля выворачивали меня наизнанку, я прислонялся к забору или дереву, а потом снова шел.

После долгих поисков я решил возвратиться в сарай и дожидаться его там. «Извинюсь перед ним, — твердил я. — Вымолю у него прощение!»

Но я заблудился. Вокруг была непроглядная темень. В ботинках хлюпала вода. Промокли и картонные стельки и носки. Вокруг ни единого освещенного окна, ни подъезда, в котором можно было бы укрыться от непогоды. Я так сильно закашлялся, что потерял равновесие и упал. Попробовал подняться и не смог, не хватило сил. «Тут и умру, наверно», — подумал я. Сознание мое потухло. И вдруг мне почудились далекие, еле слышные голоса. Я почувствовал, что меня поднимают, стаскивают разбухшие ботинки и носки. Потом куда-то везут, я слышу стук колес по дороге. И снова забытье.

Когда я очнулся, то увидел, что лежу в постели под теплым одеялом. За окном морозный ясный день, в комнате пахнет наваристым бульоном. Я зашелся кашлем, но чьи-то руки приподняли мою голову и влили в рот с ложки сладкое тягучее лекарство. Кашель утих.

Я не мог понять, где нахожусь, был слишком утомлен и слаб, чтобы размышлять об этом. Кто-то, кто поил меня лекарством, сидел возле меня. Какой-то добрый человек.

К кровати подошла девочка и остановилась у меня в ногах. На ней была просторная рубашка до колен, за ушами тугие каштановые косички, на маленьком забавном личике — веснушки. Девочка пристально разглядывала меня.

— Лонни, кажется, он приходит в себя. Надо бы дать ему еще бульона.

Она сказала «Лонни»! Меня пронзила радость. Я с трудом повернул голову в сторону сидящего у постели человека, и, прежде чем успел разглядеть его, я сжался от страха, боясь, что мне померещилось это имя. Но нет, рядом с кроватью сидел Лонни и улыбался.

— Тебе уже лучше, верно, Джош? Ну и напугал же ты нас!

Прошло немало времени, прежде чем я смог заговорить. Язык не слушался, казалось, я позабыл все слова.

— Как вы меня нашли? — наконец выдавил я.

— На тебя наткнулась одна супружеская пара в пятидесяти милях к югу от Омахи. Ты лежал на обочине дороги. В твоем бумажнике оказался мой адрес, вот они и сообщили мне. А мы с Дженни привезли тебя сюда, к нам.

Девочка застенчиво улыбнулась. Видно, это и есть Дженни. Но не это сейчас важно. Какая-то страшная, неосознанная беда стучалась в мое сознание. Я не мог вспомнить, какая, знал только, что очень большая беда.

Лонни наклонился ко мне:

— Ты слишком ослаб, чтобы много говорить, ты только скажи мне: где твой брат? Где Джой?

И тут я в ужасе закрыл глаза.

— Скажи мне, Джош, — услышал я снова голос Лонни, — что произошло?

Собравшись с мыслями, я рассказал Лонни, что случилось. В конце я так устал, что последнюю фразу произнес шепотом:

— Если Джой погиб, то и я не хочу жить.

Лонни долго молчал.

— Понятно, — сказал он наконец. И добавил другим, звонким и веселым голосом: — Да не погиб он! Уверен, у него все в порядке. Джой так нравится людям. Мы отыщем его, даже если придется прочесать всю Небраску.

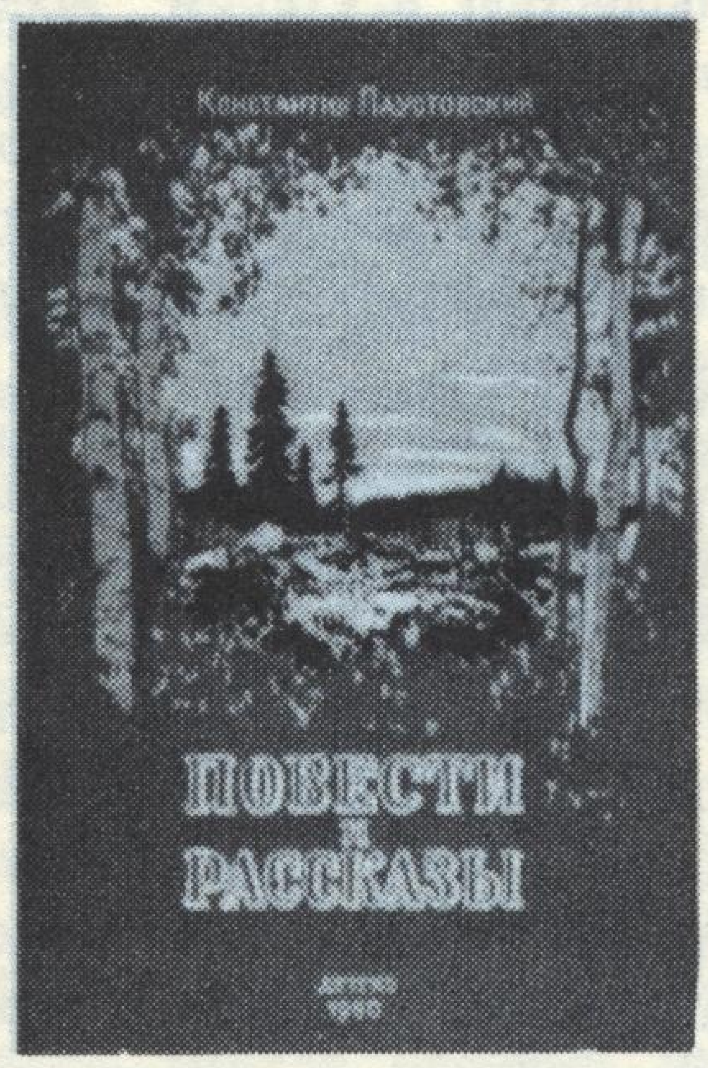
Он опустил занавеску, и в комнате стало сумрачно.

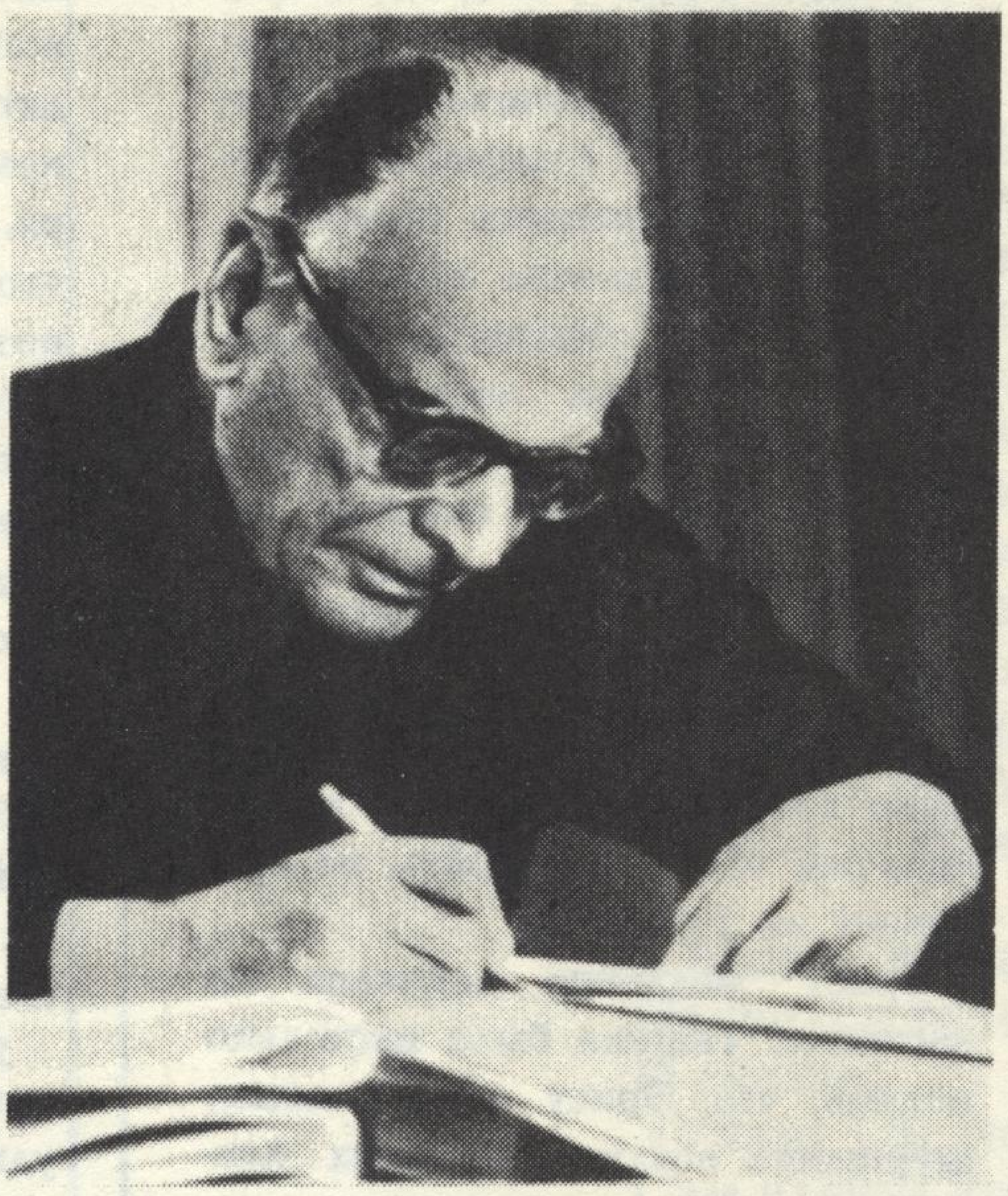
— А теперь спи, Джош. Тебе надо набраться сил. Не беспокойся, я позабочусь обо всем.

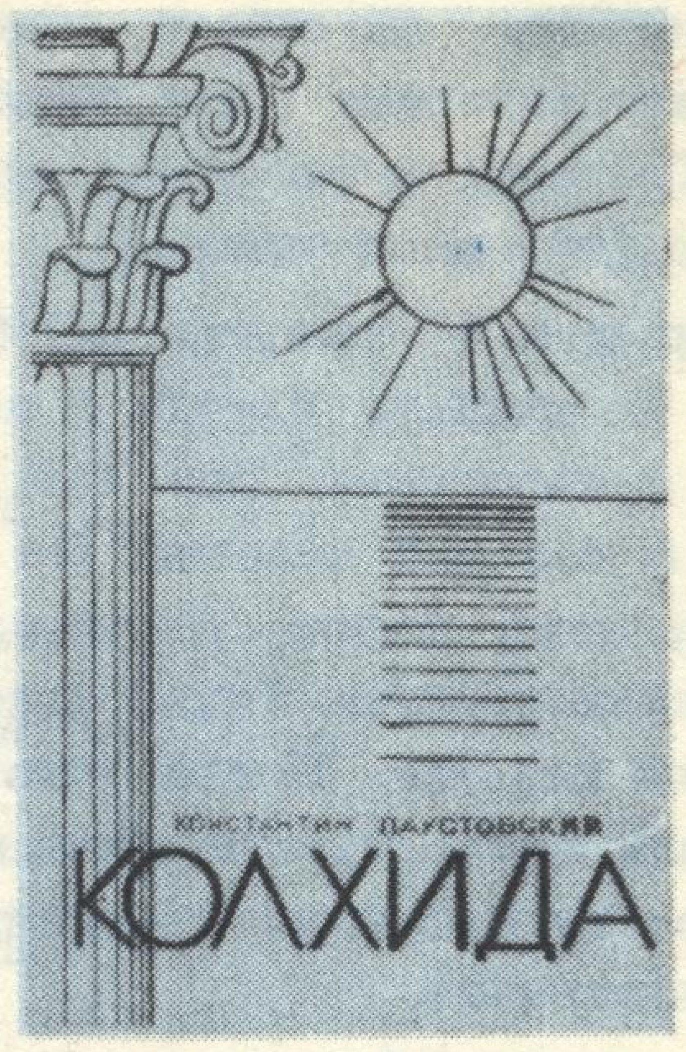
Вера в Лонни и усталость притупили на время мое отчаяние, и я заснул.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Перевел с английского В. РАМЗЕС.







ЗЕРНА БУДУЩЕГО

Маленький мальчик рисовал цветными карандашами. Потом он поднял голову, посмотрел на отца, и из глаз его вдруг полились слезы.

— Па, почему люди не придумали лекарства, чтобы не умирать?— шепотом спросил он.

В ответ отец рассказал ему такую историю (я прочитал ее сорок лет назад, едва научившись читать, и с тех пор помню в подробностях).

Летчик Шебалин заблудился в туманах.

Стояла зима. Снега не было, но треск сухих листьев напоминал жителям южного морского города хрупкий треск льда.

В кабине самолета лежал в жару маленький мальчик. Мать сидела около него. Мальчик умирал.

Шебалин летал за мальчиком в степь и должен был его доставить в больницу в приморский город. Три часа назад, когда мальчика вносили в кабину, сухое небо было безоблачно. Казалось, ничто не предвещало тумана.

Шебалин знал, что даже если удастся через два-три часа сесть на землю, все равно будет поздно — мальчика уже не спасти.

Внезапно Шебалин увидел внизу тень громадной и стремительной птицы. Самолет!

Встречная машина промахнула серебряным крылом. Шебалин узнал машину Ставриди.

Ставриди шел в тумане и рассеивал за собой широкими дорогами наэлектризованную пыль. Пыль притягивала частицы тумана, пыль превращала туман в крупный дождь. Его первые капли уже били наискось в стекла кабины.

Шебалин увидел внизу землю, размытую дождем. Он уверенно пошел на посадку.

С аэродрома мальчика увезли в больницу. Шебалин медленно вылез из машины. Его не удивило, что аэродром был полон летчиков, не удивил вылет Ставриди. Он знал, что рассеивание тумана было сложным и дорогим делом, но не удивился и этому.

Вечером газеты сообщили, что летчик Шебалин доставил в город мальчика семи лет, получившего сотрясение мозга. Врачи считали состояние мальчика почти безнадежным, но допускали, что он может поправиться при условии АБСОЛЮТНОЙ ТИШИНЫ И ПОКОЯ.

Город затаил дыхание.

Газетчики перестали кричать. Громкоговорители были выключены. Пионеры образовали отряды по поддержанию тишины.

Нарушений тишины не было, если не считать случая с портовым фонарщиком. Это был старый и веселый человек. Он шел и горланил песню. Пионеры остановили старика. Тихий разговор длился недолго. После него фонарщик снял, кряхтя, ботинки и пошел на цыпочках к своему дому на окраине.

Придя домой, он вытащил из кармана старинные часы, положил их на стол, послушал их громкий стук и прикрыл сверху подушкой.

Второй случай произошел в порту.

К порту подходил с грузом кровельного железа старый пароход «Труженик моря». В десяти милях от берега пароход получил от начальника порта радиограмму. Начальник порта предупреждал, что выгрузка железа запрещается на неопределенное время. В двух милях от порта пароход получил вторую радиограмму. Она приказывала при подходе к порту ни в коем случае не давать гудка. Команда «Труженика моря» пыталась догадаться, что все это значит.

В это время к борту парохода подошел моторный катер. Начальник порта поднялся на палубу «Труженика моря» и прошел в каюту капитана. Когда он выходил из капитанской каюты, матросы услышали обрывок его загадочной фразы:

— ...больница у нас на берегу моря...

Капитан поднялся на мостик и коротко приказал выходить на рейд и становиться на якорь. Разгрузки не будет! Команда недоумевала. Тогда капитан прочел вслух сообщение газет о мальчике.

Город молчал, и тем явственнее слышались голоса моря, ветра и сухой листвы. Особенно громко шелестели розовые листья платанов.

На третий день болезни мальчика на мачте в порту взвился штормовой сигнал. С моря шел шторм, гремящий, как сотни скорых поездов.

Было выпущено экстренное обращение городского совета к населению. В нем говорилось, что принимаются меры, чтобы устранить шум стихии. Под наблюдением изобретателя Эрнста в больнице спешно заканчивается монтаж установки, совершенно изолирующей от внешних шумов.

К ночи у мальчика ждали кризиса, и к ночи обрушился шторм. Земля вздрогнула, леса в горах качнулись. Дым из труб пароходов с протяжным свистом помчался вдоль пустых улиц.

За несколько минут до первого удара шторма Эрнст включил «экран тишины». Ему было разрешено войти в палату, где лежал мальчик, чтобы проверить, не проникает ли туда шум.

Эрнст медленно поднялся по лестнице. Тишина была настолько полной, что Эрнст ясно слышал шуршание воздуха в своих легких. Он вошел в палату.

Мальчик лежал, приоткрыв рот, и улыбался во сне. Дыхание его было ровным и легким. Эрнст прислушивался, не замечая врача и молодой женщины в белом халате.

Потом женщина подняла голову, и Эрнст понял, что это мать. Она встала и подошла к нему.

— Вы великий человек,— сказала она.— Как я вам благодарна!

— Нет,— ответил, смешавшись, Эрнст.— Мы живем в великое время, и я так же велик, как и всякий трудящийся нашей страны. Не больше.

Через полчаса город узнал о выздоровлении мальчика.

Радио, борясь со штормом, бросало эту весть в ночь, в океаны, во все углы страны.

В кипение бури врезались приветственные гудки пароходов, крики автомобильных сирен, хлопанье флагов, поднятых над домами...

В городе был устроен праздник.

Шторм сменился штилем, и матросы с «Труженика моря» впервые услышали, как над спокойной водой поплыла симфония Бетховена.

Слезы высохли на лице мальчика, которому отец рассказал эту историю, и только ресницы его были еще мокрые. Он засмеялся и спросил:

— А чей это был мальчик? Общий?

Я прочитал рассказ о мальчике, которого спасли таким необычным образом, за несколько лет до начала Великой Отечественной войны. Мне было одиннадцать лет, я лежал один в маленькой комнате — изоляторе пионерлагеря, куда меня поместили потому, что я чихал и кашлял, а отчасти потому, что я озорничал.

Мне было тоскливо одному в изоляторе и немного обидно, хоть я и понимал, что оказался тут не без причины. Но тут меня увлек рассказ о мальчике (он назывался «Доблесть») в старом номере газеты «Правда» (от 1 января 1935 года), и тоска вместе с обидой прошли не постепенно, а сразу, как это бывает только в детстве. Забылись...

Я думал о том, где же, в каком приморском городе произошло удивительное событие, описанное в газете? (Я знал, что в газетах пишут как раз о том, что было НА САМОМ ДЕЛЕ, а в сказках, наоборот, о том, чего в жизни не случается.) Но вожатая, которая зашла меня навестить, объяснила, что в рассказе, прочитанном мною, есть фантазия, что писатель Паустовский изображает будущую жизнь так, словно она уже есть.

— Это называется романтика, понял?— спросила она меня.

И я ответил «да», потому что боялся показаться непонятливым.

— Например, в повести «Колхида» Паустовский нарисовал, как люди осушили Колхиду, победили болота, ливни и лихорадку,— продолжала вожатая.— И, когда читаешь, думаешь, что описано то, что было! А это еще в наших планах на будущее.

Вожатая пожелала мне спокойной ночи.

Наутро простуда моя прошла. На вопрос, как я себя чувствую, я вежливо ответил:

— Спасибо. Намного лучше.

Врач сказал, что мой вид ему нравится больше прежнего, вожатая добавила, что и мой тон нравится ей больше прежнего. Она спросила, хочу ли я перейти в палатку к ребятам, и, кажется, была уверена, что я хочу.

Я ответил, что, если можно, останусь в изоляторе и буду читать «Колхиду» Паустовского.

Вожатая пожала плечами, взглянула на меня озадаченно, однако

«Колхиду» мне принесла. Я прочел ее с такой быстротой, с какой теперь читать не умею. И с уверенностью, что все изображенное в ней было на самом деле. (Слова вожатой просто забылись, едва я раскрыл книгу.)

Мне запомнилась фраза одного героя «Колхиды», которую в то время я не совсем понял: ЛЕГЕНДЫ ЗАКЛЮЧАЮТ В СЕБЕ ЗЕРНА БУДУЩЕГО.

Сейчас, спустя сорок лет, я перечитал слова, идущие следом за этой фразой. Они на редкость просты и ясны: «Стремление человека к высокому создает легенды. Миф об Икаре — самый простой из мифов. В наше время Икаром стал каждый летчик».

В детстве и отрочестве книги Паустовского стояли на моей книжной полке рядом с книгами Жюля Верна. В фантастику Жюля Верна тоже совершенно верилось, и не напрасно. В романе «С Земли на Луну» — он был известен тогда у нас под названием «Из пушки на Луну»—Жюль Верн предвидел, откуда впервые полетят люди к Луне, сколько их будет в летательном аппарате, предвидел, что, в первый раз приблизившись к Луне, люди не высадятся на ней, а лишь совершат облет спутника Земли. Он предугадал даже, что, возвращаясь домой, астронавты не приземлятся, а приводнятся. (А книга его вышла в свет за 100 лет до первого полета людей на Луну.)

Жюль Верн предвидел, предвосхитил великие технические достижения будущего. Паустовский пытался предугадать, какими станут в будущем отношения между людьми, как они изменятся.

По «зернам будущего» Константин Георгиевич создавал картины будущего, от которых читатели моего поколения не могли оторвать глаз.

Подобно тому, как летчик Ставриди рассеял туман над городом, где тишиною спасли от смерти маленького мальчика, Паустовский стремился рассеять туман, которым для читателей моего поколения было окутано далекое будущее. Это будущее, о котором мечтали Паустовский, Гайдар, Фраерман, становилось странно реальным, отчетливо близким.

М. БРЕМЕНЕР

Наталия ЮРКОВА

Воробей между рам

Воробей между рам.
Кто-то запер птицу там.
Металлическая сетка
И сухого клена ветка,
И цветы — для красоты.
Только эта красота
Непохожая, не та,
От которой громко петь
И смеяться хочется...
Воробью бы улететь!
Но забита форточка.
И нельзя открыть окно.
Не мое — чужое оно.

Я пошел, нажал звонок.
Появился толстячок
И сказал:
«Уйди! Он мой.
Сам влетел ко мне зимой!
Воробьишку за окном
Досыта кормлю зерном».

Двадцать раз я приходил,
Долго толстяка просил,
Чтобы птицу отпустил,
Говорил, что воробей,
Словно луч или ручей,
Должен прыгать по траве,
Кувыркаться в синеве...

И однажды вдруг толстяк
Улыбнулся: «Будет так!
Пусть мой серый воробей
Будет общий, пусть — ничей!
Буду сыпать за окно
Каждый день ему зерно».

Отпустил он воробья.
С Петькой мы теперь друзья.

Хороша в ведре водица

Побежим скорей к ручью,
Зачерпнуть воды хочу
Вместе с солнечным лучом,
Тонким ивовым сучком,
Вместе с запахом лесов
И со звоном родников.
Осторожно... Мы идем,
Мы несем вдвоем с ведром
Запах леса, звон ручья,
Золотой венок луча.
Хороша в ведре водица!
Приходите к нам напиться.

Двадцать пар добрых рук

Что могут за год сделать двадцать тимуровцев? Сколько операций провести, сколько концертов дать, да таких, чтобы из других деревень приходили зрители? Перед вами ДНЕВНИК ТИМУРОВЦЕВ из деревни Сендимиркино Вурнарского района Чувашской АССР. Посмотрите, как они живут — восемнадцать девочек и два мальчика.

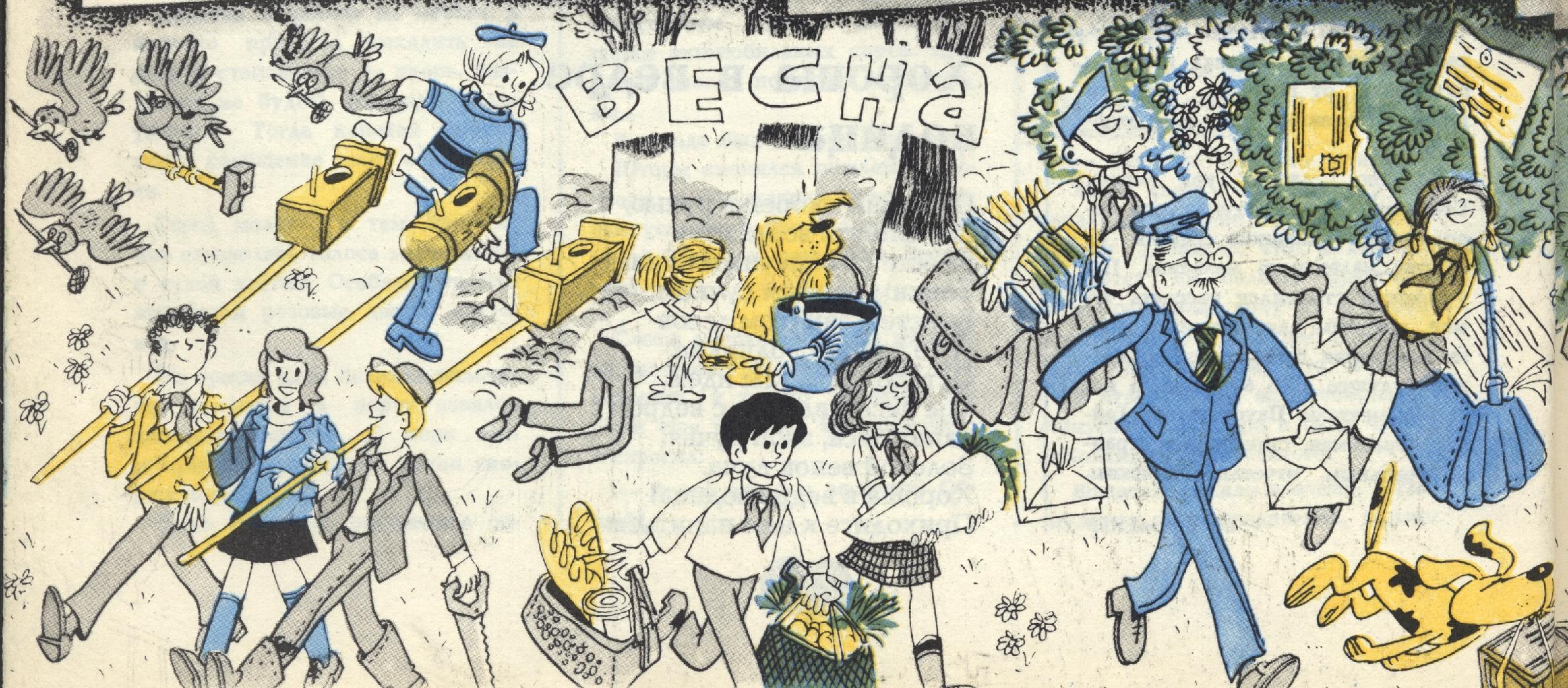
5 января. Сегодня помогали Федотовым. Перенесли шесть кубометров дров с улицы в сарай. И сено сложили в стожки.

20 января. Анастасия Семеновна Степанова и Валентина Семеновна Семенова — старенькие, на пенсии. Почти каждый день мы забегаем к ним: моем полы, приносим воду, ходим в магазин за хлебом, сахаром, очищаем двор от снега, пилим дрова. А иногда и просто так посидим, поговорим, о своих делах расскажем.

12 февраля. Решили, что каждое звено отряда будет выпускать свой еженедельник. Посмотрим, у кого больше выдумки и чье звено самое оперативное.

1 марта. Провели операцию «Живи, книга». В сельской библиотеке подклеили 256 книг.

В штабе открыли свою библиотеку. Попросили ребят принести старые учебники, которые уже не нужны, привели их в порядок и отдали тем, кому по этим учебникам еще предстоит учиться. Через год снова проведем обмен.



6 марта. Сегодня в клубе ветеранам труда колхоз вручал медали. Мы тоже решили их поздравить... концертом.

Надя Осипова так хорошо пела чувашские народные песни, что ее вызывали четыре раза. Некоторые зрители даже плакали. Девочки исполнили чувашский танец и «Березку». Клуб был переполнен. С улицы в окна заглядывали опоздавшие ребята, услышали про наш концерт, прибежали из других деревень.

26 апреля. Закончили операцию «Всё для автобуса». Собрали и сдали 1 100 кг металлолома.

По заданию районного Штаба Тимура построили 17 скворечников.

14 мая. Создали при штабе «Бюро добрых услуг». Если кому-то из жителей деревни нужна помощь, совет отряда тут же выделяет нескольких тимуровцев.

1 июня. Десять тимуровцев окончили учебный год без «троек». И остальные подтянулись, учиться стали лучше.

10 сентября. Собрали 56 килограммов желудей и 76 килограммов макулатуры.

5 октября. Провели операцию «Берегись пожара». За последнее время выпустили 30 листовок, подмели 60 дворов.

14 ноября. В штабе открыли выставку значков, старинных монет, марок и спичечных этикеток. Собирали всем отрядом. На выставку приходят ребята даже из соседних деревень. И взрослые заглядывают.

26 ноября. Всем отрядом вышли на операцию «Снег». Расчистили дорожки, ведущие к колодцам, к сараям, к баням.

12 декабря. Обсудили планы на следующий год. Опять будем и металлолом собирать, и над библиотекой шефствовать, и к бабушкам заходить... И еще решили колхозу помогать. Будем в страду убирать рожь, картофель.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Орлята из «Орленка»

Изорепортаж художника Ю. Черепанова

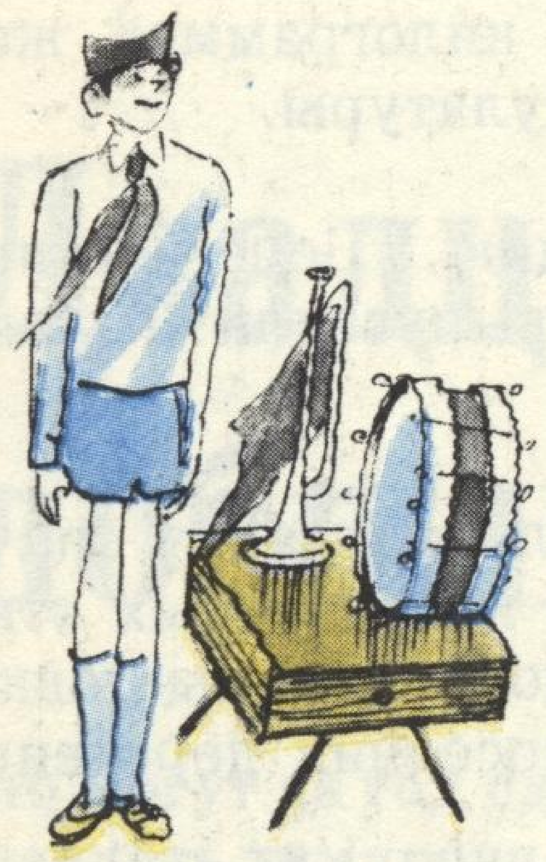
Ранним утром меня разбудил веселый звук горна. И началась для меня интересная жизнь. Я едва успевал зарисовывать то, что происходило в пионерском лагере.

Я видел, как «орлята» учатся летать на тренажерах, стендах и в кабинах настоящих самолетов.

А тот, кто мечтает стать моряком, — пожалуйста! В дружине «Штормовая» для этого все условия.

Недавно в «Орленке» построили новый Дворец пионеров. Есть в нем и огромный плавательный бассейн, выполненный по всем олимпийским нормам. Есть где юным пловцам добиваться олимпийских рекордов...

Но недаром говорят: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Посмотрите те зарисовки, которые я сделал в «Орленке».



Дневальный.

Будущие летчики.

Теперь дело за олимпийскими рекордами...

Отрядный художник.

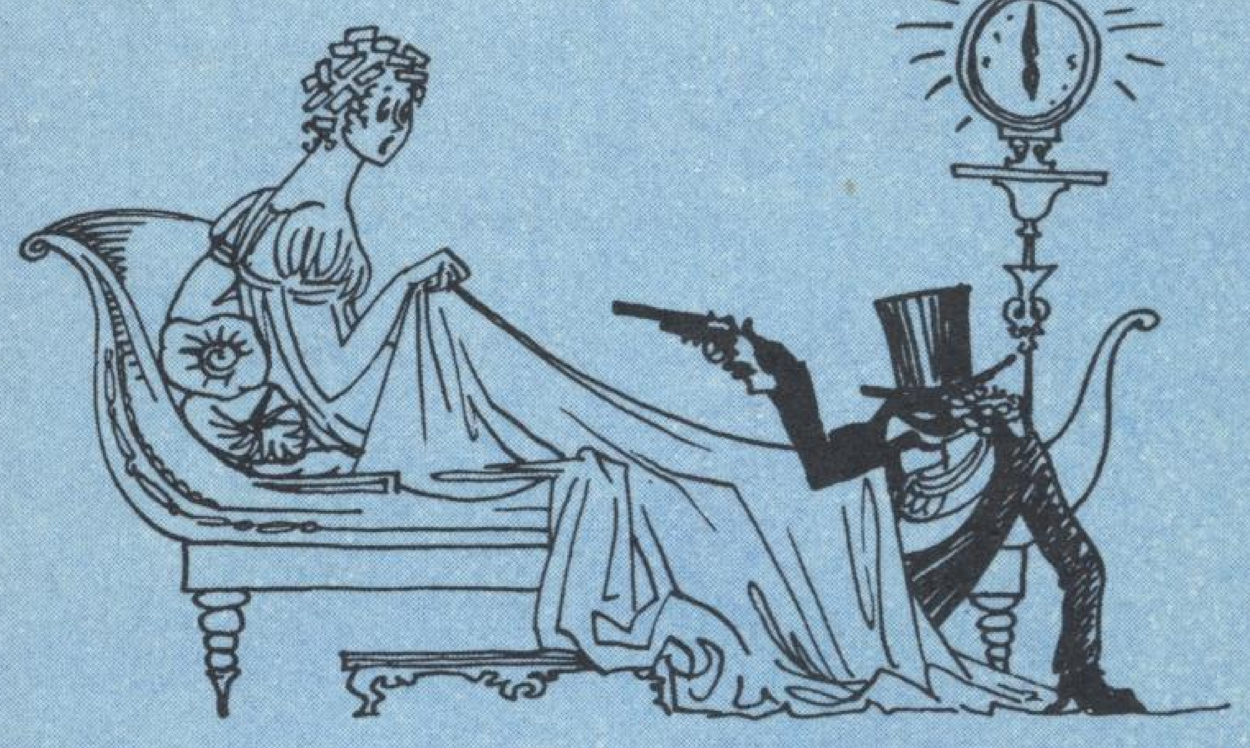
На весь отряд.

Лети на прогулку.

Как мы вам уже говорили, ребята, у взрослых участников нашей «Переменки» летних каникул не было. Ваши каникулы оказались для них довольно хлопотными днями: письма на конкурс «Невыдуманных диалогов» продолжают поступать, и некоторые авторы писем даже на конвертах пишут: «Без улыбки не вскрывать!» А в конвертах — смешные фразы из школьных сочинений, невыдуманные диалоги. Пятиклассница Светлана Кузьмина из Павловского Посада случайно написала в своем сочинении: «...рюкзака рядом не было, он уехал с отцом». Перечитав свое сочинение, Света рассмеялась и... послала его в «Переменку».

Рады мы и участию в «Переменке» ребят старшеклассников, от которых пришло к нам много писем. Юмор нам нужен — это «Переменка» заявляет совершенно серьезно!

Переменка



«Это было в шесть часов утра прошлого столетия».

Переменка Переменка

Из школьных сочинений

«Характеры у девочек расходятся в лучшую и худшую стороны».

«Вдали показалась стая уток и зайцев».

«У Базарова зеленые глаза с бакенбардами песочного цвета».

«Предложения бывают развитые и недоразвитые».

«Хлестаков был плохим и очень голодным и азартным».

«Велика же была радость, душившая его в своих объятиях».

«Посреди океана мальчик лежал в дрейфе, и его отхаживал врач».

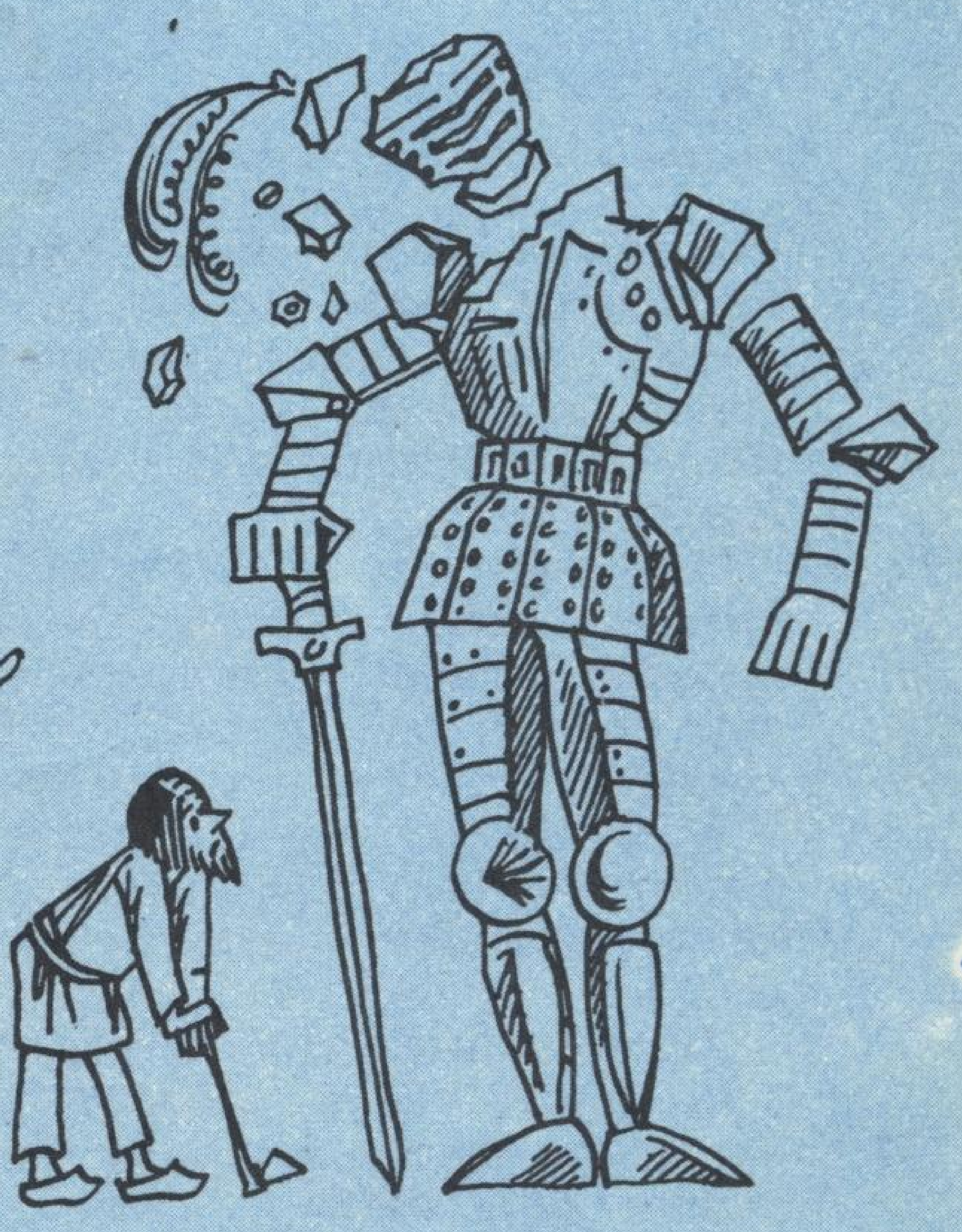
«В пустыне многие животные бросаются в спячку».

«Кошка сидела на крыше и повизгивала от удовольствия».

«К Тарасу приехали сыновья. Они были одеты в длинные сарафаны».

«Пьер бежал вперед, опережая пули».

«В комнату вбежал мальчик. На лице его изобразился ужас. Волосы мальчика то поднимались, то опускались».



«Феодалы росли и дробились на мелкие части».

Переменка

Продолжаем конкурс «Невыдуманных диалогов»!

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Ученик. Раствор поваренной соли в воде проводит электрический ток, значит, соль — электролит. Раствор сахара...

Учитель. Подумай, что представляет собой раствор сахара?..

Ученик. Чай.

Учитель. Почему летом дни длинные, а зимой короткие?

Ученик. Летом солнце греет и дни гораздо теплее, чем зимой, а ведь при нагревании все тела расширяются, вот и дни летом увеличиваются.

Алексей Баранов, г. Нижний Тагил.

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

— Какое хозяйство пришло на смену натуральному?

— Денежно-вещевое!

Лена Диденко, г. Тула.

— Что такое «барщина»? — спрашивает преподаватель.

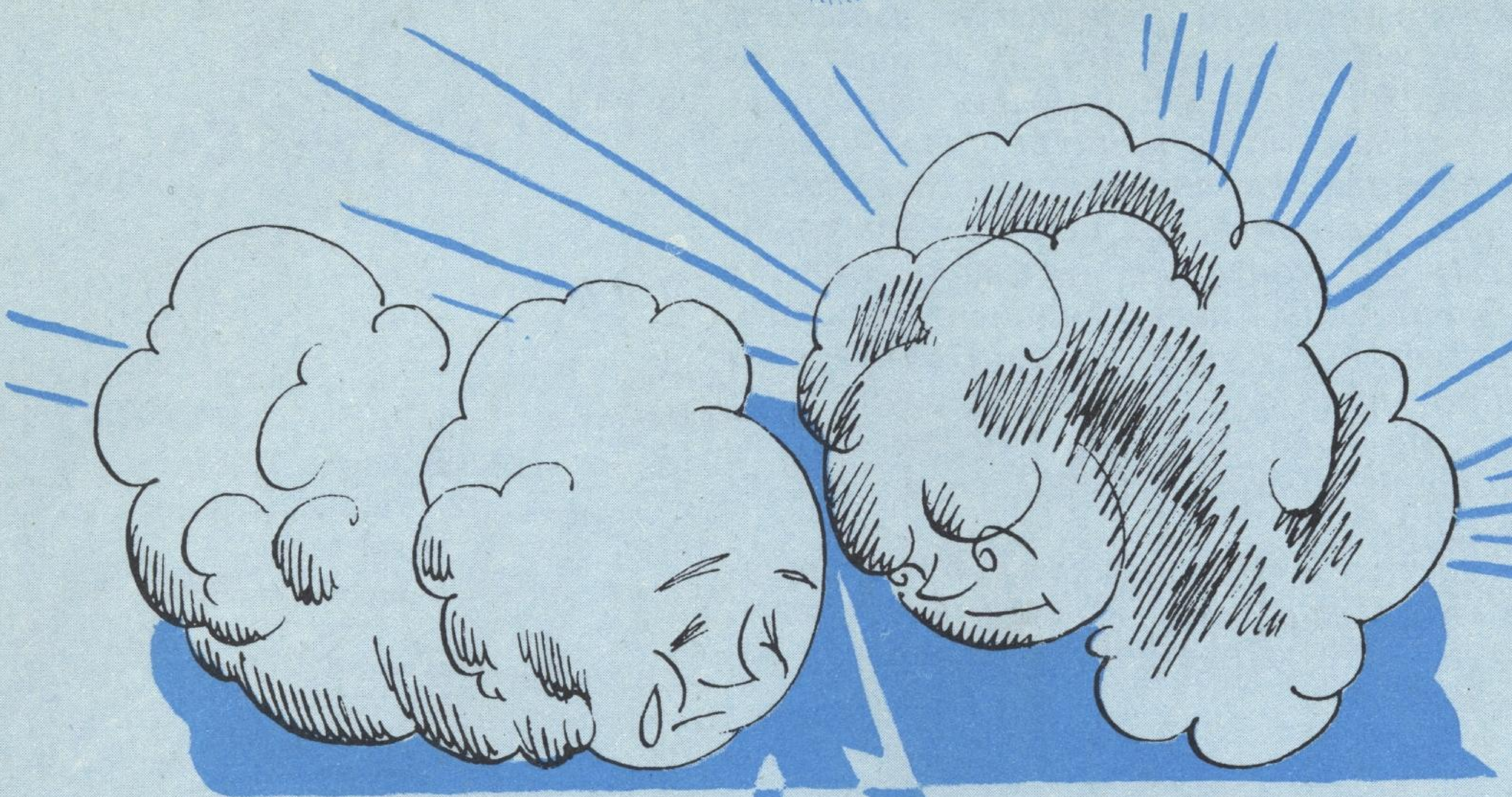
— Жена барина! — уверенно отвечает ученица.

Услаган Митаров, с. Кандрик, Дагестанская АССР.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Нам сказали составить предложение с фразеологическим оборотом «сломя голову». Один ученик думал-думал и придумал: «Я решал задачу, сломя голову!».

Люда Ткач, п. Флорешты, МССР.



Переменка

М. БАСКИН

Холодное лето

Холодное лето — беда. Купаться хочется, а кто же пустит. Вожатый Боря нам сочувствует, а помочь ничем не может. Саннорма для купания — 24 градуса Цельсия.

Мы градусник в котельной выпросили, через каждые полчаса просим: измерь температуру в пруду. Боря нас понимает. Идем к пруду, он опускает градусник в воду. Но как мы ни стараемся дышать на воду, красный столбик не поднимается выше 14 градусов.

Расстроенные, уходим в лагерь, а по дороге Боря говорит нам, что теоретически можно повысить температуру воды.

Легко сказать — можно. А как? Мы ломаем голову. От двух худших проектов отказываемся сразу.

Изменить положение земной оси, как предложил Дима Карасев, мы сочли невозможным, так же как и приблизить к Солнцу нашу планету Земля, на которой находится наш пионерский лагерь «Дружба».

У нас пропадает аппетит, за неделю мы всем отрядом набираем только три килограмма вместо положенных десяти. В критический момент Боря подбрасывает идею: нагреть воду в пруду. Он говорит, что это — опять же теоретически — возможно. Снова поиск, сидим днями в библиотеке — читаем книжки, делаем чертежи проектов. Можно сделать очень просто: греть воду обыкновенными электрокипятильниками. Но где взять несколько тысяч кипятильников? Вот вопрос!

И тут Боря рассказывает как бы невзначай, что у древних жителей Востока жилища обогревались дымоходами, проложенными под полом. Эта идея нам понравилась. Топлива у нас хватает — шишек и хворосту у нас сколько угодно.

Достали старые трубы, соорудили на берегу две громадные печки кирпичные. Работать было так интересно, что мы забыли о купании. К середине смены отопительная система была готова. Мы приготовились к торжественному открытию, даже красной ленточкой запаслись...

И тут вдруг грянул гром. Самый настоящий, с теплым ливнем. Когда утром мы выбежали на зарядку, всем стало понятно, что произошла катастрофа. Солнце резало глаза. Нежданное, негаданное потепление сорвало наш эксперимент.

Холодных дней мы так и не дождались. Купались, правда, каждый день, но без особого интереса.

Владимир ОРЛОВ

Упрямые тучи

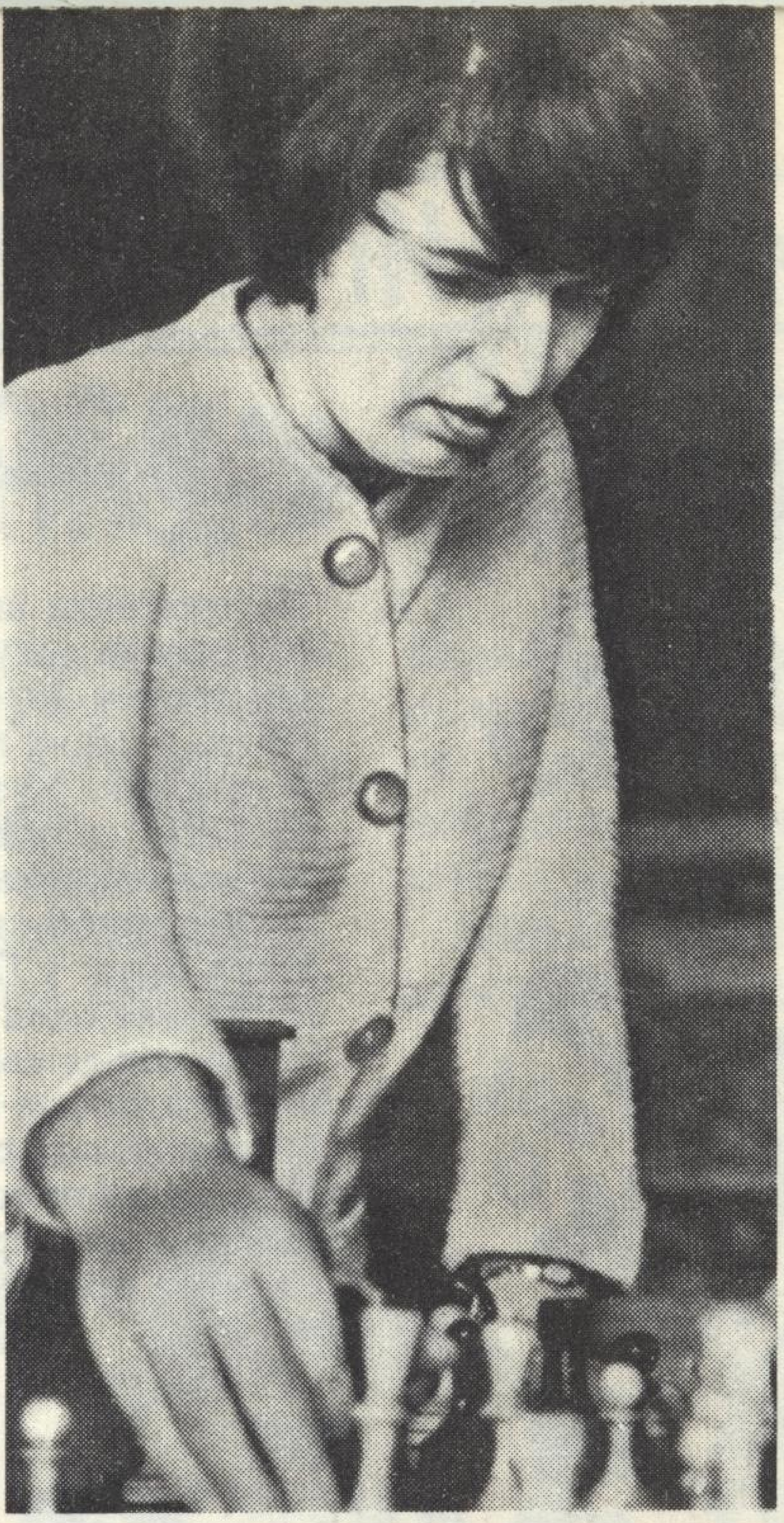
Туча тучу
Повстречала,
Туча туче
Прорычала:
— Что гуляешь
На пути?
Прочь с дороги!
Дай пройти!

Отвечала
Туча туче:
— Ты меня
Не трогай лучше!
Я гуляю,
Где хочу!
Если тронешь,
Проучу!

Туча тучу —
Лбом, лбом!
А по небу —
Бом, бом!
Бой над городом
Грохочет,
Уступить никто
Не хочет.

Бились тучи
Целый час,
Искры сыпались
Из глаз.
Подрались они
Всерьез,
Довели себя
До слез.

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.
Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.



Чемпионка мира гроссмейстер Нона Гаприндашвили.

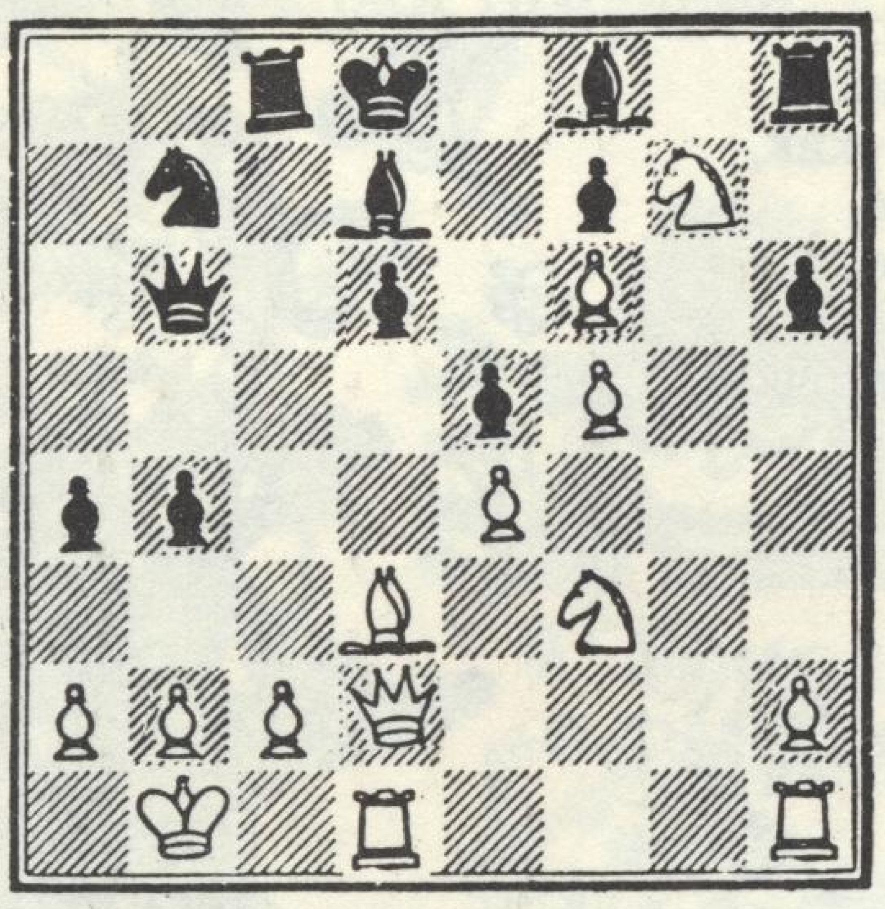


Диаграмма № 1

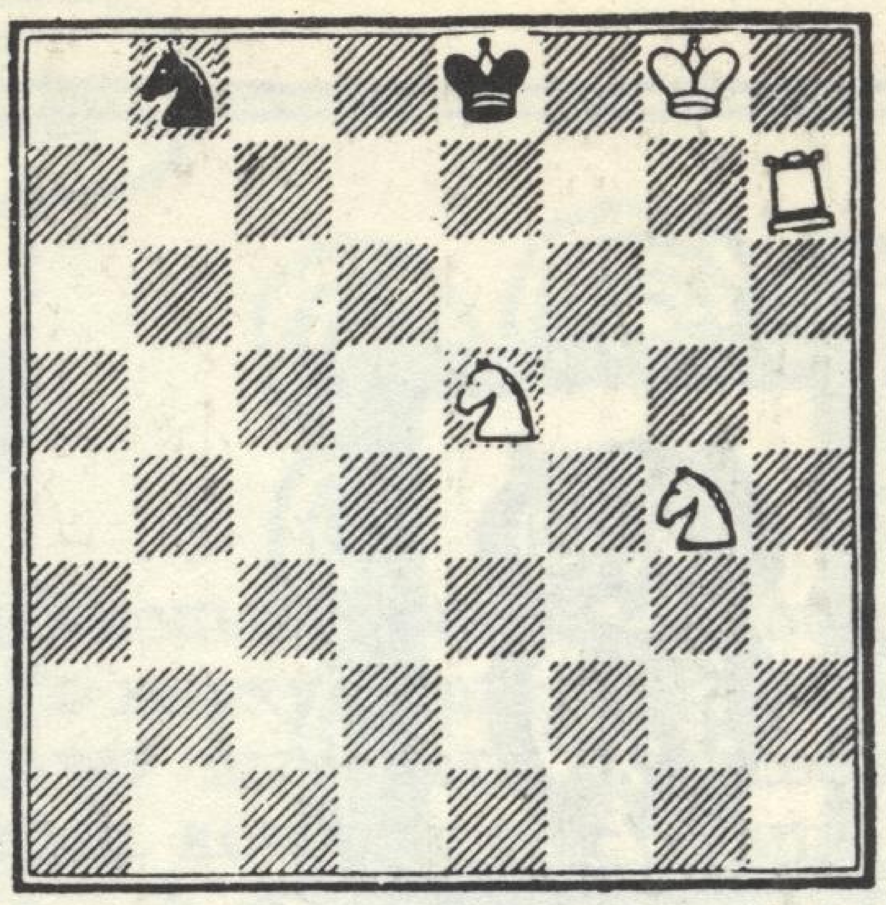


Диаграмма № 2

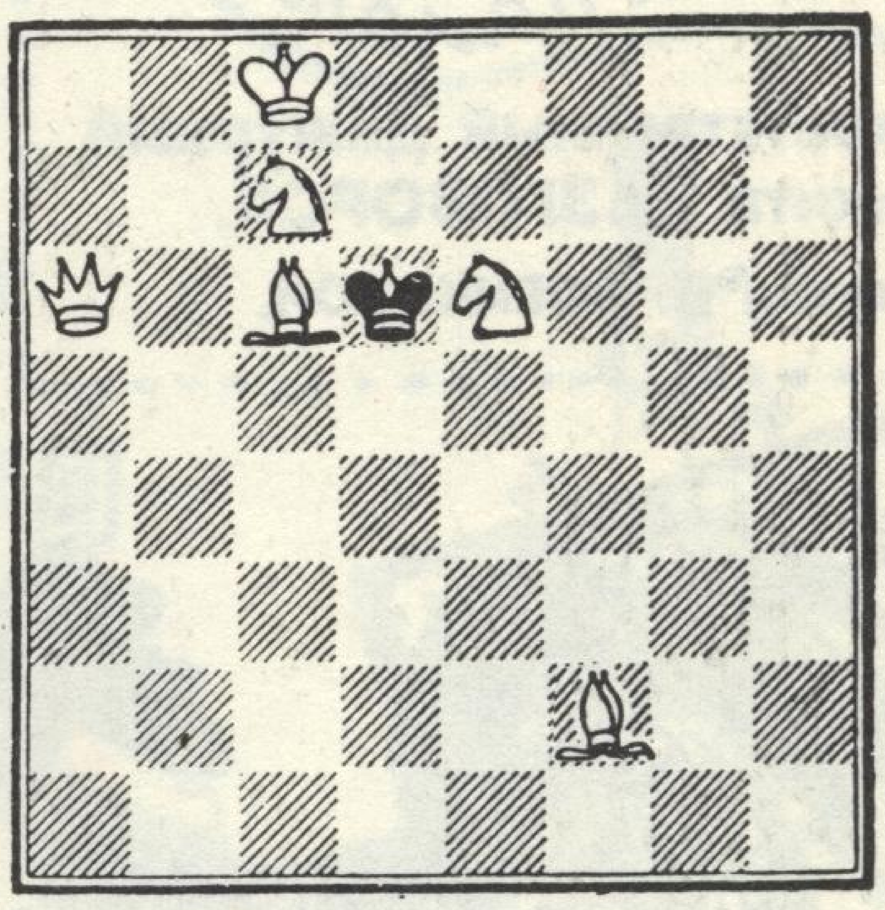


Диаграмма № 3

ПЕШКИН ПУТЕШЕСТВУЕТ

Славно попутешествовал этим летом Пешкин: побывал в Житомире на финальном турнире клуба «Белая ладья», в Тбилиси на четвертом соревновании команд Дворцов пионеров на приз газеты «Комсомольская правда».

Команду тбилисского Дворца пионеров на этот раз возглавляла чемпионка мира гроссмейстер Нона Гаприндашвили. Лидером юных москвичей был гроссмейстер Евгений Васюков, в ленинградской команде выступал гроссмейстер Марк Тайманов, в команде киевского Дворца пионеров — гроссмейстер Давид Бронштейн, в свердловской — гроссмейстер Евгений Свешников, в кемеровской — гроссмейстер Виталий Цешковский. Все они начинали свой спортивный путь в пионерских соревнованиях.

Соревнования закончились победой ленинградцев — сильной и дружной команды.

На втором месте команда кемеровского Дворца пионеров. Лидер сибирских юных шахматистов — пятнадцатилетний кандидат в мастера Е. Пигусов. Недавно он стал чемпионом Кемеровской области среди взрослых с блестящим результатом: одиннадцать очков из одиннадцати!

Из Тбилиси Пешкин полетел в город Горький: очень ему хотелось повидаться с Витей Купоросовым, кандидатом в мастера. Пешкину нравятся его партии.

Витю научил играть в шахматы его отец. В десять лет Витя был уже перворазрядником, играл в чемпионате города.

Тренировал Витю заслуженный мастер спорта Петр Васильевич Дубинин. Он научил юного шахматиста упорству, выдержке, умению критически взглянуть на свою игру.

— О чем ты мечтаешь? — спросил Пешкин Витю.

— Хочу стать мастером, — ответил он.

Пешкин уверен: если Витя будет так же серьезно заниматься шахматами, его мечта осуществится.

Перед вами окончание партии **Купоросов — Гаранян.**

Неожиданно последовало:

25. Cd3—c4! Kd7—c5 (Если 25... Л : c4, то решает красивый удар 26. К : e5!) 27. Лh1—e1 b4—b3 27. c2 : b3 a4 : b3 28. a2—a3 d6—d5 (тщетная попытка запутать противника) 29. Kf3 : e5 Фb6 : f6 30. Ke5 : d7 Kc5 : d7 31. Фd2 : d5 Лc8—c7 32. Kg7—h5 Фf6—b6 33. Cc4—b5! Фb6—a7 34. Kh5—f6 Cf8 : a3 35. Фd5 : d7+! черные сдались. Убедительная победа.

Конкурс Пешкина

Помните, Пешкин объявил его в № 6 «Пионера»? На этот раз он предлагает две задачи-миниатюры (так называют шахматные композиции, в которых число действующих фигур и пешек не превышает семи).

(Диаграмма № 2)

Найдите, как в этом положении белые, начиная игру, дают мат в три хода.

Автор первой задачи — Альфред Мюссе, французский писатель прошлого века.

(Диаграмма № 3)

Вторую задачу составил советский ученый А. Гуляев. В этой позиции мат достигается в два хода. Начинают игру, как обычно, белые.

Ждем ваших решений, ребята!

Игры деда Буквоеда

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

КУЗОВОК

По тропинке во весь дух
Мчится из лесу Петух,
Он кричит: Ку-ка-ре-ку!
Честь и слава грибнику!
Я наполнил кузов мой
И бегу скорей домой!
Из-под елки фыркнул еж:
— Все грибы ты растрясешь!
Ежик прав: у Петуха
В кузовке одна труха.
Ка-ро-мас-ле-сы-еж-вик,
Нок-под-ос-вол-ры-ка-жик,
Ка-сич-ли-под-ре-бе-зо,
Нуш-ик-ин-пе-нок-ов-о!
Изучите эти строчки,
Склейте правильно кусочки!

Задача кузнечика

К водопою бегут жеребята,
Вместе с ними несутся ребята
И веселый кудлатый щенок.
Мне видны из травы
Двадцать две головы
И семь дюжин мелькающих ног.

Сосчитай-ка сам скорей,
Сколько будет хвостов и ушей?

ДВА УПРЯМЦА

На пустыре, рогат и зол,
Привязан к дереву козел.

Прошу, ответьте мне, друзья,
Как своего добился я?
Кто нарисует свой ответ?
Поторопитесь!
Всем привет.

Живживка

Игры Лупы и Пинцета

Канада-Бразилия

Двадцать участников Международного конгресса филателистов в перерыве между заседаниями обменивались марками. Каждый из них коллекционирует марки одной или нескольких стран. Филателист под первым номером собирал марки Канады, а потом решил собирать марки Бразилии. Сколько ему надо сделать обменов (наименьшее число), чтобы получить бразильскую марку? При этом учтите: филателисты хотят выменять для себя марки только тех стран, которые они собирают.

Взамен они охотно отдают любую марку из своего кляссера.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 7

Игры Деда Буквоеда

школьник, шест, клык, имя, ком, осел, штык, союз.

Иксам вход запрещен

Всего 18 марок: 3—5—10

Капитан Перо ищет помощника

63924
+ 63924
127848 пароль — бокс

Велокросс

Все велосипеды будут отремонтированы, и в запасе останется рама.

То, что суша занимает одну треть Земли, вы знаете давно, а то, что рисунки и иллюстрации в нашем журнале занимают примерно треть «территории» «Пионера», узнали, наверное, только сейчас.

— Папа, купи мне книжку с картинками.— Эту фразу часто можно услышать в книжном магазине.

Читать книгу или журнал тебе помогают иллюстрации: художник показывает тебе героев повестей и рассказов, обстановку, в которой они живут, детали, о которых писатель, возможно, и не сказал. Художник помогает тебе увидеть события глубже и шире.

Часто благодаря иллюстрациям у нас на всю жизнь сохраняется зрительный образ полюбившихся нам книжных героев: Гулливера, Дон Кихота, Буратино, Доктора Айболита и многих других.

Но нередко бывает так, что писателя ты помнишь и знаешь, а художника?

В «Пионере» ты найдешь рисунки многих художников. Их имена составляют гордость советского изобразительного искусства. Это А. Каневский, П. Митурич, Н. Жуков, Л. Голованов, Г. Нисский, О. Верейский, М. Сарьян, Ю. Пименов, А. Пластов, Ф. Лемкуль и многие другие.

Сегодня для нашего журнала рисуют примерно 60 художников. Обо всех сразу не расскажешь. Я хочу коротко рассказать лишь о трех из них: о Е. Медведеве, А. Аземше и И. Урманче.

Евгений Медведев перешагнул порог нашей редакции одиннадцать лет назад. Он создал иллюстрации почти ко всем повестям и рассказам Владислава Крапивина, к сказке Вениамина Каверина «Летающий мальчик», к повестям Л. Воронковой и В. Железникова и к произведениям других писателей. Недавно мы собрали все его картинки, нарисованные для «Пионера», и устроили в редакции выставку: показали всем, кто приходил к нам, сто работ Медведева. Журнал «Журналист» рассказал о ней в статье под названием «Волшебный ларец Евгения Медведева».

Александр Аземша — молодой художник, но он уже успел много сделать. В редакции ленинградского журнала «Аврора» тоже устроили выставку его рисунков, которые он печатал во многих журналах, в том числе и в «Пионере». Помнишь иллюстрации к повести Альберта Лиханова «Мой генерал» и к «Новогодней сказке» А. Шарова? Их нарисовал А. Аземша.

Яркие, сказочные рисунки **Ильдара Урманче** не раз радовали тебя в «Пионере». Любит он делать рисунки и для мультипликационных фильмов. Многие из вас, наверно, видели фильм «Птичка Мейдзи, которая не хотела высиживать птенца». Рисунки для этого фильма делал И. Урманче.

В предыдущем выпуске Летописи мы рассказывали вам, как создавал иллюстрации к повести Л. Воронковой «Неистовый Хамза» художник В. Дудкин. Напишите, понравились ли они вам?

В седьмом номере «Пионера» вы, наверно, читали документальный рассказ Л. Ковальчука «Из искры — пламя» о том, как рабочие завода «Арсенал» устанавливали Советскую власть на Украине. И вот для того, чтобы читателям легче было представить все, о чем рассказал Л. Ковальчук, в Киев отправился художник **А. Гришин.**

За годы Советской власти завод «Арсенал» изменился, вырос, и художнику пришлось расспрашивать очевидцев, изучать документы, чтобы нарисовать, каким был «Арсенал» в 1917 году.

Летописец «ПИОНЕР»ский

СОДЕРЖАНИЕ

Постановление Верховного Совета СССР. Об избрании товарища Брежнева Л. И. Председателем Президиума Верховного Совета СССР . . . . 2-я стр. обложки
Гимн Союза Советских Социалистических Республик.— Текст С. Михалкова и Г. Эль-Регистана. Музыка А. Александрова 1
Синие холмы.— Рассказ Л. Матвеевой. Рисунки Б. Гуревича 2
Хороши летние денечки! — Рисунки А. Борисова 9
Октябрь шагает по планете.— Очерк И. Авчиной . . 10
Рассказы о стихах
Стихи стремительные, как тачанки.— Е. Рейн. Рисунки С. Острова 12
Советский характер
Особое задание. — Документальная повесть Ан. Членова. Рисунки В. Дудкина 16
Октябрьская эстафета «Пионера»
Ответственность за прожитый день.— Подготовила М. Матвеева. Рисунки И. Красулина . . . 28
Машины, на которых тебе работать
Фамилия — комбайн, имя — «Нива».—В. Папков. Записала Л. Волкова 32
Маршрутами десятой пятилетки
Точное время.— Очерк В. Арро. Рисунок Н. Барбоченко 33
Малая пионерская энциклопедия 37
В мир прекрасного
Второе путешествие на «Электронике».— С. Сахарова 38
Шмель о солнышке поет. Осень.— Стихи А. Костецкого. Перевел с украинского Г. Кружков . . . 43
Международный пионерский клуб «Товарищ» . . 44
«Кораблик» 47
Лесная школа
Обыкновенная береза.— Очерк Ю. Крутогорова. Рисунки Ю. Бондаренко 50
Звездоня.—Стихи Х. Халикова. Перевел с татарского Л. Ханбеков 54
Синий воздух. Мальчик, чего же ты ждешь? — Стихи М. Алимбаева. Перевел с казахского А. Крестинский. Рисунки Ю. Карповой 55
Недобрый ветер.— Повесть А. Хант. Продолжение. Перевел с английского В. Рамзес. Рисунки Н. Тодорова 56
Зерна будущего.— М. Бременер 69
Хороша в ведре водица. Воробей между рам.— Стихи Н. Юрковой 71
Боевой листок 72
Орлята из «Орленка».— Рисунки Ю. Черепанова . 74
Переменка.— Ведет Н. Ростовцева. Рисунки Н. Доброхотовой 75
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович. Рисунок Н. Марковой 77
Ума палата.— Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой 78
Летопись «Пионера» 80
На обложке:
Собираем урожай.— Рисунок А. Борисова.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), **В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА** (редактор отдела оформления), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **Ю. М. ЧИЧКОВ.**

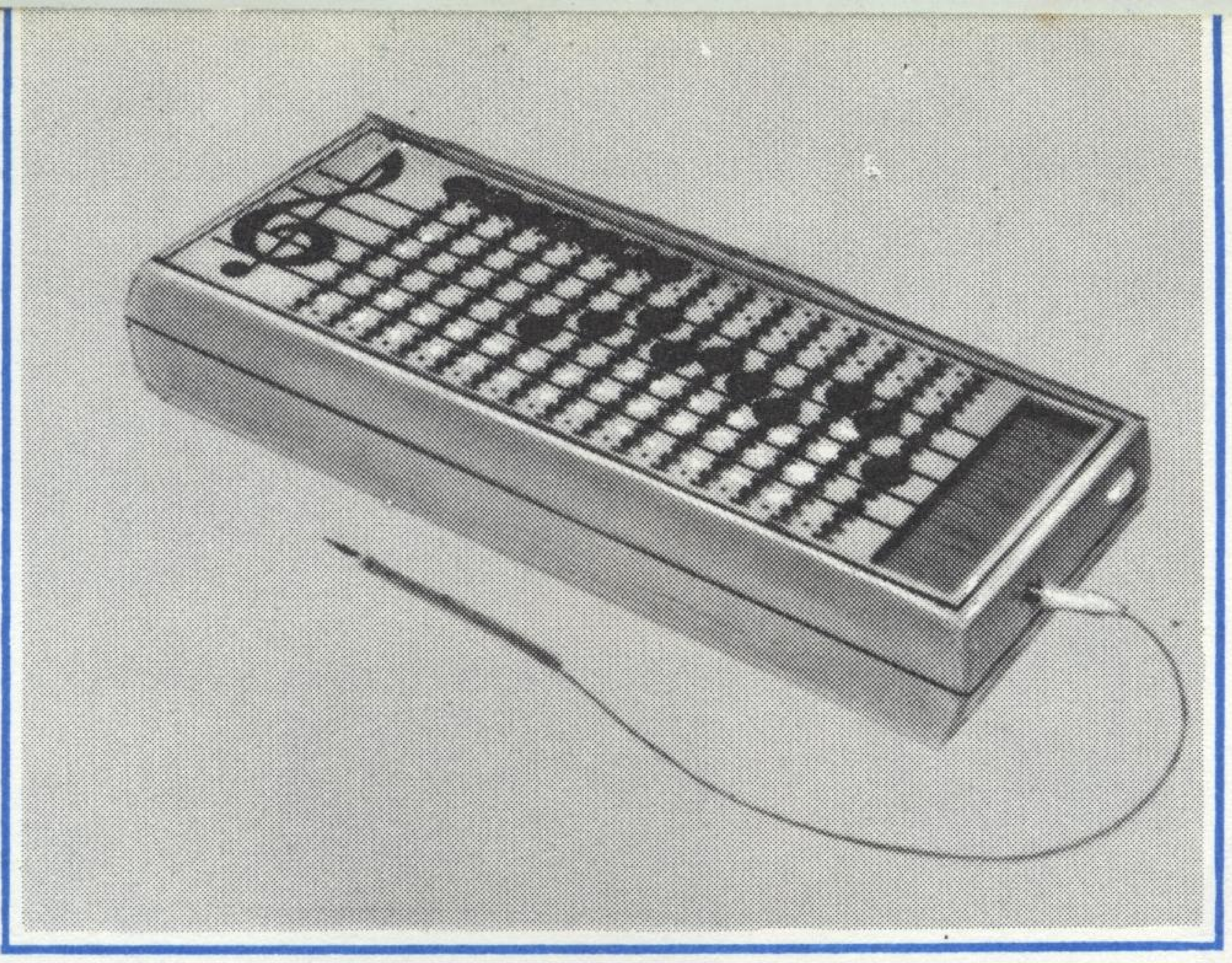
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **А. М. ГРИШИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1977.

Адрес для писем: 101459, ГСП-4, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 25/V 1977 г. А 09250.
Подписано к печати 29/VI 1977 г. Формат 84×60 1/8.
Усл. печ. л. 9,33. Учетно-изд. л. 11,24.
Тираж: 1 500 000 экз. Изд. № 1717. Заказ № 668.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.



АЗБУКА ДЛЯ БУДУЩИХ МУЗЫКАНТОВ

Первые шаги самые трудные. И делаешь их смелее, когда рядом с тобой друг или помощник.

Таким помощником станет для вас, ребята, ЗВУЧАЩАЯ НОТНАЯ АЗБУКА. Она поможет быстро усвоить основы нотной грамоты.

На пластмассовом корпусе изображен настоящий нотный стан. Размещая фишки по нотным линейкам, можно записать любую мелодию или музыкальное упражнение. Стоит потом прикоснуться указкой к знакам, и записанная мелодия зазвучит. Так вы сможете проверить, правильно ли записали ее.

«Нотная азбука» работает от шести батареек типа «Марс» или «Сатурн» общим напряжением 9 вольт. Размеры ее — 430×186×62 миллиметра, весит она 3,5 килограмма и стоит 30 рублей.

Заказы индивидуальные направляйте по адресу: Свердловск (областной), оптовая база «Посылторга». Денег не посылайте, заплатите на почте при получении заказа.

Заказы на партию «Нотных азбук» посылайте по адресу: город Свердловск (областной), оптовая база «Посылторга».

Центральная коммерческая рекламная организация «Радиотехника»

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Первая детская железная дорога была открыта в 1935 году в Тбилиси. В 1970 году она отметила свой тридцатипятилетний юбилей, в честь которого и был выпущен знак (второй сверху). На паровозик, изображенный на нем, теперь нельзя смотреть без улыбки, но он верой и правдой служил пионерам и его поставили навечно на пьедестал почета в Тбилиси.

Теперь тепловозы и электровозы водят поезда по рельсам детских железных дорог, а их в Советском Союзе тридцать девять.

Рассматривая значки, вы разберетесь в том, юные железнодорожники какой дороги их носят. Но вас может удивить цифра «100» на значке внизу справа. Этот значок посвящен 100-летию Куйбышевской магистрали. Ребята отмечали это важное событие вместе со взрослыми.

Ю. ТОЛСТОВ

Цена 25 коп.
Индекс 70694